

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ СБОРНИК

ПО МАТЕРИАЛАМ XXI МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 30 ДЕКАБРЯ 2016 Г.

2016 № 12-7
ISSN 2413-0869

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 12, часть 7

Периодический научный сборник

*по материалам
XXI Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 30 декабря 2016 г.*

ISSN 2413-0869

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 12-7

Периодический научный сборник

Выходит 12 раз в год

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-65905 от 06 июня 2016 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель и издатель:

ИП Ткачева Екатерина Петровна

Главный редактор: Ткачева Е.П.

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а

Телефон: +7 (919) 222 96 60

Официальный сайт: issledo.ru

E-mail: mail@issledo.ru

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)** по договору № 301-05/2015 от 13.05.2015 г.

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте: www.issledo.ru

По материалам XXI Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 30 декабря 2016 г.).

Редакционная коллегия

Духно Николай Алексеевич, директор юридического института МИИТ, д.ю.н., проф.

Васильев Федор Петрович, профессор МИИТ, д.ю.н., доц., чл. Российской академии юридических наук (РАЮН)

Датий Алексей Васильевич, главный научный сотрудник Московского института государственного управления и права, д.м.н.

Кондрашихин Андрей Борисович, профессор кафедры экономики и менеджмента, Институт экономики и права (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе, д.э.н., к.т.н., проф.

Тихомирова Евгения Ивановна, профессор кафедры педагогики и психологии Самарского государственного социально-педагогического университета, д-р пед. наук, проф., академик МААН, академик РАЕ, Почётный работник ВПО РФ

Алиев Закир Гусейн оглы, Институт эрозии и орошения НАН Азербайджанской республики, к.с.-х.н., с.н.с., доц.

Стариков Никита Витальевич, заместитель первого проректора – начальник управления инновационного развития Белгородского государственного института искусств и культуры, к.с.н.

Ткачев Александр Анатольевич, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», к.с.н.

Шаповал Жанна Александровна, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», к.с.н.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»	5
<i>Аджиева З.М.</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОСПАРИВАНИЯ КРУПНЫХ СДЕЛОК В КОРПОРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ	5
<i>Азукаева Б.А., Мургаев М.Б.</i> О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИНСТИТУТА ДОВЕРЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ.....	10
<i>Амирханова Х.М., Заикин В.В.</i> СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ИГОРНОГО БИЗНЕСА.....	12
<i>Ауль Н.И., Козлов В.А.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОЦЕНКИ ИМУЩЕСТВА ДОЛЖНИКА В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ	14
<i>Ачылов М.Т., Лукьянчикова Е.Ф.</i> СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ОКАЗАНИЯ УСЛУГ ИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА КАК ПРЕДМЕТА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА	17
<i>Байковская Л.В.</i> ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ В РОССИИ И ФРАНЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.....	20
<i>Бескорвайная Е.О., Луканина В.С., Рябинин А.Г.</i> О КОНТРОЛЬНОЙ ФУНКЦИИ СУДА НА ЭТАПАХ ПОДГОТОВКИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА К СУДЕБНОМУ ЗАСЕДАНИЮ И СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ.....	24
<i>Борисова А.А.</i> ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ	27
<i>Вавилова Л.В.</i> УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ	32
<i>Гаджихамедова М.Н.</i> ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕГИСТРАЦИЯ ЕДИНОГО НЕДВИЖИМОГО КОМПЛЕКСА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ.....	37
<i>Гаджиев А.И.</i> ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖОТРАСЛЕВОЙ АНАЛОГИИ ЗАКОНА В ТРУДОВЫХ СПОРАХ.....	41
<i>Дубов А.М., Зайчиков Я.В.</i> К ВОПРОСУ О РОЛИ СУДА В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ	45
<i>Дубов А.М., Шаназарова Е.В.</i> ПОНЯТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ...49	49
<i>Зарамышева Д.А., Казановская Ю.А.</i> СООТНОШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	51
<i>Зорилэ Д.В.</i> ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО ДЕРЖАНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕРМАНИИ.....	54
<i>Исаков И.Н.</i> ВОЗДЕЙСТВИЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	62
<i>Калугина И.А., Лукьянчикова Е.Ф.</i> УЧАСТИЕ ПЕДАГОГА И ПСИХОЛОГА В ДОПРОСЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО	64
<i>Карабутов А.А., Лукьянчикова Е.Ф.</i> УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ОТ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ	67
<i>Карагушева А.А.</i> ОРГАНИЗАЦИЯ МИКРОФИНАНСИРОВАНИЯ В РОССИИ: ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.....	70
<i>Кардашова И.Б.</i> ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	74
<i>Комбарова Е.Л.</i> ПАРАМЕТРЫ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА РЕШЕНИЙ МИРОВЫХ СУДЕЙ РФ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ	77

Копылов П.А., Степанов С.И. ПРИМАТ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА НАД ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРАВОМ.....	79
Куликова Е.С. РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ ВЕДЕНИЯ И ПОЛНОМОЧИЙ МЕЖДУ ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	82
Лукьянчикова Е.Ф., Титов А.Д. РОЛЬ АДВОКАТА ДОВЕРИТЕЛЯ В ПРОЦЕДУРЕ МЕДИАЦИИ	88
Майоров В.И., Полякова С.В. К ВОПРОСУ О ВИКТИМНОСТИ УЧАСТНИКОВ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ.....	91
Перепечкина Е.Г. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ.....	94
Попов Е.А. К ВОПРОСУ О РОЛИ АВТОТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ	97
Пузиков С.А., Мурадалиев В.А. АРКТИЧЕСКИЙ РЕГИОН В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	104
Русин И.А., Лукьянчикова Е.Ф. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В ОТНОШЕНИИ ПОТЕРПЕВШИХ	108
Сваткова А.А., Филиппова К.Ю. ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ШТРАФА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	111
Скрябина Н.В. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫМ УЧАСТКОМ	115
Скрябина Н.В. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИПОТЕКИ (ЗАЛОГА) ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА	118
Скрябина Н.В. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕНТЫ И ПОЖИЗНЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ С ИЖДИВЕНИЕМ С ОТЧУЖДЕНИЕМ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА	121
Требух М.А., Казановская Ю.А. О СООТНОШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА	125
Удодова А.С., Обмачевская И.А. К ВОПРОСУ О СООТВЕТСТВИИ ЧАСТИ 3 СТАТЬИ 32 КОНСТИТУЦИИ РФ ПРИНЦИПАМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА.....	127
Хахалова Н.В. ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СУДЕБНО- БАЛЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ, ТРЕБУЮЩИЕ РАЗРАБОТКИ НОВЫХ МЕТОДИК ИССЛЕДОВАНИЯ	129
Хоборова К.Р., Лукьянчикова Е.Ф. СОХРАНЕНИЕ ТАЙНЫ ИСПОВЕДИ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕМ: ЮРИДИЧЕСКАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА	134
Черных В.А., Лукьянчикова Е.Ф. УПРАЗДНЕНИЕ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РФ: ВОЗМОЖНО ЛИ ЭТО?	139
Шахбанова Ю.А. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ЖЕНЩИН, ЛИЦ С СЕМЕЙНЫМИ ОБЯЗАННОСТЯМИ	142
Шорохова С.В., Ковалёва С.Ю. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО РОЗЫСКА ДОЛЖНИКА	148

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОСПАРИВАНИЯ КРУПНЫХ СДЕЛОК В КОРПОРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Аджиева З.М.

магистрант первого года обучения,

Дагестанский государственный университет, Россия, г. Махачкала

В статье рассматриваются некоторые актуальные вопросы теории и практики признания недействительными крупных сделок корпоративных организаций. Рассматриваемый институт на сегодняшний день является действенным средством защиты интересов добросовестных участников гражданского оборота. Актуальность темы исследования также связана с принятием ФЗ от 03.07.2016 № 343-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность».

Ключевые слова: крупная сделка, оспаривание, недействительность крупной сделки, убытки, добросовестность контрагента.

В условиях рыночной экономики существует необходимость выработки мер, направленных на снижение правовых рисков, которые неизбежно возникают между свободными участниками гражданского оборота. В первую очередь это касается создания безопасных условий заключения и исполнения сделок между добросовестными субъектами имущественных отношений. В этой связи действующее российское законодательство, как и законодательство многих развитых стран с рыночной экономикой, уделяет немалое внимание правовому регулированию особых сделок юридических лиц, так называемых экстраординарных сделок: крупных сделок и сделок с заинтересованностью.

Тема исследования становится еще более актуальной в связи принятием ФЗ от 03.07.2016 № 343-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность». Изменения вступают в силу 1 января 2017 г.

Основным способом защиты интересов акционерного общества и общества с ограниченной ответственностью и их акционеров и участников на сегодняшний день является признание недействительной и применение последствий недействительности крупной сделки, заключенной с нарушением установленного законом порядка. Рассмотрим некоторые наиболее важные вопросы, связанные с этим, обратившись при этом к изменениям, вступающим в силу с 1 января 2017 г.

В соответствии с п.6 ст.79 ФЗ «Об акционерных обществах», крупная сделка, совершенная с нарушением предусмотренных Федеральным законом требований к ней, может быть признана недействительной по иску общества

или его акционера. Аналогичное положение содержит п.5 ст.46 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». Как следует из приведенных норм законов, крупная сделка, совершенная с нарушением требований к ней, является оспоримой. Т.е. законодатель как способ защиты нарушенных прав общества и его членов выбрал признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности. Долгое время ФЗ «Об акционерных обществах» не называл крупные сделки акционерных обществ ни ничтожными, ни оспоримыми, но из общих положений ГК РФ следовала их ничтожность. Однако по этому вопросу не было единодушия в научной литературе [3, 5].

В настоящее время, как указывалось, ФЗ «Об акционерных обществах» не вызывает сомнений относительно вида недействительности крупных сделок. Сделки акционерных обществ, обществ с ограниченной ответственностью являются оспоримыми. Так, в деле по иску ООО «Дагестангазсервис» к ОАО «Даггаз» о государственной регистрации договора аренды ответчик просил суд отказать в удовлетворении иска, ссылаясь на то, что сделка для общества является крупной сделкой, решение о совершении которой уполномоченным органом не принималось, и, следовательно, она является недействительной. Арбитражный суд Республики Дагестан не счел данный аргумент ответчика обоснованным, поскольку «в соответствии с п.6 ст.8 и в силу ст.79 ФЗ «Об акционерных обществах» крупные сделки являются оспоримыми, а не ничтожными. Доказательств признания спорной сделки недействительной ответчиком не представлено, и со встречным иском в рамках настоящего дела компания не обратилась» [6]. Исковые требования ООО «Дагестангазсервис» суд удовлетворил.

Отметим, что признание на законодательном уровне сделок обществ оспоримыми носит положительный характер, поскольку такой подход исходит в первую очередь из необходимости защиты интересов общества, его членов, а также в наибольшей мере способствует стабильности гражданского оборота.

Однако не все цивилисты поддержали такое распределение баланса интересов. Так, Н.Д. Шестакова высказала предложение вместо признания сделки недействительной взыскивать с лица, являющегося единоличным исполнительным органом общества, причиненных им обществу убытков, вызванных нарушением норм о совершении крупной сделки [4, с. 98].

По нашему мнению, несмотря на то, что взыскание убытков является одним из основных способов защиты гражданских прав, трудность их доказывания и взыскания приводит к малой эффективности и востребованности данного способа защиты прав. Но даже если суд удовлетворит иск и убытки будут взысканы, из-за их размера могут возникнуть сложности с исполнением решения суда, поскольку единоличный исполнительный орган будет не в состоянии возместить крупные суммы убытков. Таким образом, возмещение убытков единоличным исполнительным органом не сможет защитить интересы самого общества и его членов, и поэтому признание сделки недействительной должно оставаться основным способом защиты прав. В то же время,

необходимо помнить, что отказ в удовлетворении иска о признании недействительной крупной сделки не лишает истца возможности предъявить требование о возмещении убытков, причиненных обществу.

Затронув общие аспекты оспоримости крупных сделок, перейдем к некоторым конкретным вопросам, связанным признанием крупной сделки недействительной.

Согласно п.3 Постановления ВАС РФ от 16.05.2014 г. №28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью», лицо, предъявившее иск о признании сделки недействительной в связи с нарушением порядка одобрения, обязано доказать, во-первых, наличие признаков, по которым сделка признается крупной сделкой, а равно нарушение порядка одобрения соответствующей сделки; во-вторых, нарушение сделкой прав или охраняемых законом интересов общества или его участников (акционеров), т.е. факт того, что совершение данной сделки повлекло или может повлечь за собой причинение убытков обществу или его участнику, обратившемуся с соответствующим иском, либо возникновение иных неблагоприятных последствий для них.

Доказательствами факта совершения сделки и квалификации ее как крупной являются соответствующие документы, например, договор, подписанный сторонами, бухгалтерская отчетность и т.д. Сложнее дело обстоит с доказыванием нарушения порядка совершения сделки, поскольку истец должен в данном случае доказать не факт существования обстоятельства, на которое он ссылается, а факт его несуществования. Напротив, ответчик доказывает факт его существования, подтверждая соответствующими документами. Практически всегда единственным лицом, способным предоставить документы, подтверждающие факт необходимого одобрения, является само общество – и при оспаривании сделки акционерами (участниками), и когда само является истцом.

При доказывании акционером (участником) нарушения его прав и законных интересов оспариваемой сделкой необходимо сначала выяснить, затрагиваются ли такой сделкой эти права и законные интересы и, соответственно, могут ли они быть нарушены (если да, то какие). При заключении крупной сделки могут быть нарушены корпоративные права акционеров (участников), к которым относится комплекс имущественных и связанных с ними неимущественных прав. К имущественным правам в соответствии со ст.ст.31-32 ФЗ «Об акционерных обществах» и ст.8 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» относятся право на получение дивидендов и ликвидационной квоты – части имущества (или его стоимость) после ликвидации юридического лица. К неимущественным – право на участие в управлении обществом (которое по общему правилу отсутствует у акционеров-владельцев привилегированных акций общества) и право на получение информации.

На деле доказать реальность нарушения этих прав очень сложно, а порой и невозможно. С одной стороны, это является залогом стабильности гражданского оборота и защищенности интересов контрагентов общества,

т.к. эта сложность в доказывании нарушенного права – препятствие для недобросовестных акционеров. Но, с другой стороны, недоказанность нарушения прав и законных интересов истца – самостоятельное основание отказа в удовлетворении заявленных требований и для добросовестных истцов, не злоупотребляющих своими правами.

Согласно действующему правовому регулированию для признания крупной сделки недействительной необходимо доказать, что совершение данной сделки повлекло или может повлечь за собой причинение убытков обществу или акционеру, обратившемуся с иском, либо возникновение иных неблагоприятных последствий для них (п. 6 ст. 79 Закона № 208-ФЗ, п. 5 ст. 46 Закона № 14-ФЗ). В противном случае суд отказывает в удовлетворении исковых требований. Данный критерий убыточности как обязательного условия признания крупных сделок недействительными был развит в п. 3 Постановления Пленума ВАС № 28.

Институт убыточности был выработан судебной практикой, чтобы пресечь явно необоснованные оспаривания. Но на деле, как отмечают разработчики изменений, суды, слишком широко восприняв критерий убыточности, допустили большое количество неправильных решений даже тогда, когда нарушение очевидно, но факт наличия убытков не доказан. Теперь же подход будет совершенно иным. Положение о доказанности наличия нарушенных интересов в нормах законов № 208-ФЗ и 14-ФЗ будет заменено на признак того, что сделка совершена с выходом за пределы обычной хозяйственной деятельности.

Критерии обычной хозяйственной деятельности, выработанные в постановлении Президиума ВАС РФ от 15.11.2012 № 9597/12, были затем закреплены в постановлении Пленума ВАС № 28. Также закон № 343-ФЗ признак крупной сделки по стоимости имущества по сделке или цепочке взаимосвязанных сделок, которая составляет 25% и более стоимости активов общества, сохраняет.

Один из основных разработчиков закона А. А. Кузнецов, положительно оценивая новый критерий обычной хозяйственной деятельности, указал, что признак убыточности покрывает не все случаи возможного оспаривания. Сделка может быть и не убыточной. Например, продажа завода за значительную сумму не является убыточной, но деятельность юридического лица становится невозможной без отчужденного актива [1, с. 22].

Ранее также ученые критически оценивали критерий убыточности. Так, например, С.А.Бурлаков указывал, что «...ориентация на убытки в контексте признания сделки недействительной выглядит неоднозначно, поскольку получается, что только при наличии убытков крупная сделка может быть признана недействительной. Во-первых, убытки возникают в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, а их возникновение является основанием применения самостоятельного способа защиты прав – возмещения убытков – предусмотренного ст. 12 ГК РФ. Во-вторых, убытки и убыточность сделки не связаны ни с одним из условий действительности сделки, (требования к субъектам, соответствие воли и волеизъявления субъ-

ектов, законность содержания сделки, и соблюдение формы сделки), поэтому наличие или отсутствие убытков от сделки не может влиять на ее юридическую силу» [2, с. 173].

Отметим также и то, что при обсуждении закона были опасения, что из-за внесения данного изменения в нормы законов возникнет значительно большее оспаривания сделок. Однако разработчик закона отметил, что взамен будет разработана своеобразная система «сдержек и противовесов» в виде критерия добросовестности.

О. Р. Зайцев выразил свое несогласие с А.А. Кузнецовым, по поводу возложения надежд на критерий добросовестности. Кроме того, он отметил, что в XX веке в европейском корпоративном праве произошло смещение фокуса с оспаривания сделок по корпоративным основаниям на взыскание убытков с директоров и привлечение менеджмента к уголовной ответственности. Однако в России такая модель не работает, так как практика взыскания убытков с директоров не распространена и исполнительное производство плохо работает. Поэтому акционеры оказываются незащищенными [1, с. 22].

Теперь обратимся к вопросу добросовестности контрагента по сделке. ВАС РФ в п.4 Постановления Пленума ВАС РФ от 16.05.2014 г. № 28 указал, что при решении вопроса о том, должна ли была другая сторона сделки знать о ее совершении с нарушением порядка одобрения крупных сделок, судам следует учитывать то, насколько это лицо могло, действуя разумно и проявляя требующуюся от него по условиям оборота осмотрительность, установить наличие у сделки признаков крупной сделки и несоблюдение порядка ее одобрения. Таким образом, ВАС РФ установил презумпцию добросовестности поведения контрагента по экстраординарным сделкам. Данное положение единообразно применяется в практике арбитражных судов (например, в решении Арбитражного суда Республики Дагестан по делу № А15-1082/2012 одним из оснований отказа в удовлетворении исковых требований истца суд счел то, что ответчик не знал о совершении крупной сделки с нарушением норм закона [7]).

Таким образом, из сказанного видно, что институт крупных сделок претерпевает немалые изменения. Естественными в данном случае являются дискуссии относительно вносимых изменений. На наш взгляд, в отсутствие необходимости доказывать критерий убыточности, есть как положительные, так и отрицательные стороны. Как будут применяться данные нормы и к чему приведут изменения покажет практика и конкретные судебные решения.

Список литературы

1. Аралина Е.С., Мисник Л.Н., Насонова О.А. Изменение регулирования крупных сделок и сделок с заинтересованностью. Как работать с новыми положениями // Арбитражная практика для юристов. 2016. № 11. URL: <http://www.arbitr-praktika.ru/search?q> (дата обращения: 19.12.2016).
2. Бурлаков С.А. Правовое регулирование крупных сделок юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 213 с.
3. Кресс В.В., Тузов Д.О. Некоторые проблемы применения статьи 168 Гражданского Кодекса Российской Федерации арбитражными судами // Вестник ВАС РФ. 2001. №10. С.98.

4. Шестакова Н.Д. Недействительность сделок. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 306 с.

5. Шиткина И.С. Создание холдинговых компаний в России // СПС «Гарант». URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 10.12.2016).

6. Решение Арбитражного суда Республики Дагестан от 03.12.2012г. по делу № А15-2553/2012 // Архив Арбитражного суда Республики Дагестан.

7. Решение Арбитражного Суда Республики Дагестан от 11 марта 2013 г. по делу № А15-1082/2012 // Архив Арбитражного Суда Республики Дагестан.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИНСТИТУТА ДОВЕРЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ

Азукаева Б.А.

доцент кафедры гражданского права и процесса,
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова,
Россия, г. Элиста

Мургаев М.Б.

магистрант 2 курса направления 030900.68 «Юриспруденция»,
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова,
Россия, г. Элиста

В статье рассматриваются общие положения института доверенности в гражданском праве: возможности электронной формы, множественность лиц в доверенности.

Ключевые слова: представительство, доверенность, сделка, представитель, представляемый.

В силу различных обстоятельств за граждан и юридических лиц совершаются действия, направленные на возникновение, изменение и прекращение гражданских правоотношений, другими лицами. Происходит это в рамках института представительства в гражданском праве.

Согласно ст. 182 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) сделка, совершенная одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) в силу полномочия, основанного на доверенности, указании закона либо акте уполномоченного на то государственного органа или органа местного самоуправления, непосредственно создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности представляемого.

Цель представительства – совершение представителем сделок в интересах и за счет представляемого.

Представительство перед третьими лицами осуществляется на основании письменного уполномочия, именуемого законом доверенностью (п.1 ст. 185 ГК РФ).

Законодатель не разъясняет, что понимается под письменным уполномочием. Отсутствие в законе четких требований к предмету доверенности приводит к возможности злоупотребления представителем полученными пра-

вами. В связи с этим необходимо, по мнению Короткова Д.Б., по аналогии с нормами о договоре поручения (п.1 ст.973 ГК РФ) указывать, что содержание доверенности должно быть правомерным, осуществимым и конкретным [1].

Доверенность является инструментом, порождающим гражданские права. Для действительности доверенности имеет значение воля и волеизъявление, а также отсутствие каких-либо обстоятельств, которые могли бы исказить представление лица, выдавшего доверенность, о существовании предоставляемых полномочий. Воля и волеизъявление должны быть совпадающими, их несоответствие ведёт к признанию сделки недействительной [4].

Доверенность составляется в письменной форме, а также в электронной форме.

Так в соответствии с Основами законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1 в ред. от 03.07.2016 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017 г.) (ст. 44.2) по просьбе лица, обратившегося за совершением нотариального действия, нотариус может совершить нотариальное действие путем изготовления нотариального документа в электронной форме.

Лицо, обратившееся за удостоверением доверенности, обязано подписать документ в присутствии нотариуса усиленной квалифицированной электронной подписью. Последняя проверяется нотариусом в соответствии с Федеральным законом от 6 апреля 2011 года № 63-ФЗ «Об электронной подписи».

Возможность использования электронно-цифровой подписи, закрепленная в ГК РФ, стала новацией в российском гражданском законодательстве. Новый вид подписи выполняет функции, аналогичные тем, что и ее традиционный вид: указывает, кем подписан документ, символизирует выражение воли стороны по сделке, является сложной для воспроизводства любым другим, неуполномоченным на то лицом, обеспечивает нецелесообразность подделки [3].

Ст. 185 ГК РФ предусматривает возможность выдачи одной доверенности как нескольким лицам (представителям, поверенным), так и от имени нескольких лиц (представляемых, доверителей). И тот, и другой вариант доверенности хотя и не был прямо закреплен ранее в ГК РФ (что и явилось причиной дискуссионности этого вопроса), но был предусмотрен другим законом России, не противоречащим ГК РФ: в ч. 1 ст. 59 «Основ законодательства о нотариате», указано, что нотариус вправе удостоверить доверенности от имени или на имя одного или нескольких лиц [2].

Доверенность призвана установить правовую связь между представляемым и третьим лицом посредством действий представителя. Знакомясь с доверенностью, третьи лица, которым она собственно и адресуется, узнают, какими полномочиями обладает представитель.

Список литературы

1. Коротков Д.Б. Представительство как гражданское правоотношение: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Спец-ть 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. Екатеринбург, 2011. – 24 с.

2. Невзгодина Е.Л. Множественность лиц в доверенности: новеллы гражданского законодательства Российской Федерации // Вестн. Ом. ун-та. 2014. № 1. С. 190-193.
3. Тужилова-Орданская Е.М., Муратова А.Р. / Материалы международной научно-практической конференции. г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет, 12.10.2012 г. С. 105.
4. Шалашов В.И. Доверенность как сделка // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2008. № 3. С. 63.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ИГОРНОГО БИЗНЕСА

Амирханова Х.М.

студентка 3 курса Юридического института,
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

Заикин В.В.

доцент кафедры административного и финансового права, к.ю.н., доцент,
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

В статье рассматриваются возможности совершенствования налоговой политики в отношении игорного бизнеса, с целью пополнения бюджетов субъектов Российской Федерации и проведения контроля за законностью и открытостью игорных зон.

Ключевые слова: игорный(азартный) бизнес, игорная зона, налог на игорный бизнес, контроль.

Согласно Федерального закона от 29.12.2006 года № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр» с 1 июля 2009 года изменилась политика государства относительно игорного бизнеса. Вне специально созданных игровых зон азартные игры можно проводить только в букмекерских конторах и тотализаторах. Все остальные игорные заведения могут быть открыты исключительно в игорных зонах [1]. Кстати, первое официальное упоминание о создании и ликвидации игорных зон относится к 2006 году. К числу создаваемых игорных зон относятся территории: Алтайского, Приморского, Краснодарского краев и, Калининградской области, которые должны были быть созданы до 1 июля 2007 года, а вся деятельность игровых заведений, не относящихся к данным игорным зонам, должна была быть прекращена до 1 июля 2009 года. В соответствии с принятым законом, бюджеты субъекты РФ потеряли половину доходной части от игорного бизнеса уже в 2009 году. Полноценно же регионы России ощутили потерю денежных средств в целом в 2010 году. С 2014 года в России, в связи с вхождением Крыма и города Севастополя, стало на одну игорную зону больше: в их состав вошла Республика Крым. Все это не может не радовать, однако на данный момент из всех пяти зон («Азов-Сити», «Сибирская монета», «Приморье», «Янтарная» и игорная зона в Республике Крым) действующей является только «Азов-Сити» в Краснодарском крае, т.е. это единственный по сути субъект, который может рассчитывать на поступ-

ления налога на игорный бизнес. Однако в 2015 году было принято решение ликвидировать зону, однако в настоящее время ведутся споры, и казино всё ещё работают.

Регионы Российской Федерации нуждаются в возвращении налога на игорный бизнес, т.к. большинство бюджетов регионов РФ потеряли огромные суммы налоговых поступлений и не получили другого источника собственных налоговых доходов. Кроме того, игорный бизнес не переместился на разрешенные территории, а стал нелегальным, что создает дополнительные проблемы для правоохранительных органов и общества.

Для того чтобы налог на игорный бизнес стал более эффективным необходимо начать его совершенствование с уточнения применяемой терминологии. Прежде всего, стоит пересмотреть термин «игровая зона», заменив его следующим содержанием: «игровая зона» – это здания, помещения, в которых расположены казино, букмекерская контора, процессинговый центр или иные средства (способы) получения прибыли (дохода) от игровой (азартной) деятельности. Важным моментом для определения базовых терминов, имеющих непосредственное отношение к данному налогу, будет иметь возвращение термина «касса казино, тотализатора или букмекерской конторы» – это специально оборудованное место у организатора игорного заведения (организатора тотализатора), где учитывается общая сумма ставок и определяется сумма выигрыша, подлежащая выплате.

В связи с тем, что игровой (азартный) бизнес расположен всего в нескольких регионах страны, налог на игорный бизнес является малоэффективным, т.к. как потенциальные налогоплательщики с большим нежеланием готовы бросать свои дела ради переезда и переноса своего бизнеса в соседний регион, а также на более дальние окраины нашей необъятной страны (одно из исключений – 30 января 2010 года в игровой зоне «Азов-Сити» открылось казино «Оракул». Его построила казанская компания «Роял-Тайм») [2]. Те зоны, в которые сейчас перемещен игорный бизнес, показывают в большей степени свою неэффективность, т.к. только в одной из игорных зон – «Азов-Сити» удастся достичь успеха по созданию игровой зоны и её непрерывному функционированию. Другие игорные зоны развиты очень слабо и плохо ориентированы для подобного ведения дел, либо попросту пусты. К тому же, большинство бизнесменов, ведущих бизнес в данном сегменте, не хотят переезжать в созданные игровые зоны, т.к. зачастую продолжают вести “подпольный”, незаконный бизнес, не подвергаемый налогообложению.

С целью совершенствования практики взимания налога, необходимо ввести такое понятие, как «объект налогообложения» в виде прибыли, полученной от ведения игрового бизнеса и доходов от полученного выигрыша по 3 причинам:

- 1) во-первых, игровые автоматы, столы, процессинговые центры и пункты приема ставок – слишком слабый показатель для взимания налогов данного вида деятельности. Основная польза налога будет от получения налога не только от вышеперечисленных объектов, но и от дохода, полученного в данном бизнесе.

2) во-вторых, прибыль (или доход) – это признанный и наиболее важный объект обложения в российском налоговом законодательстве. Стоит обратить внимание на пример таких налогов, как налог на доходы физических лиц и налог на прибыль организаций.

3) в-третьих, существенным показателем в качестве объекта обложения будет доход (или иными словами выигрыш), полученный именно “игроком” и уплачиваемый им в момент получения выигрыша, т.е. в самом игорном заведении – при выплате заведением выигрыша администрация игорного заведения будет удерживать налог с дохода игрока. Они оба, в свою очередь, будут декларировать свои доходы в налоговых декларациях [3, с. 18].

Также, возможно, стоит ввести контроль за кассовыми аппаратами игорных заведений, как это делается с индивидуальными предпринимателями для более прозрачного ведения бизнеса в игровой сфере.

Подводя итоги, следует отметить, что возвращение налога на игорный бизнес снова в регионы РФ необходимо по целому ряду причин, главная из которых – это огромные потери сумм от данного налога в бюджетах субъектов РФ.

Упорядочение игорного бизнеса и выведение его из «теневоего» сектора, введение дополнительных объектов налогообложения и жесткий контроль этой сферы от полиции до налоговых органов позволит вернуть налог субъектам, как это зафиксировано в Налоговом кодексе РФ.

Список литературы

1. Федеральный закон "О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации" от 29.12.2006 N 244-ФЗ // СПС "КонсультантПлюс". Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64924/
2. Официальный сайт Казино "Оракул". Режим доступа: <http://www.oracul-casino.com/ru/>
3. Григорьев И.Б. Организационно-правовые основы противодействия нелегальному игорному бизнесу: тенденции и перспективы. Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2015. № 3 (35). С. 17-20.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОЦЕНКИ ИМУЩЕСТВА ДОЛЖНИКА В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Ауль Н.И., Козлов В.А.

студенты 4 курса, Ачинский филиал Красноярского государственного аграрного университета, Россия, г. Ачинск

Данная статья посвящена актуальным проблемам, возникающим с оценкой имущества должника в рамках исполнительного производства.

Ключевые слова: оценка имущества, должник, исполнительное производство, судебный пристав исполнитель.

Оценку имущества должника производит судебный пристав-исполнитель – это должностное лицо, непосредственно осуществляющее функции по принудительному исполнению судебных решений, актов других органов и должностных лиц. Об этом гласит ст. 85 Федерального закона от 2.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». Оценка производится по рыночным ценам, если иное не предусмотрено законодательством РФ. Но законодатель хоть и указывает, что судебный пристав – исполнитель производит оценку самостоятельно, вводит норму, что он обязан привлечь оценщика для оценки имущества.

Оценка имущества должника в исполнительном производстве порождает множество проблем в исполнении процесса оценки. Первая и самая распространенная проблема, которая возникает, это установление неправильной оценки судебным приставом. Как парадоксально это бы не звучало, эта проблема возникает из-за широкого объема вида имущества, стоимостью до 30 тыс. рублей [2, с. 5]. К таким вещам относятся предметы интерьера, предметы личного пользования, одежда и многое другое. При оценке таких вещей судебный пристав-исполнитель оценивает по среднерыночным ценам, но цены на один и тот же предмет в разных магазинах могут достаточно различаться, что конечно существенно замедляет его работу. Из-за разницы в магазинах судебный пристав просто может не учесть высокую либо наоборот самую низкую цену, что существенно повлияет на решение в пользу ущерба должника или взыскателя. Занизив цену имущества, судебный пристав-исполнитель нарушает права должника, где результатом будет то, что период возврата задолженности увеличится. При завышении цены нарушатся права взыскателя, так как неликвидное имущество не будет реализовано по завышенной цене.

Если стороны будут не согласны с результатом оценки, проведенной судебным приставом, то этот результат может быть обжалован, в соответствии с законом «Об исполнительном производстве» или оспорен в суде не позднее 10 дней со дня извещения о произведенной оценке [3]. Следовательно, возникает другая проблема, а именно то, что должно оспариваться: отчет оценщика или постановление судебного пристава-исполнителя. В соответствии с правовой позицией ВАС РФ от 30 мая 2005 г. № 92 «О рассмотрении арбитражными судами дел об оспаривании оценки имущества, произведенной независимым оценщиком», рыночная стоимость объекта оценки определенная независимым оценщиком в рамках исполнительного производства, носит рекомендательный характер, и не является обязательной и не может быть оспорена посредством предъявления самостоятельного иска [4, с. 2]. Согласно п. 3, п. 4 ст. 85 закона «Об исполнительном производстве» судебный пристав-исполнитель выносит постановление об оценке вещи или имущественного права не позднее трех дней со дня получения отчета оценщика [5]. При этом законодатель уточняет, что стоимость объекта оценки, указанная оценщиком в отчете, может быть оспорена в суде сторонами исполнительного производства.

Такая коллизия права несет нечеткость и неясность толкования процесса оценки имущества. Например, в определении ВАС РФ от 3 сентября

2009 г. указал, что в силу п. 3 ч. 4 ст. 85 закона «Об исполнительном производстве» стоимость объекта оценки, указанная оценщиком в отчете, может быть оспорена сторонами исполнительного производства в суде не позднее 10 дней со дня их извещения о произведенной оценке [6].

Третьей проблемой при оценке имущества является то, что при окончательном утверждении оценки имущества проводимой обязательным оценщиком, автоматически встает вопрос о том, что судебный пристав – исполнитель не имеет познаний для оценки имущества, поэтому и привлекается специально уполномоченное лицо – оценщик. Но снова происходит противоречие в том, что в дальнейшем все равно результат оценки профессионального оценщика утверждается приставом-исполнителем.

Таким образом, возникают проблемы и противоречия в законодательстве, которые связаны с вопросом об оценке имущества должника в исполнительном производстве. Когда участники обращаются к разным источникам нормативно-правового характера (а они разнородно указывают на решение вопроса) зачастую происходит расхождение в принятии конкретного и четкого решения по возникающему вопросу. В законе «Об исполнительном производстве» установлены все предпосылки для справедливого решения, при распределении ответственности за результаты работы между специалистом-оценщиком и судебным приставом-исполнителем, которые, в то же время должны получать последовательное претворение в правоприменительной практике, что отражает особенности и судебной практики и сказывается на особенностях правового регулирования рассматриваемых общественных отношений, а также обеспечивает эффективность деятельности судебных приставов-исполнителей. При этом, как отмечается в специальной литературе, судебная практика стала приобретать несколько иное содержание, формируемое под воздействием тенденции усиления решений вышестоящих судебных органов над нижестоящими органами.

Следовательно, следует учитывать следующие обстоятельства:

во-первых, если же оценка имущества была произведена судебным приставом-исполнителем самостоятельно (без привлечения специалиста-оценщика), то стороны исполнительного производства вправе оспорить постановление об оценке в суде;

во-вторых, кроме того, оценка имущества, произведенная судебным приставом-исполнителем без привлечения оценщика, может быть обжалована сторонами исполнительного производства в порядке, установленном законом. Дело в том, что в соответствии со ст. 121 и гл. 18 Закона об исполнительном производстве предусмотрена возможность обжалования действий (бездействия) и постановления судебного пристава-исполнителя в порядке подчиненности.

Таким образом, для решения выше указанных проблем, а также что бы не возникали противоречия в законодательстве, необходимо ввести дополнительную норму, а именно ч. 9 в ст. 85 ФЗ «Об исполнительном производстве», которая будет гласить, «Все участники, затрагивающие отношения, возникающие по оценке имущества, должны руководствоваться ст. 85 насто-

ящего закона». Ведение данной нормы, даст конкретное положение, на что должен основываться должник и взыскатель, судебный пристав-исполнитель с оценщиком, а также суд при вынесении решения по возникшим проблем.

Список литературы

1. Федеральный закон "Об исполнительном производстве" от 02.10.2007 N 229-ФЗ (действующая редакция, 2016).
2. Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 2 октября 2007 г. N 229-ФЗ "Об исполнительном производстве". Постатейный. Юстицинформ, 2009. 276 с. // СПС "Консультант Плюс
3. Маркина М.В., Березин Д.А. Стоимость имущества должника // Исполнительное право 2014. N 1. С. 27-31.
4. Определение ВАС России постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 №62 http://www.arbitr.ru/as/pract/vas_info_letter/2945.ht
5. Определение ВАС от 3 сентября 2009 г. N ВАС-11348/09 <http://www.alppp.ru/court/vysshie-sudy/09-2009/opredelenie-vas-rf-ot-03-09-2009--vas-1134809-po-delu--a27-169832008-5.html>
6. Определение ВАС России от 3 сентября 2009 года № ВАС-10622/09. URL: <http://www.resheniya-sudov.ru/2009/178829/>.
7. Тепляшин П.В. Перспективы расширения судебно-правового регулирования уголовно-исполнительных отношений // Российская юстиция. 2010. № 4. С. 60-63.
8. Тепляшин П.В. Перспективы судебного прецедента в сфере исполнения уголовных наказаний // Российский судья. 2010. № 10. С. 22-24.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ОКАЗАНИЯ УСЛУГ ИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА КАК ПРЕДМЕТА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Ачылов М.Т.

студент 4 курса Юридического института,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Лукьянчикова Е.Ф.

доцент кафедры уголовного права и процесса, к.ю.н.,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

В статье представлен анализ предмета преступлений, предусмотренных статьями 290, 291 УК РФ, рассмотрены теоретические аспекты, связанные с толкованием данного признака в уголовно-правовой доктрине и практике, приведены позиции относительно определения размера взятки, рассмотрены иные проблемные аспекты.

Ключевые слова: спор, услуга, имущество, признак, уголовно-правовая оценка, взяточничество.

Обязательным, системообразующим признаком объекта преступлений, предусмотренных статьями 290, 291 УК РФ, выступает предмет – взятка.

Справедливости ради отметим, что в доктрине уголовного права взятка, как предмет преступного посягательства, отнесена к числу наиболее сложных и трудно определяемых признаков преступления. Особый теоретический и практический интерес вызывает уголовно-правовая оценка незаконного оказания услуг имущественного характера как предмета взяточничества.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (далее Постановление № 24) разъяснил, что незаконное оказание услуг имущественного характера выражается в «предоставлении должностному лицу в качестве взятки любых имущественных выгод...» [1]. Анализируя указанное постановление, некоторые правоведы отстаивают точку зрения о легальном характере безвозмездно оказываемых услуг, влекущих для должностного лица определенную имущественную выгоду [2, с. 544]. Обоснованием данной позиции авторы считают положения гражданского законодательства, в рамках которого детерминируются используемые в уголовном праве понятия денег, ценных бумаг и иного имущества.

Считаем, что категория «услуга имущественного характера», используемая в доктрине гражданского и уголовного права, в контексте последнего значительно шире в силу того, что включает в свое содержание как законные (легальные), так и незаконные (нелегальные) услуги. Следовательно, оказываемые безвозмездно должностному лицу незаконные услуги в обмен на выполнение им действий/ бездействий по службе не изменяют и не отменяют имущественного характера получаемой им выгоды и могут быть рассмотрены в качестве предмета взятки. При этом существенное значение с точки зрения уголовного права имеет свойство быть имущественно оцененными. Наша позиция имеет точки соприкосновения с позицией В.П. Никонова, который считает неуместным устанавливать зависимость имущественного характера оказываемой услуги от ее законного или незаконного характера [4, с. 64]. Определяя имущественный характер оказываемой услуги, в первую очередь, надлежит принимать во внимание их фактическое содержание, в противном случае – выхолащивается необоснованное сужение сферы правового регулирования взяточничества.

Фарберова Л. и Шарапов Р. рассуждая по этому поводу, приходят к выводу: имущественные выгоды, вытекающие из незаконно оказанных услуг, равно как и предметы, находящиеся в незаконном обороте, не могут быть исключены из категории «предмет взятки» [6, с. 87]. Так называемый «черный рынок», предоставляющий широкий спектр различных незаконных услуг, с присущими им таксами (расценками, тарифами), подразумевает их оплату в силу фактически сложившихся незаконных отношений. К таковым услугам, как правило, отнесены следующие: проституция; киллерство; контрабанда; легализация («отмывание») имущества, добытого преступным путем; изготовление поддельных документов; написание квалификационных выпускных работ; фиктивное заключение брака с иностранными гражданами в целях получения последними гражданства; фиктивная регистрация по месту жительства [5, С. 91]. Стоит признать, что представленный перечень отнюдь не ис-

черпывающий, напротив, он расширяется под влиянием меняющихся условий окружающей действительности.

Наличествующая на сегодняшний день позиция, относящая к предмету взятки услуги сексуального характера, в доктрине уголовного права получает все большее обоснование. Сам факт проституции, как сексуальных услуг подразумевающих оплату, признан общественностью и научной средой. Это обосновывает квалификацию принятия оплаченных взяткодателем «эскорт-услуг», о чем взяткополучатель (должностное лицо) осведомлен, как получение взятки в рамках статей 290 и 291 УК РФ. В анализируемой ситуации взяткодателем выступает лицо, оплатившее такую услугу; предметом взятки – имущественная выгода, полученная должностным лицом, выражающаяся в возможности пользоваться сексуальной услугой безвозмездно. Размер взятки надлежит определять исходя из размера затрат взяткодателя, понесенных взяткодателем при оплате такой незаконной услуги.

Подобным образом надлежит оценивать и ситуацию, при которой лицо, непосредственно исполняющее или организующее исполнение незаконной услуги, предоставляет ее должностному лицу в силу занимаемого им служебного положения, заведомо осведомленному о стоимостном характере услуги, безвозмездно в обмен на те или иные действия (бездействия) по службе. Так, деяние лица, постоянно занимающегося проституцией, выражающееся в безвозмездном вступлении в половой контакт с должностным лицом, осведомленным о характере принимаемой услуги, в целях получения от него необходимых действий по службе [3, с. 544] надлежит квалифицировать как дачу-получение взятки. При определении размера взятки в рассматриваемой ситуации следует учитывать фактические обстоятельства дела.

Не отрицая факт существования проституции в современном обществе, Изосимов С.В. и Гейвандов Э.А. уверены, что нецелесообразно говорить о подобных услугах, как об имеющих имущественное выражение [4, с. 61]. Официальное признание оплачиваемости сексуальных услуг, в рассуждениях правоведов, влечет возможность взимания налогов с лиц, занимающихся такой деятельностью, и, как следствие, привлечение к ответственности за уклонение от этого. Подобные рассуждения, по нашему мнению, приводят к противоречивым выводам. Так, например, «заказное убийство», «отмывание грязных денег», сбор «компромата» о частной жизни лица журналистами или частными детективами также не отрицается обществом, стало быть, требует урегулирование государством. При этом стоимостная оценка подобных услуг как предмета взятки должна определяться исходя из фактических обстоятельств дела. В связи с тем, что установить какой-либо «прайс-лист» (таксу, тариф) на государственном уровне на подобный спектр услуг не представляется возможным, перед уголовно-правовой наукой ставится серьезная проблема, требующая предельного внимания и глубинных исследований.

Проведенное исследование склоняет нас присоединиться к мнениям тех правоведов, которые в качестве предмета взяточничества рассматривают предоставление должностному лицу незаконных услуг. Не вызывает сомнений, что получение должностным лицом подобного рода услуг не порождает

обязательств имущественного характера в гражданско-правовой интерпретации данного термина. Вместе с тем, в данном случае объективируется сам факт освобождения от имущественных затрат, что, по нашему мнению, в полной мере отвечает критериям понятия имущественной выгоды, которая, как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, может иметь любое выражение.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. 2013, 17 июля.
2. Ермаков Л.Д. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. А.И. Рарог. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011.
3. Изосимов С.В., Гейвандов Э.А. Предмет взяточничества: проблемы определения содержания // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. №4. С.56-63.
4. Никонов П.В. Законодательное определение предмета взятки в условиях реформирования уголовного законодательства об ответственности за коррупционные преступления // Сибирский юридический вестник. 2012. №4. С.64-68.
5. Фарберова Л., Шарапов Р. Незаконное оказание услуг имущественного характера как предмет взяточничества // Уголовное право. М.: АНО «Юридические программы». 2014. № 2. С. 88-95.

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ В РОССИИ И ФРАНЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Байковская Л.В.

Юридический институт, Красноярский государственный аграрный университет,
Россия, г. Красноярск

В статье рассматривается необходимость реформации в области ювенальной юстиции, что позволит говорить о должном уровне обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних, как и полагается в правовом государстве.

Ключевые слова: ювенальная юстиция, несовершеннолетние, ювенальный суд.

Несовершеннолетние являются наиболее незащищенной частью общества. Защита прав и законных интересов ребенка является одной из важнейших важнейшей задач, для решения которой должны быть направлены максимальные усилия общества и правового государства. На сегодняшний день в РФ остается актуальной проблема формирования института ювенальной юстиции. Классическим образцом правового института ювенальной юстиции является институт ювенальной юстиции Франции. При этом полагаем, что сравнительная характеристика может помочь оптимизировать процесс внедрения института ювенальной юстиции в российскую правовую действительность. Ведь как верно указывает П.В. Тепляшин «...наука (соответствующие учебные дисциплины) не может развиваться лишь на основе информации, полученной в рамках собственного внутrigосударственного права, позволя-

ющему объективно оценить достоинства и недостатки отечественной правоприменительной и правотворческой деятельности...» [3].

Объект настоящего исследования – отечественный и французский правовой институт ювенальной юстиции. Для исследования объекта ставится задача установить – каким образом регулируются отношения в заданной области в России и Франции.

Институт ювенальной юстиции в РФ находится на стадии становления. Примечательно, что, сам термин «ювенальная юстиция» был введен в правовой оборот в России в сентябре 1995 года [1]. Одновременно было предусмотрено создание системы ювенальной юстиции, специальных составов судов по делам семьи и несовершеннолетних, создание правовой базы по профилактике безнадзорности и правонарушений подростков.

Во Франции, в масштабе всей страны новая система правосудия в отношении несовершеннолетних, а вместе с ней и система соответствующих судов со специализированными судьями, официально была учреждена с принятием в 1945 году нормативного акта «Орданас». Стоит отметить, что французская система ювенальной юстиции занимается как несовершеннолетними правонарушителями, так и детьми, находящимися в той или иной степени под угрозой (неблагоприятное физическое воздействие на ребенка, проблемы отсутствия должного ухода за ребенком и др.).

В России же, общественность полагает, что подобное вмешательство органов по защите прав и интересов несовершеннолетних, в частную жизнь семьи, не принесет положительного эффекта, а наоборот приведет к непрогнозируемым социально-правовым последствиям.

Модель российской ювенальной юстиции получила свое закрепление, прежде всего, в уголовно-процессуальном и уголовном законодательстве. Так, в главе 50 действующего УПК имеется ряд статей, отражающих, особенности уголовного процесса по делам несовершеннолетних. К первой группе можно отнести принцип повышения юридической охраны несовершеннолетних, выражающейся: – в двойном представительстве интересов несовершеннолетнего в суде; – в дополнительных специфических вопросах, входящих в предмет доказывания по уголовному делу несовершеннолетнего, – выяснение условий жизни и воспитания несовершеннолетнего, наличие взрослых подстрекателей; – в дополнительных вопросах, которые решает суд при выяснении приговора по делу несовершеннолетнего, во всех случаях, когда суд считает возможным заменить несовершеннолетнему реальное лишение свободы на меру, не связанную с лишением свободы; – в выделении дел несовершеннолетних при наличии в них взрослых соучастников в особое производство; – в требованиях судебной практики к специализации участников уголовного процесса по делам несовершеннолетних.

Вторая группа норм относится к вопросам более конкретным, решаемым в ходе уголовного процесса. Это: – задержание и заключение под стражу несовершеннолетнего; – порядок вызова обвиняемого; -вызов в суд и участие в судебном разбирательстве представителей; -участие педагога в допросе несовершеннолетнего обвиняемого; -удаление несовершеннолетнего из зала судебного заседания.

Модель французской ювенальной юстиции получила свое закрепление в Орданасе от 02.02.1945, который ввел новую систему по перевоспитанию несовершеннолетних преступников. В соответствии с данным документом, полагалось, что несовершеннолетний преступник, совершая свое преступление, правонарушение, не в полной мере отдает себе отчет в последствиях того что он совершает, а задача государства должна состоять в том, чтоб содействовать направлению человека в нужное русло и помочь ему восстановиться, как нормальному гражданину. Ордонанс 1945 года устанавливает основные принципы всей системы ювенальной юстиции.

Согласно уголовно-процессуальному и уголовному законодательству Франции общий возраст уголовной ответственности наступает с 16 лет, от 13 до 16 лет применяются меры судебной защиты. В исключительных случаях судья может снизить уровень уголовной ответственности.

В России, согласно ст.20 УК РФ, возраст уголовной ответственности наступает с 16 лет и в ряде случаев, определенных ч.2 ст.20 УК РФ, с 14 лет.

В соответствии с Орданасом 1945 года, во Франции система защиты детства основывается на двух организациях, на двух инстанциях. Первая – административная, которая реализует предупредительные меры, и вторая – правовая защита – гражданская, в случае, когда можно предупредить совершение преступления и еще можно защитить подростка. А также криминальная – то есть когда необходимо принять меры уже, непосредственно, к правонарушителю [2].

В каждом департаменте Франции созданы суды для несовершеннолетних преступников, назначены специализированные судьи по делам несовершеннолетних. Впоследствии появились специализированные работники прокуратуры и адвокатуры. Во Франции также имеются ювенальные суды присяжных.

В России дела с участием несовершеннолетних рассматриваются в судах общей юрисдикции. Во Франции передача дела несовершеннолетнего в суд общей юрисдикции не допускается. Суды ювенальной юстиции, ювенальные суды присяжных в России на данный момент не сформированы. Дела с участием несовершеннолетних не рассматриваются с участием присяжных заседателей на основании ст. 31 УПК РФ, в то время как во Франции, суд присяжных рассматривает дела несовершеннолетних в возрасте от 16 до 18 лет, а также дела о взрослых соучастниках преступлений несовершеннолетних.

Судебная процедура в суде несовершеннолетних во Франции включает три стадии: 1) вызов к судье, беседа судьи с несовершеннолетним, принятие судьей решения относительно дальнейшего движения дела или его прекращения и освобождения подростка от судебной или несудебной процедуры; 2) судебное разбирательство, которое ведется единоличным судьей или коллегией судей; вынесение приговора; 3) исполнение приговора, где роль суда заключается в осуществлении судебного надзора.

Судебный процесс по делам несовершеннолетних во Франции, как отмечено, имеет три стадии: суд для детей, трибунал, и суд присяжных. Судья

для детей никогда не может применить к несовершеннолетнему уголовное наказание, он может дать дальнейший ход рассматриваемому делу, распорядившись о направлении его в трибунал по делам несовершеннолетних. Судебная процедура в трибунале по делам несовершеннолетних сходна с процедурой в трибунале общей юрисдикции и включает допрос несовершеннолетнего подсудимого, его родителей и опекунов, свидетелей, заключение представителя прокуратуры и мнение защитника несовершеннолетнего. А в суде присяжных существуют прения сторон, которых нет в трибунале.

В России производство по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, осуществляется в общем порядке, с изъятиями, предусмотренными главой 50 УПК РФ.

На основании вышеизложенного, нельзя заключить, что институт ювенальной юстиции в РФ находится на стадии стагнации, либо отсутствует совсем. В настоящий момент он, безусловно, находится в стадии становления. Но вместе с тем, существует ряд проблем в области ювенальной юстиции, которые требуют скорейшего разрешения – это, в первую очередь, отсутствие «ювенальных» судов. Кроме того, в РФ нет единого понимания, какие категории дел должен рассматривать ювенальный суд, как должна быть устроена его структура. Пока же, на практике сочли целесообразным обеспечить специализацию судей по делам несовершеннолетних, повысить их квалификацию по вопросам права и психологии, педагогики и сформировать в крупных районных (городских) судах общей юрисдикции специализированные судебные составы по делам несовершеннолетних.

Таким образом, в РФ необходима качественная реформа в области ювенальной юстиции, которая не должна закончиться тем, что будет разработана полностью отечественная модель ювенальной юстиции, на апробацию которой уйдет длительное время. Это должна быть реформа, построенная на классической модели ювенальной юстиции западных стран, в частности на модели ювенальной юстиции Франции, которая устоялась, прошла апробацию практикой, но и должны быть учтены национальные, правовые особенности нашего государства.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 14.09.1995 года № 942 «Об утверждении Основных направлений государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года (Национального плана действий в интересах детей)» // СПС «Консультант Плюс».
2. Ордонанс от 2 февраля 1945 года № 45-174 «О детях провинившихся». Уголовный кодекс, Dalloz, издание 2001 года.
3. Тепляшин П.В. Роль сравнительно-правовых исследований в развитии отечественного уголовно-исполнительного права // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сборник материалов научно-практической конференции с международным участием / отв. ред. С.Д. Назаров. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2008. С. 208-212.

О КОНТРОЛЬНОЙ ФУНКЦИИ СУДА НА ЭТАПАХ ПОДГОТОВКИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА К СУДЕБНОМУ ЗАСЕДАНИЮ И СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ

Бескорвайная Е.О., Луканина В.С.

студентки 3 курса Юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, г. Белгород

Рябинин А.Г.

доцент кафедры уголовного права и процесса, кандидат юридических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, г. Белгород

В статье рассматривается ряд аспектов о необходимости совершенствования действующих и введении новых форм контроля со стороны суда за особым порядком принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением.

Ключевые слова: уголовный процесс, особый порядок принятия судебного решения, контрольные функции суда.

Стремление к упрощению и удешевлению правосудия стало тенденцией уголовного судопроизводства большинства современных государств. В целом, введение упрощенных форм судопроизводства соответствует и праву лица, подвергнутому уголовному преследованию, согласиться с обвинением и ходатайствовать о снисхождении. Однако, подобные процедуры полагаем следует рассматривать как исключительные, требующие особого контроля соответствующих органов и структур.

По смыслу особого порядка судебного разбирательства, чтобы уголовное дело могло быть рассмотрено в упрощенной форме, оно должно быть расследовано в полном объеме и полнота качества предварительного расследования, для его правильного разрешения, приобретает для суда особое значение.

Трудно согласиться с мнением высказанным И.Б. Михайловским, что принятие главы 40 УПК РФ, исключившей судебное следствие, "устранило необходимость оценивать доказательства, собранные следствием" [4, с. 266].

При таком поверхностно-формальном подходе к расследованию уголовного дела, итоговый обвинительный документ (заключение, акт), в нарушение положений УПК РФ, будет содержать только общие выводы о совершенном деянии. Весь акцент в нем сосредоточится на признании лицом своей вины. Перечень доказательств, подтверждающих обвинение, краткое изложение их содержания, причинно-следственные связи, мотив, как это предусмотрено законом (ст. 220 УПК РФ), устанавливаться не будут или сведутся к формальности.

Представляется совершенно неприемлемым лишь на основании признания лицом вины, допускать какое-либо снижение "стандартов доказанности" при рассмотрении судом уголовных дел в особом порядке при согласии

обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Ведь подобные уголовные дела зачастую достаточных доказательств виновности лица не содержит, поскольку сторона, проводившая предварительное расследование, их не собрала, не представила и, соответственно, не оценивала.

Ссылки оппонентов на положения ч. 3 ст. 314 УПК РФ, что суд, установив не соблюдение условий ч. 1 и ч. 2 указанной статьи обязан назначить судебное заседание в общем порядке довольно слабый барьер на пути возможных злоупотреблений и на поверку, как показывает практика, критики не выдерживает. Фактически ч. 3 ст. 314 УПК РФ обязывает суд проверить только условия, при которых обвиняемым было заявлено подобное ходатайство.

Постановить обвинительный приговор и назначить подсудимому наказание суд вправе только удостоверившись, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу (ч. 7 ст. 316 УПК РФ). Требования ч. 2 ст. 314 и ч. 7 ст. 316 УПК РФ являются обязательными условиями для постановления приговора и назначения наказания без проведения судебного разбирательства в общем порядке. Любое отступление суда от указанных условий вступает в противоречие с общими положениями назначения уголовного судопроизводства. Постановленный при нарушении указанных условий в процедуре особого порядка судебного разбирательства обвинительный приговор не будет ему соответствовать, в части защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод (5, ст. 6).

Положением всякого демократического государства является правило, что правосудие осуществляется только судом и назначение наказания, уменьшение его срока – прерогатива исключительно суда. Подобное положение закреплено в ст. 125 Конституции РФ и одна из задач правосудия – установить, действительно ли подсудимый совершил вменяемое ему деяние и виновен ли он в его совершении. По общим правилам, деятельность эта осуществляется с соблюдением процессуальных гарантий и, прежде всего, гарантий прав лица, привлекаемого к уголовной ответственности [1, с. 77].

Оценка судом обвинения с точки зрения его обоснованности и подтверждения доказательствами, собранными по уголовному делу, как условие постановления обвинительного приговора в особом порядке судебного разбирательства, в первую очередь должна основываться, на анализе обвинения, разрешении вопроса о соответствии обвинительного документа требованиям УПК РФ. В свою очередь и сам документ должен раскрывать существо обвинения, место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для разрешения уголовного дела.

В соответствие с действующим уголовно-процессуальным законодательством судья по собственной инициативе обязан возвратить уголовное дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом в случае, если обвинительное заключение (акт, постановление) составлены с нарушением требований УПК РФ, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения, акта, постановления (ч. 1 ст. 237 УПК РФ).

Основные полномочия судьи и вопросы, подлежащие выяснению по поступившему в суд уголовному делу, достаточно полно и подробно изложены в действующих статьях уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации (ст. ст.227-228 УПК РФ).

В тоже время применительно к уголовным делам, рассматриваемым при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, контрольная функция суда имеет некоторую специфику и приобретает более важную и значимую форму реализации, поскольку именно от её выполнения зависит, насколько итоговое решение суда будет законным, обоснованным и справедливым.

Для того чтобы дело было рассмотрено в особом порядке, у судьи не должно возникать неразрешимых вопросов о виновности обвиняемого, квалификации им содеянного, обоснованности обвинения и достаточности доказательств.

Так, в числе основных критериев, определяющими качество и полноту следствия с точки зрения последующего рассмотрения уголовного дела в суде в особом порядке, по мнению исследовавшей эту проблему О.В. Качаловой, подкрепившей свои выводы материалами судебной практики, выступают:

- обоснованность обвинения;
- правильная квалификация содеянного;
- отсутствие оснований для прекращения дела;
- соблюдение в ходе расследования законодательства об ОРД [2, с. 19-21].

Поддерживая и не оспаривая приведенные автором критерии, хотелось бы обратить внимание, что в качестве еще одной "проблемы" подобной формы судопроизводства, чаще других юристы и правозащитники называют её слабую защищенность от возможного самоговора обвиняемого. Озабоченность эта вытекает как из стремления стороны обвинения и представляющих её должностных лиц, "любой ценой" добиться от обвиняемого (подозреваемого) признания вины. Так и разного рода "интересов" самого обвиняемого: уйти от ответственности за совершение более тяжких преступлений, добиться сокращения наказания и/или "мягкой" квалификации содеянного, вывести кого-то из-под уголовного преследования и т.п.

В качестве меры призванной в определенной степени ограничить возможные злоупотребления в рассматриваемой форме уголовного судопроизводства и минимизировать эвентуальные негативные последствия, при их проявлении, предлагаем рассмотреть еще одно предложение. В частности, дополнить законодательные нормы главы 40 УПК РФ, базирующиеся на полном признании обвиняемым вины и регламентирующие особый порядок принятия судебного решения по данной категории субъектов, положением, обязывающим суд проверять все факты признания вины на предмет возможного самоговора, независимо от мотивации сделанного обвиняемым признания.

Полагаем, что технически сделать это будет не сложно, поскольку подобная практика уже нашла закрепление в других нормах закона. Так, говоря об исключении необоснованного признания вины, в гл. 32.1 УПК РФ, регла-

ментирующей условия судебного производства по делам, дознание по которым проводится в сокращенной форме, предусмотрена обязанность суда, при наличии достаточных оснований полагать самооговор подсудимого, вернуть уголовное дело прокурору для передачи его по подследственности (ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ). Аналогичное требование адресовано и прокурору – при наличии достаточных оснований полагать самооговор обвиняемого, вернуть уголовное дело дознавателю (п.п. "в", "г" п. 3 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ).

К сожалению, процессуальные нормы гл. 40 УПК РФ подобных положений не содержат, хотя отчасти и подразумевают их. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 316 УПК РФ суду надлежит выяснить у подсудимого понятно ли ему обвинение, согласен ли он с обвинением и поддерживает ли своё ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства и т.п. Однако, это несколько иная формулировка, не содержащая и не упоминающая требования о проверке самооговора.

Высказанные нами предложения без сомнения требуют дальнейшего исследования, с последующим обсуждением результатов с участием не только научных работников и сотрудников правоприменительных органов, но и с привлечением представителей судейского и адвокатского сообществ. Полагаем, что другие авторы в своих исследованиях и статьях продолжают развитие поднятой темы и дополняют её новыми научно-практическими изысканиями, выводами и предложениями, призванными совершенствовать и оптимизировать действующие нормы уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Головки Л.В. Новые основания освобождения от уголовной ответственности и проблемы их процессуального применения // Государство и право. 1997. № 8. – С. 77.
2. Качалова О.В. Что проверить суду, прежде чем рассматривать дело в особом порядке // Уголовный процесс. 2016. № 2. – С.18-21.
3. Колоколов Н.А. Сделка с правосудием: как исключить самооговор // Уголовный процесс. 2014. № 6. – С.74-75.
4. Михайловский И.Б. Стандарты качества предварительного следствия задает суд. Расследование преступлений. Проблемы и пути их решения. М.: Академия СК России, 2014. Вып. 3. С. 266.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 15 октября 2016 г. – М.: Эксмо, 2016. – 368 с.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Борисова А.А.

аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Международный институт экономики и права, Россия, г. Москва

В статье исследуется проблема виктимологической профилактики, анализируется деятельность специальных социальных институтов, направленная на выявление, устранение или нейтрализацию факторов, обстоятельств, ситуаций, формирующих виктимное поведение, приводящее к совершению преступлений. Подчеркивается, что при определении

целей и задач виктимологической профилактики необходимо выделить ее уровни: общесоциальный, специальный, индивидуальный.

Ключевые слова: виктимологическая профилактика, культурно-воспитательная задача, защитно-воспитательные мероприятия, правовое образование, криминологические факторы, индивидуальное виктимное поведение, общесоциальный, специальный, индивидуальный.

Виктимологическая профилактика – это деятельность специальных социальных институтов, направленная на выявление, устранение или нейтрализацию факторов, обстоятельств, ситуаций, формирующих виктимное поведение, приводящее к совершению преступлений; выявление групп и конкретных лиц с повышенной степенью виктимности с целью восстановления или активизации их защитных.

При определении целей и задач виктимологической профилактики необходимо выделить ее уровни: общесоциальный, специальный, индивидуальный.

Общесоциальный уровень – решение социально-экономических и культурно-воспитательных задач, направленных на устранение или нейтрализацию причин и условий, способствующих криминальной виктимизации общества, и на снижение степени виктимности граждан.

Специальный уровень – осуществляемые государственными органами, общественными объединениями и отдельными гражданами мероприятия, имеющие специальной целью предупреждение преступлений путем недопущения реализации виктимных свойств и качеств отдельных лиц или групп населения.

Индивидуальный уровень – индивидуальная профилактическая работа с лицами, которые, судя по их поведению или совокупности личностных характеристик, могут с большой вероятностью стать жертвами преступников, направленная на повышение активности их защитных реакций, а также обеспечение их личной, имущественной и иной безопасности.

Раскрывая объект виктимологической профилактики на общесоциальном уровне, следует понимать, что любой человек может стать жертвой преступления. В этом смысле в качестве объекта выступают все жители страны как потенциальные жертвы преступлений. Основной задачей виктимологической профилактики на данном уровне является создание системы эффективной социальной защиты всех граждан от возможной виктимизации, изменение сложившейся практики обращения с потерпевшими и другими жертвами преступлений. Для этого требуется разработка и усовершенствование законов, создание новых государственных и негосударственных структур, социальных служб, фондов помощи, реабилитационных центров и иных учреждений защиты жертв преступлений, подготовка специальных кадров для такой работы.

Виктимологическая профилактика на специальном уровне имеет своим объектом не все население, а его отдельные группы повышенной виктимно-

сти, например, детей, безработных, лиц без определенного места жительства, наркоманов, проституток, алкоголиков и т.д.

Соответственно образуется система субъектов виктимологической профилактики преступлений.

В первую их группу входят федеральные органы государственной власти и органы местного самоуправления. Они определяют основные направления, задачи, функции профилактической деятельности, обеспечивают финансирование и реализацию региональных и местных программ, направленных на профилактику правонарушений, координируют деятельность подведомственных им структур в этой работе. Вторую группу составляют правоохранительные органы всех уровней. Третью образуют организации, предприятия и учреждения с различными формами собственности, общественные организации, общественные, межведомственные и местные комиссии, ассоциации и фонды.

Все субъекты системы объединены едиными целями, информационными, координационными, правовыми связями. Особое положение среди субъектов предупредительной деятельности занимают органы внутренних дел, поскольку борьба с преступностью и предупреждение преступлений – их прямая обязанность.

Эффективность виктимологической профилактики невозможна без анализа обширной информации виктимологического характера, позволяющей всесторонне учесть криминологические факторы (как общие, так и характеризующие конкретное преступление). Место, время, способы совершения преступлений, наиболее типичные категории лиц, вовлеченных в них в качестве преступников или потерпевших, – все это необходимо знать, обобщать и учитывать при организации профилактической работы. Собранная информация, ее изучение позволяют выявить типичных потенциальных потерпевших. Безусловно, выявление таких лиц представляет собой сложную задачу, особенно если учесть, что многие лица, уже пострадавшие от преступных действий, избегают обращаться в правоохранительные органы.

Важным средством виктимологической профилактики является правовое воспитание. Практика свидетельствует, что многие виды преступления стали возможными из-за правовой неосведомленности потерпевших, особенно относительно необходимой обороны.

Положительный эффект в виктимологической профилактике достигается разъяснительной работой среди населения, особенно той категории, которая отличается повышенной виктимностью. Здесь важно использовать сведения о лицах, ставших по своей неосмотрительности жертвами преступлений, активнее использовать радио- и телепередачи, периодическую печать, распространять знания о способах совершения преступлений, рассчитанных на неосмотрительность и излишнюю доверчивость потерпевших. Выступая с лекциями, беседами, сотрудники правоохранительных органов должны обращать внимание на обстоятельства виктимного характера, рекомендовать быть более бдительными, соблюдать правила предосторожности, критичнее относиться к своим поступкам, а также к поступкам других лиц.

Индивидуальная виктимологическая профилактика состоит в выявлении лиц с повышенной виктимностью и проведении с ними защитно-воспитательных мероприятий, направленных на снижение риска стать жертвой преступных посягательств.

Приемы и методы индивидуальной виктимологической профилактики достаточно известны. Однако следует уточнить, что они сводятся лишь к защитно-воспитательной работе с гражданами, уже ставшими потерпевшими. Работа по выявлению лиц с повышенной виктимностью практически не ведется. Такая односторонность в индивидуальной виктимологической профилактике обусловлена главным образом отсутствием специальных методик по выявлению лиц с повышенной виктимностью и субъектов, осуществляющих этот специфический вид профилактики.

В связи с этим возможно использование взаимосвязанных программ, действующих в рамках индивидуальной виктимологической профилактики: программы выявления лиц с повышенной виктимностью и программы коррекции виктимности у отдельных граждан [1].

Выявление лиц с повышенной виктимностью, т.е. тех, кто нуждается в профилактическом воздействии, есть в сущности и прогнозирование их индивидуального виктимного поведения. Такое прогнозирование весьма затруднительно. Однако если собрана информация, качество и объем которой будут достаточны для определения степени виктимности гражданина, то появится возможность и предсказать его возможное виктимное поведение. Объем и качество информации должны обуславливаться изучением не только социально-демографических (пол, возраст, социальное положение) и правовых (правовая культура, виктимологический рецидив) признаков, но и сведений, характеризующих особенности личности и поведения [2].

В этой связи особое значение играет методологическое обеспечение вопроса. Методология прогнозирования индивидуального виктимного поведения находит отражение прежде всего в его принципах.

С вероятностью прогнозирования связан принцип относительности. Предвидение определенных явлений не может быть абсолютным. В связи с этим соотношение в определенный момент связанных между собой явлений, зависящих от характера прогнозируемого объекта, объема информации о нем и способности точно ее измерить, определяет уровень относительности результатов прогноза.

Другим принципом является системность, означающая, что предвидение виктимного поведения является звеном в системе прогнозирования человека и его поведения; в узком смысле этот принцип рассматривает прогнозирование виктимного поведения как законченную систему, все элементы которой направлены на выработку вероятностного прогноза такого поведения.

Прогноз индивидуального виктимного поведения относится к типу поисковых, при котором прогнозирование состояния объекта осуществляется путем условного продолжения в будущее тенденций его развития в прошлом и настоящем.

Выявив определенную степень виктимности и признаков, определяющих вероятность ее развития в будущем, следует, используя меры индивиду-

альной виктимологической профилактики, снизить высокий потенциал виктимности у конкретного лица. В этот момент и должна вступать в действие программа по коррекции виктимности у отдельных граждан. Такая программа осуществляется в двух формах – непосредственной и ранней.

Меры непосредственной профилактики направлены на лицо, либо уже ставшее жертвой преступления, либо находящееся в состоянии, близком к «превращению» в жертву; меры ранней профилактики – на личность, подпадающую под признаки потенциальной жертвы, обладающей высокой степенью виктимности.

Различие между формами индивидуальной профилактики обусловлено главным образом временным критерием, позволяющим определить местонахождение потенциальной жертвы во временном расстоянии до момента совершения в отношении ее преступления. Последнее связано с выбором конкретных профилактических мер. Например, если гражданин ведет себя беспечно и невнимательно в общественном месте, демонстрирует содержимое своего кошелька, не контролируя при этом ситуацию (тем самым в определенном смысле провоцирует карманную кражу), то необходимо «пресекать» его явно виктимное поведение, разъяснить, что именно такое невнимательное и беспечное поведение и именно в таких общественных местах ведет к совершению кражи. В этом случае речь идет о непосредственном профилактическом воздействии, ибо временной показатель фактически сведен к нулю [3].

Ранняя профилактика используется при больших временных интервалах. Например, для повышения эффективности предупреждения квартирных краж важное значение имеет предварительный сбор информации о жителях района, могущих стать жертвами преступления из-за своего материально-финансового положения, либо непринятия ими мер по обеспечению имущественной безопасности, либо в силу аморального поведения. Выявив таким образом граждан с повышенной виктимностью, необходимо проводить с ними разъяснительные беседы о способах и мерах сохранности имущества.

Индивидуальная виктимологическая профилактика должна быть направлена не только на потенциальные жертвы, но и на их ближнее окружение, социальные связи, на микросреду. Система мер индивидуальной виктимологической профилактики характеризуется тем, что в ходе ее проведения реализуется не просто воздействие активного субъекта на пассивный объект, но и осуществляется специфическая форма межличностной связи, в которой одна сторона стремится трансформировать, преобразовать поведение другой [4].

Меры индивидуального воздействия представляется возможным разделить на два вида: меры убеждения и меры помощи. Меры убеждения носят как защитный, так и воспитательный характер. В качестве таковых выступают беседы, разъяснения о том, как не стать жертвой преступления, каким образом обеспечить сохранность своего здоровья и имущества. Условием, способствующим совершению некоторой части преступлений, является алкогольное опьянение жертвы, поэтому виктимологическая профилактика в значительной степени заключается в предупреждении пьянства. Кроме этого, необходимо пропагандировать установление охранной сигнализации квартир, использование технических и иных средств личной безопасности [5].

Одним из важных условий снижения уровня виктимности потенциальных жертв является и их правовое обучение. Знание законов, регулирующих гражданские, уголовно-правовые, хозяйственные отношения, позволит им избежать нелегкой участи пострадавших от преступления.

Вопросы виктимологической профилактики преступлений не должны замалчиваться и оставаться в тени общей профилактики преступности. К разработке виктимологических профилактических мер по предупреждению преступлений должны привлекаться не только юристы, но и социологи, психологи, экономисты, технические специалисты. Индивидуальная виктимность личности, виктимная ситуация, преступление – это единый причинно связанный процесс, положительно повлиять на который должна и может виктимологическая предупредительная деятельность.

Список литературы

1. Криминалогия / Под ред. В.Д. Малкова. М.: Юстицинформбюро, 2004.
2. Криминалогия / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 2012.
3. Анощенко В.С. Уголовно-правовые учения о потерпевшем. М.: Волтерс Клувер, 2006.
4. Бойко А.И. Потерпевшие от преступлений // Законодательство. 2003. №11.
5. Полубинский В.И. Правовые основы криминальной виктимологии. 2011.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

Вавилова Л.В.

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, канд. юрид. наук, доцент,
Международный институт экономики и права, Россия, г. Москва

В статье приводится анализ уголовно-правовых объективных и субъективных признаков злоупотребления должностными полномочиями. Приводятся предложения по борьбе с коррупцией по уголовному законодательству российской Федерации, которые позволят снизить количественную и качественную сторону коррупционной преступности среди должностных лиц. Применение указанных предложений, позволит увеличить эффективность борьбы с коррупцией посредством применения статьи 285 УК РФ.

Ключевые слова: злоупотребление полномочиями, объективные и субъективные признаки, служебное положение, уголовная ответственность, превышение полномочий.

Происходящие процессы на протяжении последнего десятилетия в России можно охарактеризовать реформами, которые направлены на преодоление кризисных явлений в управлении, экономике, а также на развитие правового государства.

Проблема борьбы с коррупцией является острейшей и крайне актуальной, которая обсуждается как в России, так и за рубежом. Наиболее распространенным общественно опасным коррупционным преступлением, подрывающим как авторитет государственной власти, так и систему общественного единства является злоупотребление должностными полномочиями [4, с. 33].

Когда речь заходит о злоупотреблении должностными полномочиями, обычно вспоминают правонарушения, которые связаны с коррупцией чиновников и иных лиц, осуществляющих те или иные задачи власти, однако это не совсем так [7, с. 208]. Употреблять в своих личных интересах властные полномочия могут не только должностные лица, но и руководящие сотрудники коммерческих или общественных организаций, не имеющих прямого отношения к власти.

Именно поэтому действующее уголовное законодательство специально различает несколько видов схожих деяний:

- злоупотребление должностными полномочиями;
- выход за рамки уже имеющихся полномочий;
- злоупотребление управленческими возможностями в частной организации.

Статья 285 УК РФ [1] раскрывает злоупотребление должностными полномочиями как использование их вопреки служебным интересам, то есть в отсутствие на то служебной необходимости, потребностей аппарата управления, а также при наличии корыстного мотива (стремление к материальной выгоде) либо другого интереса личного характера (неимущественного, к примеру, карьерный рост, уход от ответственности).

Действие статьи 285 Уголовного кодекса РФ распространено на должностных лиц государственных компаний, государственных и муниципальных унитарных предприятий, акционерных обществ, контрольный пакет акций которых принадлежит РФ, субъектам РФ или муниципальным образованиям.

Установлена уголовная ответственность за халатность, повлекшую причинение особо крупного ущерба. При этом особо крупный ущерб оценен в семь миллионов пятьсот тысяч рублей [1].

Также установлена административная ответственность за совершение действий (бездействие), повлекших неисполнение обязательств, предусмотренных контрактом на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд заказчиков, с причинением существенного вреда охраняемым законом интересам государства и общества, если такие действия (бездействие) не влекут уголовной ответственности.

По мнению Барсуковой С. Ю., в качестве исполнителя по ст. 285 УК РФ может выступать лишь специальный субъект – должностное лицо, деятельность которого реализуется в госорганах, органах местного самоуправления, учреждениях, госкорпорациях и иных нормативно закреплённых местах [3, с. 123].

Если работник в силу своих профессиональных обязанностей должностным лицом не является, он, однако, может быть привлечен к ответственности за злоупотребление полномочиями, если наряду с основной деятельностью на него были возложены функции, раскрытые выше. Например, врач, злоупотребляющий полномочиями по выдаче листков нетрудоспособности, обладает организационно-распорядительными функциями, и его действия влекут за собой правовой результат.

В результате такого использования интересы, а также права граждан, организаций, государства или общества были нарушены, при этом нарушение существенное (оценочно, критериев установления закон не называет, суд решает вопрос по итогам рассмотрения обстоятельств).

Итак, злоупотребление должностными полномочиями всегда предполагает посягательство на надлежащее функционирование аппарата управления и на права и интересы перечисленных выше субъектов.

Соответственно, объективная сторона злоупотребления должностными полномочиями содержит три основных составляющих:

- Непосредственно ненадлежащее использование полномочий, что может иметь как форму действия, так и бездействия, когда должностное лицо умышленно не совершает действий, которые оно в силу занимаемого положения обязано производить;

- Последствия в виде существенно нарушенных прав и интересов перечисленных выше субъектов;

- Доказанная причинно-следственная связь между ненадлежащим использованием полномочий и последствиями в виде существенно нарушенных прав и интересов перечисленных выше субъектов.

На сегодняшний день правоприменители сталкиваются с затруднениями в квалификации данного вида преступления, поскольку статья 285 УК РФ включает в себя ряд оценочных признаков, уяснение которых порождает проблему разграничения со смежными составами преступления [3, с. 126].

В настоящее время отсутствует единообразие толкования «использование полномочий», поскольку использование можно совершить путем активных действий виновного. Между тем возможность злоупотребления должностными полномочиями путем бездействия вызывает дискуссии в научном сообществе.

Поскольку в ст. 285 УК РФ говорится именно о злоупотреблении субъектом полномочиями, а не положением в целом, как в иных нормах кодекса, для правильной квалификации следует первым делом точно определить компетенцию лица, которая может быть закреплена в уставах и нормативных актах.

Таким образом, о злоупотреблении должностными полномочиями можно говорить, лишь, когда лицо использовало полномочия, которыми оно было наделено, в противоречие с интересами службы. Поэтому если субъект добивался указанных целей, например, путем использования служебных связей, своего профессионального авторитета, данного состава не будет.

На практике могут возникнуть сложности при попытке разграничения злоупотребления должностными полномочиями, если оно совершено из корыстных мотивов и повлекло ущерб именно материального характера, и мошенничества с использованием служебного положения, а также присвоения и растрат, осуществленных аналогичным образом [5, с. 158].

В таком случае при наличии всех признаков хищения (прим. 1 к ст. 158) действия будут квалифицироваться по соответствующим частям ст. 159 и 160, без дополнительного вменения ст. 285 УК РФ. [1] Имеет место злоупотребление должностными полномочиями, если изъятие или обращение

имущества носило временный/возмездный характер, к примеру, незаконно было приобретено в кредит, либо если владельцу имущества не был причинен реальный ущерб, однако имела место упущенная выгода, например, в результате использования имущества не по назначению.

Многие авторы отмечают, что злоупотребление должностными полномочиями имеет другой квалификационный состав – правонарушение с наступлением тяжких последствий. Лицо может нести ответственность по данной норме, только если доказаны все иные признаки основного состава преступления в его действиях, включая существенное нарушение прав и интересов, мотивы совершения. Злоупотребление должностными полномочиями – состав, который может быть вменен лицу лишь при условии тщательного установления всех входящих в него элементов. Сложность его применения заключается в наличии оценочных категорий (существенность, тяжесть последствий), определение которых зависит от усмотрения судебного органа [5, с. 160; 7, с. 205].

Надо отметить, что злоупотребление должностными полномочиями – это далеко не новое преступление, характерное для российского уголовного законодательства.

Еще во времена СССР в праве, действующем на тот момент и на союзном, и на республиканском уровне, было предусмотрено уголовное наказание за поступки, которые совершали наделенные властью лица, злоупотребляющие своим должностным и общественным положением.

По мнению Пивоварова Ю. С., главным различием между советским и российским подходом к данному виду преступлений является то, что в СССР и конкретно РСФСР не делалось принципиального различия между совершением деяния должностными лицами органов власти и руководством предприятий. Связано это, несомненно, с тем, что в те времена вся экономика регулировалась государством, в результате чего различием в положении виновных людей действительно можно было пренебречь [6, с. 138].

Также следует сказать о таком виде преступлений, как злоупотребление должностными полномочиями лицом, не относящимся к системе официальной власти, а действующем в рамках полномочий внутри негосударственной организации.

Здесь необходимо отметить следующее:

– Использование полномочий во вред наказуемо, если при этом нарушены интересы организации, внутри которой преступник имеет определенную власть.

– Нарушение должно совершаться лишь в интересах самого виновного или кого-то еще. Простая ошибка, даже если при этом организация понесла ущерб, уголовно не наказуема.

Кроме того, применительно к негосударственным организациям не рассматривается как отдельный состав преступления злоупотребление должностными полномочиями в форме их превышения. Здесь виновный будет отвечать лишь по тем статьям, признаки которых будут обнаружены в его действиях. Связано это, прежде всего, с тем, что объем власти у должностного

лица и управляющего компании, общественной организации и т. д. (даже весьма влиятельного) несопоставим. Именно поэтому нет необходимости особо выделять и криминализировать превышение полномочий: если это деяние и будет преступным, то лишь в рамках общих норм уголовного права.

Следует учитывать, что, само по себе, любое преступление представителя государства при исполнении служебных обязанностей негативно отражается на мнении населения об институтах государственной власти. Существенный характер, в указанном смысле, оно может вызвать, например, в случаях наступления массовых беспорядков, вызванных незаконными действиями должностного лица, бойкотирования работы государственного учреждения или в виду необходимости его реформирования либо расформирования в связи с утратой доверия населения.

Таким образом, перспективными средствами борьбы с проявлением коррупционных преступлений усматривается в обеспечении неотвратимости наказания, особенно для высокопоставленных чиновников, ибо примеры их безнаказанности, как ничто другое, деморализуют представителей иных, более многочисленных общественных слоев и групп, способствуют повсеместному распространению «низовой» коррупции.

Весомым вкладом в достижении этих целей будет способствовать знание правоприменителем всех тонкостей проблематики в квалификации злоупотребления должностными полномочиями со смежными преступлениями, наличие навыков легитимно и оперативно применить существующие меры, основным направлением которых и является борьба с коррупцией.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в действующей ред.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 285.
2. Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 39. – Ст. 1484.
3. Барсукова С. Ю. От глобальной коррупционной парадигмы к изучению неформальных практик: различие в подходах аутсайдеров и инсайдеров // Вопросы экономики. 2014. – № 2. – С. 118-132.
4. Ершов В.С. Регламентация ответственности за должностные преступления в законодательных актах России первой половины XIX века // История государства и права. 2014. – № 15. – С. 31-37.
5. Квалификация коррупционных преступлений в сфере экономики. Курс лекций: учебное пособие / под ред. А.М. Багмета – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. – 215 с.
6. Пивоваров Ю. С. О «советском» и путях его преодоления (статья вторая). Что делать? // Полис (Политические исследования): научный и культурно-просветительский журнал. 2014. – № 2. – С. 31-60.
7. Эриашвили Н.Д., Аминов Д.И., Багмет А.М., Бычков В.В., Квалификация деяния. Тактика и методика расследования коррупционных преступлений. Настольная книга следователя: учебное пособие / под ред. Н.Д. Эриашвили – М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2015 г. – 319 с.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕГИСТРАЦИЯ ЕДИНОГО НЕДВИЖИМОГО КОМПЛЕКСА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Гаджиахмедова М.Н.

магистрант юридического института,
Дагестанский государственный университет, Россия, г. Махачкала

В статье раскрываются проблемы, возникающие при государственной регистрации в качестве недвижимого имущества нововведенной в ст.133.1 ГК РФ конструкции единого недвижимого комплекса, и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: недвижимое имущество, единый недвижимый комплекс, регистрация единого недвижимого комплекса.

Нормы о недвижимом имуществе находятся в постоянном развитии, и с усложнением экономических отношений содержание данного объекта гражданских прав модифицируется и дополняется новыми составляющими. В научных кругах и на уровне органов государственной власти в последние годы активно обсуждалась необходимость объединения в один комплексный объект нескольких пространственно связанных объектов недвижимости даже при наличии разных вещных прав на каждый из этих объектов.

Поводом для этих обсуждений послужило ясное понимание того, что в полной мере раскрыть экономический потенциал таких протяженных в пространстве материальных благ, как линейные сооружения: железнодорожные пути, трубопроводы, газопроводы, линии электропередачи и др., способно лишь объединение в силу закона таких сооружений вместе с вспомогательными объектами, предназначенными для их обслуживания, в одну «юридическую судьбу», образуя тем самым единую недвижимую вещь.

Как результат этих обсуждений с 1 октября 2013 года в ст.133.1 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) появилась конструкция единого недвижимого комплекса – совокупности объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, в том числе линейных объектов (железные дороги, линии электропередачи, трубопроводы и др.), либо расположенных на одном земельном участке, если в едином государственном реестре прав на недвижимое имущество зарегистрировано право собственности на совокупность указанных объектов в целом как одну недвижимую вещь (ст. 133.1 ГК РФ).

Однако за недолгий срок с момента введения в ГК РФ единого недвижимого комплекса были выявлены некоторые пробелы в регулировании правового статуса данных объектов.

Согласно норме, содержащейся в статье 133.1 ГК РФ, одним из условий для признания совокупности вещей единым недвижимым комплексом является регистрация в едином государственном реестре прав на недвижимое имущество права собственности на совокупность указанных объектов в целом как одну недвижимую вещь.

Как правильно отметила Л. Б. Ситдикова, от вопросов, связанных с

государственной регистрацией прав на единый недвижимый комплекс, напрямую зависит эффективность применения и практическая востребованность данных норм на практике [5, с. 15-17].

Право собственности и другие вещные права на недвижимое имущество, их ограничения, возникновение, переход и прекращение подлежат государственной регистрации в едином государственном реестре органами, осуществляющими государственную регистрацию прав и сделок с недвижимостью (ст. 131 ГК РФ).

В научной литературе обращается внимание на то, что предусмотренная для единого недвижимого комплекса регистрация права собственности на совокупность входящих в единый недвижимый комплекс объектов как одну недвижимую вещь (ст. 133.1 ГК РФ) не соответствует действующей на сегодняшний день системе государственной регистрации прав на недвижимое имущество, рассматривающей здания, сооружения, земельные участки, иную недвижимость в качестве самостоятельных объектов государственной регистрации, в связи с чем на практике возможность образования единых недвижимых комплексов исключается [6, 7, 8].

В частности, согласно п.1.2 ст.20 Федерального закона от 21.07.1997 г. №122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [9] для государственной регистрации права на единый недвижимый комплекс сведения о входящих в его состав объектах недвижимости должны содержаться в государственном кадастре недвижимости.

При этом в Федеральном законе от 24.07.2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» [10] до сих пор отсутствует упоминание о едином недвижимом комплексе. Сфера регулирования данного закона ограничивается очерченными в ч. 5 ст.1 видами объектов недвижимости: земельные участки, здания, сооружения, помещения и объекты незавершенного строительства.

Росреестр дал официальное толкование указанных норм в письме от 05.03.2014г. №14-исх/02410-ГЕ/14 «Об оформлении прав на единый недвижимый комплекс» [3]. В нем говорится о том, что невозможность получения кадастрового паспорта на единый недвижимый комплекс не препятствует государственной регистрации прав на единый недвижимый комплекс: для государственной регистрации права на единый недвижимый комплекс достаточно, чтобы сведения о входящих в его состав объектах недвижимости сохранились в государственном кадастре недвижимости (были учтены в качестве одного объекта недвижимого имущества, например, линейного сооружения, или учтены все вещи, являющиеся объектами недвижимости, составляющими данный единый недвижимый комплекс).

Сформулированная Росреестром позиция предусматривает, что правообладатель объектов недвижимости, права на которые зарегистрированы в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним, вправе объединить данные объекты в единый недвижимый комплекс. При этом, заявитель должен определить состав единого недвижимого комплекса (объекты, подлежащие включению в единый недвижимый комплекс), указав на это в заявлении о государственной регистрации прав.

Если брать для сравнения порядок регистрации другой разновидности имущественного комплекса – предприятия, то сначала делаются кадастровые паспорта на каждый объект в отдельности, а затем в Росреестре сшиваются в одно дело и регистрируется как предприятие. Всем объектам присваивается один адрес, и только благодаря этому можно понять, что это единый объект [4].

Некоторые авторы, ссылаясь на законодательство о государственной регистрации прав, обращают внимание на то, что если единый недвижимый комплекс не является зданием, сооружением, помещением, объектом незавершенного строительства, в отношении него кадастровый учет осуществлен быть не может [2, с. 63-64].

Однако данный вывод представляется несостоятельным, поскольку основан на изначально неправильном толковании или непонимании того, какое содержание законодатель вложил в понятие единого недвижимого комплекса как объекта прав, и нет оснований ставить вопрос в таком контексте. Диспозиция ст. 133.1 ГК РФ исходит из того, что обязательным элементом единого недвижимого комплекса должно явиться здание или сооружение, а также иные вещи – движимые или недвижимые. Соответственно, не может создаваться единый недвижимый комплекс, в состав которого бы не вошло здание или сооружение.

Е. В. Ельникова приводит в качестве наиболее оптимального варианта регистрации единого недвижимого комплекса германскую модель «единого объекта недвижимости», при которой здания, сооружения рассматриваются как часть (принадлежность, улучшение) земельного участка. Однако, поскольку ст. 133.1 ГК РФ не содержит нормы, согласно которой единый недвижимый комплекс и находящийся под ним земельный участок являются единым объектом, то, соответственно, чтобы иметь возможность создать единый недвижимый комплекс, потребуются внесение существенных изменений в регистрационное законодательство, которые бы привели если не к полному отказу от действующей модели, то хотя бы к установлению в ее рамках ряда исключений [1, с. 103].

Таким образом, приходим к выводу о том, что нет непреодолимых препятствий для государственной регистрации прав на единый недвижимый комплекс. Однако такой порядок создания и регистрации единого недвижимого комплекса не отвечает тем целям, которые ставились при введении в оборот данного объекта гражданских прав – упрощение процедуры создания и ускорение процедуры введения в гражданский оборот.

В отношении единого недвижимого комплекса более отвечало бы тем целям, которые законодатель преследовал при введении в оборот данного объекта, оформление на все объекты недвижимости в составе единого недвижимого комплекса единого кадастрового паспорта и государственную регистрацию прав как на один целостный объект с оформлением одного свидетельства о государственной регистрации права собственности.

Подытоживая сказанное, отметим, что поскольку даже с учетом разъяснений Росреестра до сих пор не наработана практика по данному вопросу государственными органами, осуществляющими кадастровый учет и госу-

дарственную регистрацию прав на недвижимое имущество, представляется, что реализация статьи 133.1. все-таки потребует внесения изменений в регистрационное законодательство. В связи с этим законодателю следует в ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» и ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» ввести имущественные комплексы, а в их числе предприятия и единые недвижимые комплексы в число объектов кадастрового учета и объектов государственной регистрации прав на недвижимое имущество.

Остается открытым на сегодняшний день и вопрос о правовом статусе ранее внесенных в единый государственный реестр прав на недвижимое имущество зданий и сооружений, участвующих в обороте как единый объект и учтенных как сложная недвижимая вещь (например, АЗС, нефтебазы и т. п. объекты), поскольку до введения ст. 133.1 в ГК РФ такие объекты регистрировались как сложные объекты на основании данных ранее Росреестром разъяснений.

Формально указанные сооружения, если они расположены на одном земельном участке, попадают под определение единого недвижимого комплекса. Однако автоматически на них распространить статус единых недвижимых комплексов невозможно, так как эти объекты уже учтены в государственном кадастре недвижимости как сооружения и этот вид недвижимого имущества внесен в единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Представляется, что в этом случае статус единого недвижимого комплекса может быть предоставлен таким объектам только по заявлению правообладателя. Такой подход был бы, по крайней мере, наиболее правильным и отвечающим интересам собственников таких объектов, несмотря на то, что обладатели таких объектов с правовым режимом сложной вещи будут иметь больше диспозитивности в решении вопроса о том, какой статус придать объекту – оставить в том же виде либо распространить на него режим единого недвижимого комплекса.

Что же касается вновь создаваемых объектов, участвующих в обороте как единый объект, то для них уже законодательно исключена возможность учета и регистрации прав на них с установлением правового режима сложной вещи. Кроме того, объединение вещей в единый недвижимый комплекс не позволит уже в дальнейшем осуществить раздел данного единого объекта на самостоятельные объекты недвижимости (для этого необходимо будет ликвидировать единый недвижимый комплекс и по отдельности зарегистрировать каждый объект недвижимости).

Таким образом, существующее в настоящее время правовое регулирование в данной области позволяет правообладателю вновь создаваемых объектов недвижимого имущества сделать выбор между тем, чтобы сразу объединять их в единый недвижимый комплекс, либо учитывать и регистрировать права на них как на самостоятельные объекты гражданских прав, а впоследствии, если возникнет такая необходимость, объединить их в единый недвижимый комплекс.

Список литературы

1. Ельникова Е. В. Единый недвижимый комплекс: соотношение понятий // Четвертый пермский международный конгресс ученых-юристов: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 18 – 19 октября 2013 г.). Пермь, 2013.
2. Левшина А. И. Некоторые вопросы государственной регистрации единого недвижимого комплекса // Вестник магистратуры. 2015. № 4-1 (43).
3. Официальное письмо Росреестра «Об оформлении прав на единый недвижимый комплекс» от 05.03.2014 г. № 14-исх./02410-ГЕ/14 // <http://lawgu.info/dok/2014/03/05/n3788.htm> (дата обращения – 20.04.2016).
4. Тихомирова Н. В. Проблема регистрации права в отношении единого недвижимого комплекса // <file:///D:/Documents%20and%20Settings/User/Мои%20документы/ЭПМ>
5. Ситдикова Л. Б. Эффективность действия норм в гражданском праве России (на примере предложения о введении обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимостью) // Нотариус. 2013. № 5.
6. Никольский В. А. К вопросу о правовом статусе единого недвижимого комплекса в современном российском гражданском праве: основные проблемы правоприменения и тенденции совершенствования законодательства // Вопросы современной юриспруденции. 2014. № 36. С. 27-33.
7. Незнамова А. А. К вопросу о государственной регистрации прав на единый недвижимый комплекс // Nauka-Rastudent.ru. 2015. № 8. С. 23.
8. Никифорова Я. Ю. Проблемы регистрации прав на единый недвижимый комплекс // Вопросы современной юриспруденции. 2015. № 49-50. С. 33-37.
9. Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. №30. Ст. 3594.
10. Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. №31. Ст. 4017.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖОТРАСЛЕВОЙ АНАЛОГИИ ЗАКОНА В ТРУДОВЫХ СПОРАХ

Гаджиев А.И.

аспирант кафедры трудового и финансового права,
Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова,
Россия, г. Ярославль

В статье исследуются проблемы, связанные с отсутствием необходимого нормативно-правового предписания в применяемом трудовом законодательстве. Авторы обосновывают вывод о возможности применения в рамках межотраслевой аналогии при разрешении трудовых споров положений гражданского законодательства об исковой давности.

Ключевые слова: срок обращения в суд, исковая давность, межотраслевая аналогия, возмещение ущерба, восстановление срока, уважительные причины.

Межотраслевая аналогия является сложной формой аналогии закона, трудовое законодательство не содержит специальной нормы, закрепляющей институт аналогии, как это прямо предусмотрено в других отраслях права (ст. 11 ГПК РФ, ст. 13 АПК РФ, ст. 6 ГК РФ и ст. 5 СК РФ и др.).

В связи с этим в научном сообществе существуют споры о возможности применения к трудовым отношениям норм других отраслей права по аналогии, в том числе норм гражданского права.

В частности возникает вопрос о возможности применения по аналогии при разрешении трудовых споров положений гл. 12 ГК РФ «Исковая давность», регламентирующих вопросы начала, приостановления, перерыва и восстановления срока исковой давности, поскольку действующий ТК РФ не содержит норм, определяющих правила применения сроков обращения в суд по трудовым спорам.

В соответствие со ст. 195 ГК РФ исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено.

Согласно ч.3 ст. 392 ТК РФ работодатель имеет право обратиться в суд по спорам о возмещении работником ущерба, причиненного работодателю, в течение одного года со дня обнаружения причиненного ущерба.

В силу ч.4 ст. 392 ТК РФ при пропуске по уважительным причинам сроков, установленных частями первой, второй и третьей настоящей статьи, они могут быть восстановлены судом.

При этом согласно п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 N 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» **судья не вправе отказать в принятии искового заявления по мотивам пропуска без уважительных причин срока обращения в суд** (части первая и вторая статьи 392 ТК РФ) или срока на обжалование решения комиссии по трудовым спорам (часть вторая статьи 390 ТК РФ), так как Кодекс не предусматривает такой возможности. <...> Признав причины пропуска срока уважительными, судья вправе **восстановить этот срок** (часть третья статьи 390 и часть третья статьи 392 ТК РФ). Установив, что срок обращения в суд пропущен без уважительных причин, судья принимает решение об отказе в иске именно по этому основанию без исследования иных фактических обстоятельств по делу (абзац второй части 6 статьи 152 ГПК РФ).

Срок исковой давности и срок обращения в суд в специальной юридической литературе, а также в системе действующего правового регулирования разграничиваются [1, с. 126], [2, с. 13], [3, с. 23-26].

Что в частности подтверждается положениями ч.2 ст. 152 ГК РФ, согласно которым в предварительном судебном заседании может рассматриваться возражение ответчика относительно пропуска истцом без уважительных причин **срока исковой давности** для защиты права и установленного федеральным законом **срока обращения в суд**.

Исходя из системного анализа ст.195 ГК РФ, ст. 392 ТК РФ совместно с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, можно сделать вывод, что в ч.3 ст.392 ТК РФ годичный срок для обращения в суд не является пресекательным сроком, с истечением которого работодатель лишается права требования к должнику-работнику. Однако указанный срок для обращения в суд имеет схожую правовую природу со сроком исковой давности, регламентированным ГК РФ.

Указанные сроки обладают следующими общими признаками:

- предназначены для пресечения злоупотребления правом на судебную защиту, т.е. ограничивают право на защиту конкретным временным промежутком;

- направлены на реализацию правомочия лица на защиту нарушенного права в судебном порядке;
- имеется возможность восстановления срока в случае его пропуска по уважительной причине;
- предусмотрены нормами материального права и др.

Как следствие возникает вопрос о возможности применения по аналогии при разрешении трудовых споров положений гл. 12 ГК РФ «Исковая давность».

Необходимость применения положений об исковой давности, предусмотренных ГК РФ, на практике может быть вызвана различными обстоятельствами, например, обнаружен факт причинения вреда, но работодателю не известен виновник причинения вреда, не выявлен нарушитель в рамках уголовного дела и рассмотрения дела в суде или напротив, нарушитель известен, но находится в составе Вооруженных Сил Российской Федерации.

В первом случае, когда нарушитель не обнаружен, то по аналогии закона следует применять положения п.1 ст. 200 ГК РФ о начале течения срока исковой давности, согласно которым течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права. Т.е. в данном случае годичный срок начнется с момента вступления в силу решения суда по уголовному делу о признании виновным конкретного работника.

Во втором случае положения ст. 202 ГК РФ о приостановление срока исковой давности, т.е. со дня прекращения обстоятельства, послужившего основанием приостановления течения срока исковой давности, течение ее срока продолжается. Следовательно, срок исковой давности приостанавливается на время нахождения работника в Вооруженных Силах Российской Федерации.

На правомерность применения на практике в рамках межотраслевой аналогии закона при разрешении трудовых споров положений гл. 12 ГК РФ «Исковая давность» также указывают ряд авторов, исследовавших указанный спорный вопрос:

В.Н. Захаров, А.П. Цыбуленко считают, что «вопрос относительно своевременности обращения истца за судебной защитой при указанных и подобных ситуациях можно было бы разрешать на практике, указав в Постановлении Пленума на возможность применения судами по аналогии положений гл. 12 ГК РФ «Исковая давность» и используя положения указанной главы к соответствующим ситуациям» [4, с. 25-26].

А.Волкова в работе, посвященной срокам давности по трудовым спорам, также указывает на возможность применения в порядке межотраслевой аналогии положений ст. 201 ГК РФ к правилам исчисления срока обращения в суд работодателя с иском к работнику о возмещение вреда. Согласно ст. 201 ГК РФ перемена лиц в обязательстве не влечет изменения срока исковой давности и порядка его исчисления. Исходя из этого, уступка работодателем

своего права требования к работнику другому лицу не влечет изменение срока обращения в суд и момента начала его течения [5, с. 64].

Ю.Коцубин предлагает в качестве способов разрешения пробелов трудового права относительно вопросов перерыва, приостановления и восстановления сроков обращения в суд по трудовым спорам помимо законодательного восполнения использовать аналогии права или аналогии закона. Наиболее приемлемыми для аналогии с трудовым правом являются нормы института давности, содержащиеся в ГК РФ [6, с. 34].

При этом в юридической литературе существуют противники замены сроков обращения в суд на специальные сроки исковой давности и как следствие применения к трудовым отношениям в рамках межотраслевой аналогии положений ГК РФ об исковой давности.

Например, Е.В. Грин отмечает, что введение на законодательном уровне двух разных терминов (сроки исковой давности для гражданского и сроки обращения в суд для трудового права) свидетельствует о намерении законодателя применять порядок и последствия пропуска срока по-разному в зависимости от предмета правового регулирования отрасли права [3, с. 25].

Однако мы считаем целесообразным применение в рамках межотраслевой аналогии положений ГК РФ, регламентирующих вопросы начала, приостановления, перерыва и восстановления срока исковой давности, применительно к трудовым спорам, поскольку это не противоречит их существу и отсутствуют нормы трудового права, регулирующие правила применения сроков обращения в суд по трудовым спорам.

При этом в целях преодоления пробела правового регулирования и разрешения правовых споров относительно возможности указанной межотраслевой аналогии, предлагаем включить в ТК РФ специальные нормы, регламентирующие вопросы начала, приостановления, перерыва и восстановления сроков для обращения в суд для трудовых споров либо положения отсылочного характера, прямо предусматривающего возможность применения главы 12 ГК РФ к трудовым правоотношениям.

Список литературы

1. Лебедева К.Ю. «Исковая давность в системе гражданско-правовых сроков»: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2003. 243 с.
2. Грибков Д.А. «Исковая давность и сроки обращения в суд в гражданском судопроизводстве»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 26 с.
3. Грин Е.В. «К вопросу о различии понятий «сроки обращения в суд» по трудовым делам и «сроки исковой давности» // Российская юстиция. 2009. № 3. С. 23-26.
4. Захаров В. Н., Цыбуленко А. П. Применение аналогии при разрешении трудовых споров // Российская юстиция. 2008. № 3. С. 23-29.
5. Волкова А. Сроки давности в трудовых спорах. Материальная ответственность // Трудовое право. 2015. N 6. С. 59-66.
6. Коцубин Ю. Проблемы применения исковой давности в трудовых спорах // Российская юстиция. 2003. №7. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/3853> (дата обращения 22.12.2015 г.).

К ВОПРОСУ О РОЛИ СУДА В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Дубов А.М.

студент 4-го курса Юридического института,
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
Россия, г. Владимир

Зайчиков Я.В.

научный руководитель, старший преподаватель кафедры «Гражданское право и процесс» Юридического института, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Россия, г. Владимир

Статья рассматривает сущность судебных инстанций, их положение в правовой системе исполнительного производства. Проводится анализ функций суда на теоретическом уровне и на стадии их практической реализации в сфере исполнения судебных постановлений по гражданским делам.

Ключевые слова: судебная инстанция, суд, судебный орган, исполнительное производство, участник исполнительного производства.

Рассмотрение теоретических аспектов исполнительного производства и их практической реализации невозможно без рассмотрения всей совокупности ролей и функций, которые исполняет непосредственный орган правосудия – суд. Ведущая роль суда как участника исполнительного производства становится очевидной, если в процессе изучения принудительного исполнения судебных решений, а также постановлений иных органов.

Суд наделен комплексом полномочий, на базе которых он осуществляет всю совокупность возложенных на него процессуальных действий. Именно поэтому изучение этого комплекса и всей структуры обязанностей судебного органа и его прав, а также многочисленных направлений, на которых судебная инстанция взаимодействует в рамках системы исполнительного производства с иными ее субъектами, оказывается актуальным для анализа правового положения самого судебного органа и взаимодействующих с ним субъектов. Это приобретает особую важность в период реформирования и модернизации всей законодательной системы, в том числе – арбитражного и гражданского процесса как составных ее частей.

Правильное определение ролевой функции судебного органа как составной части системы исполнительного производства требует аналитического рассмотрения каждого отдельного процессуального действия и последующего синтетического восприятия их всех как совокупности, имеющей собственную направленность [8, с. 50]. Такой подход становится тем более актуальным с учетом мнения самого законодателя, который признает, что в принудительном исполнении судебных актов есть достаточное число проблем, и улучшение подобного исполнения достигается посредством процесса реформирования исполнительного производства.

Совершенствование предполагает исследование каждого аспекта деятельности составных частей исполнительно производства, функции судебного органа – в первую очередь. Постановление Правительства РФ № 312 [4] утверждает необходимость сосредоточения всего объема судебных полномочий, которыми наделена система принудительного исполнения судебных актов, в рамках одного органа – суда. Вынесение судебным органом подлежащего исполнению судебного акта должно сопровождаться и наличием э этого органа всего объема полномочий для того, чтобы осуществлять надзор за исполнительным производством, контролировать его ход и санкционировать предусмотренные федеральным законодательством действия всех сторон структуры исполнительного производства и судебных приставов.

Правовое положение судебного органа регламентируется ФЗ-229 «Об исполнительном производстве» [2], согласно которому инициатива по возбуждению исполнительного производства возложена на судебного пристава-исполнителя, а основанием для такого инициирования, как правило, является исполнительный документ по заявлению взыскателя, называемый исполнительным листом. Исполнительный лист выдается судебной инстанцией после того, как судебное постановление вступит в законную силу. Единственным исключением из этого правила становится ситуация немедленного исполнения – в ней выдача исполнительного листа производится немедленно после того, как было принято судебное постановление. Судебная инстанция выдает исполнительный лист либо взыскателю, либо по просьбе взыскателя направляется для исполнения.

Принятое судебной инстанцией решение исполняется территориальными подразделениями Федеральной службы судебных приставов, а судебный орган руководит процессом такого исполнения и контролирует его. Современная юридическая литература формулирует два варианта контроля, который осуществляется судебным органом при осуществлении исполнительного производства: предварительный контроль осуществляется в ситуации, когда решение органа принудительного исполнения становится препятствием для движения исполнительного производства, а последующий контроль проводится при отсутствии таких препятствий [7, с. 8, 20-21].

Однако практика исполнительного производства на современном этапе предполагает только последующий контроль. Судебная инстанция руководствуется процессуальным законодательством, на основании которого дает разъяснение: в случае неясности исполнительного документа (ст. 433 ГПК РФ) исполнительное производство либо приостанавливается, либо делается обращение в другую инстанцию или к другому органу.

Неясность в содержании и формулировках исполнительного документа способна послужить причиной для того, чтобы исполнительное производство было приостановлено. Эта возможность появляется в ситуациях, когда:

- на имущество было обращено взыскание, оно было арестовано, после чего был предъявлен иск об его освобождении от наложенного ареста;
- была проведена оценка арестованного имущества, но результаты ее оспариваются;

- было вынесено постановление судебного пристава-исполнителя о взыскании исполнительского сбора, которое было оспорено (ст. 436 ГПК и ст. 39 ФЗ-229).

Как непосредственный взыскатель, так и должник или получивший неясный документ судебный пристав-исполнитель обладают возможностью обратиться в судебную инстанцию или же к должностному лицу, которое выдало этот исполнительный документ, с заявлением о том, чтобы эти лица или инстанции разъяснили сформулированные ими положения, порядок исполнения или способ, которым он должен быть исполнен. Такая возможность есть в случаях, когда:

- акт судебной инстанции или выданный на его основе исполнительный документ подвергаются оспариванию;
- должник находится в длительной командировке по служебным делам;
- акт органа по рассмотрению административных правонарушений или лица, наделенного такими функциями, подвергается оспариванию;
- заявление об оспаривании постановления, а также бездействия, действий или отказа в совершении действий судебных приставов-исполнителей было принято к производству.

Первый пункт 39-1 статьи ФЗ-229 говорит о том, что судебный орган обладает правом на приостановление инициированного исполнительного производства, и случаи такой приостановки предусматривает 40-я статья этого же закона. Однако содержание данной статьи перечисляет случаи, в которых частичная или полная приостановка может быть судебным приставом-исполнителем. Это приводит к выводу о том, что как судебная инстанция, так и судебный пристав-исполнитель наделены правом приостановки производства в одних и тех же случаях. Однако закрепление в федеральном законодательстве подобного положения приводит к путанице, которая имеет место в принудительном исполнении судебных актов. Именно поэтому было бы рациональным полномочия по приостановлению на частичной или полной основе передать в сферу исключительно судебных инстанций.

Такая передача потребует корректировок и изменений тех положений, которые содержат 39-я 40-я статьи ФЗ-229.

Российский ГПК в своей 439-й статье, а также ФЗ-229 в своей 43-й статье перечисляют те случаи, при наступлении которых исполнительное производство прекращается. Законодатель определяет эти ситуации в качестве оснований, по которым судебные инстанции или судебные приставы-исполнители прекращают исполнительное производство. Такое полномочие также было бы логичным передать полностью в компетенцию судебных инстанций. В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что современная компетенция судебного органа оказалась урезанной по сравнению с исполнительным производством, которое ранее осуществлялось в России и предшествовавшей ей РСФСР.

Более широкие по сравнению с современными компетенции за судебными органами закрепляли ГПК РСФСР [5] и ряд правовых актов, в числе которых можно отметить «Инструкцию об исполнительном производстве» [6].

Первый документ закреплял судебных приставов за городскими или районными судебными инстанциями и возлагал на них функции по исполнению соответствующих судебных постановлений. Руководили деятельностью исполнителей председатели соответствующих судов и народные судьи, и они же осуществляли повседневный контроль за своевременностью и правильностью их работы, оказывали им помощь и отслеживали соблюдение установленных правил. Судебный орган контролировал деятельность таких исполнителей (ст.ст. 348, 349 ГПК РСФСР), что предполагает их ответственность непосредственно перед вынесшей решение судебной инстанцией. Второй документ в третьем своем пункте возлагал на этих руководителей обязанности по ежеквартальным проверкам работы всех исполнителей, которые сопровождалось составлением актов проверки, и обращал внимание на то, что следует предпринимать все меры для оперативного исполнения решений судебных инстанций, возвращать исполнительные документы взыскателям исключительно обоснованно, проводить проверки в организациях с должной регулярностью и качеством и проверять в том числе и финансовую деятельность самих исполнителей.

Сегодня положение вещей изменилось из-за отделения судебных приставов-исполнителей от судебных инстанций и их включения с систему исполнительных властей. Однако непосредственное взаимодействие территориальных отделений ФССП и судебных инстанций сохранилось. Российский закон ФЗ-118 «О судебных приставах» [3] в своей 19-й статье говорит о том, что обжалование бездействий, действий или постановлений судебных приставов находится в компетенции судебных инстанций или вышестоящих должностных лиц, и обращаться можно одновременно к тем и другим. Общий контроль за функционированием судебных исполнителей осуществляет Генеральный прокурор РФ, что подтверждает статус прокуратуры как структуры, осуществляющей надзор за надлежащим соблюдением законности, а текущий контроль осуществляют административные уровни самой службы судебных приставов.

Анализ всей совокупности данных положений приводит нас к мнению, что полномочия судебных органов следует расширить в области контроля за исполнением судебных решений. Действующее законодательство представляет суду такую возможность только в том случае, когда участник исполнительного производства обращается в судебный орган. На наш взгляд, непосредственно принявший решение судебный орган следует наделять правом надзора за реализацией принятого решения и контролем и за его проведением. Для этого было бы необходимо внести ряд изменений в ФЗ-229 и в ГПК РФ так, чтобы реализовать закрепление за судебной инстанцией возможностей по контролю за процессом исполнения ее собственных решений и получению отчетов о ходе и результатах такого исполнения.

При этом следует отметить, что возможность не только контролировать, но и принудительно влиять на то, как исполняется решение судебной инстанции, осуществима лишь после появления в структуре действующего законодательства определенной нормы. Такая норма позволила бы судебной

инстанции при обнаружении неисполнения или ненадлежащего уровня исполнения своих решений налагать спектр санкций на допустившего это субъекта исполнительного производства.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года №138-ФЗ (ред. от 31 декабря 2014) // Российская газета, 2002, 20 ноября.
2. Федеральный закон от 02 октября 2007 года № 229-ФЗ (ред. от 22 декабря 2014) «Об исполнительном производстве» (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.01.2015) // Российская газета, 2007, 06 октября.
3. Федеральный закон от 21 июля 1997 года № 118-ФЗ (ред. от 22 декабря 2014, с изм. от 31 декабря 2014) «О судебных приставах» // Российская газета, 1997, 05 августа.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 312 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция» // Собрание законодательства Российской Федерации, 05 мая 2014, № 18 (часть II), ст. 2158
5. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11 июня 1964) (ред. от 25.07.2002, с изм. от 18 июля 2003) // «Свод законов РСФСР», т.8 с 175 – утратил силу с 1 июля 2003 года в связи с принятием Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. №137-ФЗ.
6. «Инструкция об исполнительном производстве» (утв. Приказом Минюста СССР от 15 ноября 1985 №22) // «Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР», №11, 1987.
7. Клепикова М.А. Проблемы правового положения органов принудительного исполнения в исполнительном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001.
8. Саттарова З.З. Участие суда в исполнительном производстве: учебное пособие. Оренбург, Пресса, 2005. 144 с.

ПОНЯТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Дубов А.М.

студент 4-го курса Юридического института,
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
Россия, г. Владимир

Шаназарова Е.В.

научный руководитель, доцент кафедры «Финансовое право и таможенная деятельность», к.ю.н., Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Россия, г. Владимир

В статье рассматривается понятие «Предпринимательской деятельности» ее специфика и основные положения данного понятия.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, получение прибыли, госрегистрация, источники, экономическая деятельность.

Предпринимательская деятельность как понятие раскрывается в российском Гражданском Кодексе. Этот документ в третьем абзаце первого пункта своей второй статьи формулирует, что предпринимательской считается такая деятельность, для которой выполняются четыре условия:

- ее целью становится получение прибыли, причем – на систематической основе;

- эта прибыль появляется как результат деятельности по продаже товаров, пользованию имуществом, оказанию услуг или выполнению работ;

- деятельность осуществляется одним или несколькими лицами, которые прошли госрегистрацию в этом качестве;

- эти лицо или лица предпринимают любые шаги исключительно на свой риск [1, абз. 3, п. 1, ст. 2].

Если любой из этих признаков, которые зафиксированы на уровне российской законодательной системы, отсутствует, признать подобную деятельность законодательной нельзя.

Появление исследуемого определения в структуре понятий российского ГК оказалось прогрессивным шагом, поскольку это определение:

- определяет характер получения прибыли – ее систематичность;

- устанавливает источники, из которых может быть получена прибыль;

- вводит понятие предпринимателя как зарегистрированного в этом качестве в законном порядке лица вместо использовавшейся до этого формулировки «граждане и их объединения»;

- расширяет границы ответственности от использовавшейся ранее имущественной до более обширного в юридическом смысле «риска».

Однако ряд научных деятелей и практических работников указывают на то, что законодательное определение предпринимательской деятельности остается несовершенным.

Существенное значение для практики приобретает вопрос о разграничении предпринимательской от иных видов экономической деятельности. Отсутствие четко очерченных на законодательном уровне критериев такого разграничения побудило Верховный Суд РФ дать разъяснения в отношении квалификации деятельности по передаче имущества в аренду имущества. Как разъяснил Суд, деятельность по сдаче жилого или иного недвижимого имущества в аренду или в наем с получением дохода в любом размере, при условии, что такое имущество было приобретено в личных целях и не используется в связи с отсутствием необходимости в таком использовании, не квалифицируется как незаконное предпринимательство, хотя арендодатель и получает доход от такого использования имущества [2].

Критерий, который позволяет разграничить активную экономическую деятельность от ее пассивных разновидностей – это профессионализм. Этот критерий специалисты в области предпринимательского хозяйственного права выделяют в юридической литературе в качестве одного из признаков того, что такая деятельность является предпринимательской, наряду с получением прибыли в результате производства товаров (работ, услуг) для рынка.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ (ред. от 21.07.14 2014).

2. URL: юконсульт.рф/publ/predprinimatelskoe_pravo/ponjatie_predprinimatelskoj_dejatelnosti_informacionnaja_statja/5-1-0-151 (дата обращения 10.11.2017).

СООТНОШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Зарамышева Д.А.

студентка 2 курса Юридического института,
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

Казановская Ю.А.

научный руководитель, доцент кафедры конституционного и
международного права, Северо-Кавказский федеральный университет,
Россия, г. Ставрополь

В данной научной работе, поднимается вопрос о том, что такое международное право, национальное право, а самое главное их соотношение в условиях глобализации. И для ответа на данный вопрос, мы будем рассматривать такие понятия, как глобализация и интеграция.

Ключевые слова: международное право, национальное право, глобализация, интеграция, право.

Общество на протяжении многих веков формирует новый миропорядок, от организации которого зависит существование всего мирового сообщества. В современном мире общество понимает, что его благополучие, начиная с национального и заканчивая глобальным уровнем, зависит от наиболее оптимального уровня управления социальными процессами.

В наши дни роль такого социального института как право сильно возросло, так как для повышения уровня управляемости общественных систем, а также проблема противоречий в решении по данному вопросу, сильно угрожает существованию цивилизации. А право дает возможность стабилизировать нормальное функционирование общества в условиях глобализации.

Для подтверждения данного факта, можно вспомнить Декларацию тысячелетия, которая была принята на Саммите тысячелетия в 2000 г., делегаты из 191 государства настояли на необходимости «укреплять уважение к принципу верховенства права, причем как в международном, так и во внутренних делах» [1].

На современном этапе развития право приобретает еще одну важную задачу, такую как управление глобализацией и соблюдение гармонии процессов, сопряженных с ней. Право в этом случае является инструментом глобализации, но при этом и средством управления ее процессами.

Данной тематике посвящено множество литературы, и в большинстве своем они принимают глобализацию как экономическое объединение. Но более глубокий анализ дает нам возможность понять, что глобализация – это интеграция особого вида, которая не была известна истории до конца XX века.

Многие видные исследователи, такие как С.Д. Пожарский, пришли к мнению, что глобализация – это процесс интеграции, протекающий по основным номинациям, в которых надо отличать:

- интеграцию социальных институтов;
- деятельность данных институтов;
- знаний, необходимых для необходимой деятельности;
- идеалов, которые определяют мотивы этой деятельности;
- норм поведения, которые диктуются идеалами;
- ценности, которые создаются этой деятельностью для ценностных ориентиров.

Так же в качестве специфических признаков данной интеграции исследователи выделяют:

- хаотичность – то есть, наличие неупорядоченности в интеграционном процессе случайных периодических изменений;
- многоаспектность – то есть, сочетание по трем ведущим каналам социальной жизни;
- спонтанность – то есть, отсутствие внешнего источника, который представлен как специальный организатор;
- массовость – то есть, активное участие в интеграционном процессе всех слоев общества;
- глобальность – то есть, распространение процессов интеграции на весь мир.

Для глобализации характерны такие явления как:

- дифференциация государств по уровню развития экономики;
- разрыв в определенных группах экономического уровня.

Но вернемся к вопросу о соотношении международного и национального права. Как отмечалось ранее, одним из аспектов глобализации является экономика. В наши дни, складывается ситуация долгового криза, на международном уровне, что в свою очередь обостряет конкуренцию разных стран на международном рынке. И данное явление приводит к проблемам в сфере использования различных ресурсов или же в сфере экологии. Для регулирования этого вопроса государство принимает меры, объектом которых становится международно-правовое регулирование. Но для решения данной проблемы необходимы также изменения во внутригосударственном праве, а главное изменение должно затронуть характер взаимоотношения национального и международного права.

Углубление в направлении изменения национального и международного права, что обуславливает более глубокое погружение в международные операции, но при этом уменьшается влияние внутригосударственного права. В XXI веке социально-экономические системы права разных государств обязательно должны взаимодействовать друг с другом. Для достижения данной цели необходимо:

- 1) признание верховенства международного права;
- 2) внесение изменений в национальное право в соответствии с международным правом.

Продуктивность международного права возрастет при переносе его основных норм и принципов в национальное законодательство. В Российской

конституции 1993 года впервые был определен характер соотношения международного и национального права. Так, обратим внимание на п.4 ст.15 Конституции Российской Федерации, которая гласит: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотрены законом, то применяются правила международного договора». Конечно, при некоторых юридических и технических недостатках данного положения, о которых говорят правоведы, нельзя не сказать о том, что данная Конституция являлась фундаментом правовых и политических основ, закладываемых для улучшения отношения России с другими странами.

Профессор В.В. Маклаков считает, что влияние международного права на национальное имеет две основных составляющих:

- 1) взаимодействие национального права и международного права;
- 2) передача некоторых полномочий государственного значения организациям международного уровня.

Далее можно выделить по данной проблеме некоторые дополнительные аспекты:

- 1) может ли конституция предоставлять международным юридическим нормам силу, превышающую ту, которую она сама имеет;
- 2) как конституция соотносит международные юридические и внутринациональные нормативные акты.

Так же В.В. Маклаков отмечал, что шаги в политическом, экономическом и юридическом направлениях участники ЕС сделали только после подписания Маастрихтского соглашения в 1992 году. Соглашения, к которым пришли в данном соглашении, потребовали от участников реформ, касающихся конституций определенных стран. К примеру, во Франции, изменения коснулись целых разделов. Португалия пришла к третьему пересмотру конституции, для обеспечения основ, позволивших присоединиться к ЕС. Многим же странам потребовались лишь некоторые дополнения к различным статьям. Но страны, входящие в ЕС, не остановились на простых изменениях нормативных документов. Они также предоставили избирательное право на выборах в местные органы власти, в своих государствах иностранцам, конечно не просто иностранцам, а членам ЕС.

В заключение можно сделать вывод о том, что соотношение международного права и национального права в эпоху глобализации на данный момент находится в стадии зарождения, поэтому сталкивается с рядом проблем, связанных с экономическими, политическими и где-то историческими моментами, решения которых будут затрагивать как внутригосударственную, так и международную правовую структуру общества.

Список литературы

1. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций, принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года.
2. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ

от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).

3. Бирюков П.Н. Международное право. М.: Юристъ, 1998. С. 416.
4. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Глобализация и синергетический историзм. СПб.: Политехника, 2004. С. 108.
5. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М.: Юристъ, 2002. С. 5-17.
6. Robertson R. Globalization. Social Theory and Global Culture. London, 1996.
7. Friedman T.L. Understanding Globalization. The Lexus and the Olive Tree. N.Y., 2000.

ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО ДЕРЖАНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕРМАНИИ

Зорилэ Д.В.

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, к.ю.н., доцент,
Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева,
Россия, г. Москва

В статье анализируются особенности формирования отношений по поводу земельного держания на территории средневековой Германии, в частности, соотношение публично-правовых и частно-правовых начал в сфере регулирования земельного держания. Особое внимание уделено проблемам налогообложения в этой сфере.

Ключевые слова: земельное держание, налог на землю, налог на приобретение земельного участка, налог на наследство.

Н.И. Кареев писал: «Феодализм – это особая форма политического и экономического строя, основанного на земле, на землевладении, на земледелии, и это – главное, от чего в той или иной мере зависит все остальное, начиная с замены отношений подданства отношениями вассальности с ее иерархической градацией» (Н.И. Кареев. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства». М., 1898. т. 1, с. 408) [цит. по: 1. с. 49]. Землевладение периода феодализма имело свои особенности, которые О. Гирке характеризовал следующим образом: «... германская собственность с самого начала предполагала, что земля является объектом суверенного права, и объектом непосредственного владения, обнаруживая, таким образом, зачатки современного территориального государственного права и современной земельной собственности. Поэтому, прежде чем с развитием идеи государства стало возможным разделение публичного и частного права на землю, единственное понятие территориально-вещного права охватывало как экономическое право крестьянина на пользование землей, так и королевскую либо общинную власть над той или иной территорией, равно как и наоборот: не было никакой принципиальной разницы между налогами на землю (Grundsteuern) и арендной платой за землю, оброком (Grundzinsen), между военной и гражданской службой за лен, или крестьянской барщиной» [6, с. 141]. Основной единицей земельного держания являлась крестьянская усадьба: «Крестьянская усадьба (Bauerngut) это поместье (Landgut), которое имеет доста-

точные размеры, чтобы занять и прокормить его держателя с семьей, но чьи размеры не достаточны, чтобы задействовать одного только землепользователя для верховного управления (Oberleitung), но где от него требуется практическое сотрудничество, и чей доход не достаточен, чтобы на него без дополнительных поступлений жить в соответствии с более высокими притязаниями. Крестьянская усадьба (Bauerngut) таким образом противопоставлена парцелле (Paerzelle), имуществу безземельного крестьянина (Hauslerbesitz), земельному наделу крестьянина-бедняка (Kossatengrundstuck), чей держатель должен искать еще дополнительное занятие и заработок; она противопоставляется также имению (Gute) или держанию (Gutsbesitz), которое и при сдаче в аренду (Verpachtung) также без дополнительной деятельности (Lebensstellung) могло должным образом обеспечить держателя (Besitzer) при более высоком уровне жизни» [4, с. 634]. «Различаются два вида крестьянского имения (Bauerguter): имение «полного крестьянина» (Vollbauern), крестьянина-держателя упряжки (Gespannbauern), «полного держателя гуфы» (Vollhufners), для которого в Северной Германии требовалось содержание повозки лошадей или волов (Pferde-или Ochsenegespannes). Такое имение составляло 30 моргенов (8 га), в порядке исключения 20 моргенов (5 га) (гуфа составляла в различных местностях от 7 до 15 га, морген – 0, 25 га). Ему противопоставляется имение (Gut) мелкого крестьянина (Kleinbauern), которое охватывает не достаточно земли для содержания повозки (Gespannhaltung). В западных и южных областях или там, где виноградарство играло большую роль или преобладало пастбищное хозяйство, определяющим для различия являлось не держание упряжки, а доход, а также количество необходимой вспомогательной рабочей силы, при этом невозможно делать строгого разграничения между ними. Размер земельного участка не может быть единственным критерием, хотя в определенных областях с одинаковыми естественными условиями и одинаковым типом хозяйствования может быть определен приблизительный размер крестьянского имения (Bauerngut) как «полного крестьянина» (Vollbauern), так и мелкого крестьянина (Kleinbauern)» [4, с. 634]. «Правовое положение крестьянского имения (grundholden Gutes) определялось с одной стороны его экономическим характером, с другой стороны правовым положением крестьянина (grundholden Bebauers). Его правовое положение становилось чем дальше, тем более определяющим, поскольку с 11 века привязанность обрабатывавшего землю крестьянина (Bebauers) к земельному участку (Scholle) стала правилом. С 10 века правовое положение крестьянского (grundhorigen) населения было в основном единообразным; несвободные и свободные поселенцы (Hintersassen) эпохи Каролингов слились в новое сословие крепостных крестьян (Grundholden), и существовавшие различия имели своей причиной в меньшей степени сословные отличия прошлого, нежели различный характер отдельных категорий помещиков (Grundherres – монарха, церкви, светской знати)» [7, с. 631]. Правовую природу такого держания исследователи определяли следующим образом: «... Ефименко выяснила тесную связь долевого деревни с деревней-двором, выяснила частное право собственности, лежащее в основе владения деревни

целой или разделенной на доли, и в силу этого провела отчетливую грань между долевым и общинным землевладением. На реке Мозель, в горных округах Трира, в некоторых других областях долевым совладельцем назывался *Gehofer* – подворник, долевым деревней – *Gehoferschaft*. Пользование полосами и лоскутами земли по идеальным долям совладельцев, переделы-жеребьевки, но не общинное уравнение, а отвод жеребьев по идеальным долям» [1, с. 275]. «Каждому «подворнику» (*Gehofer*) принадлежит известная доля в общем владении, доля, квота (*Quote*) и «идеальная доля» (*ideele Quote*), и эта доля принадлежит ему по праву собственности; он может ее отчуждать по частям или целиком. Поэтому *Gehoferschaften* называют также *Erbschaften* (наследственными владениями, «вотчинами») и *Erbgenossenschaften* (вотчинными общинами). Этот термин «вотчинная община» прекрасно характеризует существо долевого землевладения, соединение общины с собственностью, с «вотчиной». Вследствие раздела долей между наследниками и отчуждения их по частям они здесь, на реке Мозель, дробятся на все более мелкие части... Участки различных владельцев отличаются чрезвычайным неравенством; наименьшее владение в таких общинах равняется только 5/8 моргенов, наивысшее – 35 моргенам» [1, с. 275 -276]. Крупный землевладелец в средние века имел на свою землю не только частное право собственности, но и некоторые государственные права. Он был не только собственником, но и до некоторой степени государем своей земли. В его земельной собственности сливались воедино имущество и власть. В отличие от римского понятия собственности (*dominium*) как частного права на вещь в средневековой земельной собственности, как пишет О. Гирке, тесно соединяются элементы частного и публичного права. «Древняя «германская собственность» была одновременно земельным господством (*Grundherrschaft*) и земельным имуществом (*Grundvermogen*) и таила в одном зерне зародыши как территориального верховенства, так и собственности нашего времени» [6, с. 141]. «Это особенное свойство средневекового крупного землевладения (*Grundherrschaft*) имело чрезвычайно важное значение в общем государственном строе средних веков. Когда крупное землевладение развилось, когда крупные вотчинники постепенно освоили где все, где почти все земли страны, то свойственная им публичная власть, естественно, получила значение одного из главных устоев государственного строя». Главным источником раздробления верховной власти называли соединение в крупном землевладении элементов частного и публичного права» [1, с. 288]. В средние века обыкновенно только небольшая часть имения состояла в непосредственном хозяйственном пользовании землевладельца, а значительно большая часть его обрабатывалась крестьянами как самостоятельными хозяевами [1, с. 290]. «Центром крупного имения была господская усадьба, стягивавшая все нити управления и хозяйства владений господина, нередко очень обширных. Называлась она двором (*Hof*). Так же точно – двором – называлась и крестьянская изба с ее службами. Они отличались только прилагательными: господский (*Fronhof*) и крестьянский (*Bauernhof*). Центральным пунктом господского владения (*Grundherrschaft*) был господский двор (*Fronhof*)» [1, с. 291]. «На русский

язык термин «Grundherrschaft» переводят обыкновенно словом «поместье». Но это слово здесь самое неподходящее, потому что оно только к 18 веку получило значение крупного земельного владения, земельной собственности. В древности же оно имело специальный смысл условного владения и строго отличалось от вотчины, земельной собственности» [1, с. 290]. Земля, принадлежавшая к боярскому двору, состоявшая в непосредственном владении и пользовании господина, носила название «terra salica» (Salland). Первоначально понятие «Sala» имело смысл наследственная, отцовская, дедовская земля. Впоследствии, очень рано, термин Salsa (Salland) получил иной смысл – земли, состоящей в непосредственном хозяйственном обладании господина; землей салической в средние века называли по преимуществу землю, непосредственно принадлежавшую к барскому двору, в непосредственном хозяйстве господина. Он стал не столько термином юридическим, сколько экономическим [1, с. 292-293]. Салическая земля – в основном, тесном смысле слова – земля, принадлежащая к господскому двору, – была очень незначительных размеров; она равнялась среднему крестьянскому участку, гуфе. «Лампрехт доказывает, что в IX-X веках господский двор представлял собой не что иное, как крестьянскую гуфу, взятую в хозяйственное распоряжение господина, что на рубеже XII-XIII веков земля господского двора также приблизительно равняется гуфе и сохраняет те же размеры в течение следующих трех столетий». Лампрехт называет этот участок «особо предоставленной землевладельцу гуфой» [1, с. 293]. Таким образом, гуфа являлась базовым объектом землепользования. «От специально господской земли, состоявшей в хозяйственном пользовании господина, отличалась господская земля, которая сдавалась в аренду под хозяйственным наблюдением господина. Эта земля также считалась салической, господской, потому что она так же как собственно господская земля, была свободна от тягла и этим существенно отличалась от массы земель имения, состоявших в тягловом владении и самостоятельном хозяйственном пользовании крестьян. Правда, по мнению Лампрехта, было «большое число раздробленных и разорванных барских дворов, которые не имеют большого хозяйственного значения и почти непроизводительны» [1, с. 293].

Финансовое хозяйство периода феодализма, находившееся в руках господина, являлось в меньшей степени государственным хозяйством, нежели частным хозяйством господина (Herrschers). Его основные поступления – это доходы от земельных владений, арендные платежи за землю, поступающие ему как верховному собственнику земли, а также денежные штрафы, плата за оказание услуг по сопровождению и охране, почетные дары (Ehrengaben) [1, с. 290]. Крупное землевладение (Grundherrschaft) было не только частновладельческим имением, но в большей или меньшей степени также и государственным владением. «Кроме оброков и доходов разного рода, обусловленных пользованием господской землей, и кроме пошлин выходных и свадебных, обусловленных личной зависимостью от господина, крестьяне платили в пользу господина также пошлины торговые, таможенные и судебные в силу принадлежавших ему прав государственного порядка» [1, с. 320].

Управление и хозяйство вотчины было в руках уполномоченного господином приказчика – мейера, в задачи которого входило заведовать собственным хозяйством господина (на собственно салической земле), присматривать за хозяйством на остальной части господской земли и собирать поборы с крестьянской земли. Ввиду экономической незначительности собственно господского хозяйства главное значение имела его функция по сбору податей. В Германии мейер входил в разряд слуг господина – министералов (Dienstmann). Как отмечает Н.П. Павлов-Сильванский со ссылкой на Лампрехта, мейер был «скорее финансовым чиновником эпохи натурального хозяйства, чем сельским хозяином господского двора» [1, с. 297] При этом юридический статус министералов вообще, и в частности мейеров, был различным. «Они бывали свободными, несвободными и полусвободными – по-земельно-зависимыми» (Waitz G. Deutsche Verfassungsgeschichte. Kiel. 1860. Bd. IV. S. 346, Kiel. 1870. Bd. V. S. 322) [цит. по: 1, с. 298]. Таким образом, землевладение с точки зрения права определялось не в последнюю очередь податными отношениями, налогообложением, выражавшемся в взимании различного рода податей, которые сводятся к трем основным: налогу на землю, налогу, уплачиваемому при продаже земельного участка, налогу на наследование.

К старейшим из известных и одним из наиболее распространенных налогов, входящих в налоговые системы большинства стран современного мира, относится налог на землю (Grundbesitz). Налог на землю (Grundsteuer) как старейшая форма прямого налогообложения, был привнесен на немецкую территорию в античности римлянами через Альпы, затем заменен сначала на церковную и земельную десятину (grundherrliche Grundzehnten), а в период высокого средневековья возродился (со свойственными феодализму особенностями) под наименованием Bede (налог, подать), пройдя путь от добровольной подати (Bittsteuer) до обязательного налога (Pflichtsteuer). Благодаря своей привязке к наиболее наглядной и легко учитываемой части имущества – земельной собственности, в период аграрного хозяйства он занял основные позиции в налоговых системах германских территорий (Hufenschoss, Bauernschoss, Grundschoß, Kontribution). При более старых формах налога на землю за основу расчета бралась только приблизительная оценка стоимости земли (Bodenwerts) в зависимости от площади. «Оброк и мелкий доход взимались с каждого дворохозяина в разном количестве соответственно размерам его запашки. ... обложение было не личным, не поголовным, а поземельным, или еще точнее, похозяйственным. Первоначально в Германии господствовала система раскладки по гуфам; затем по четвертям, в которых считалось по 16 моргенов (jugega) и наконец, по моргенам. Гуфа, четверть, морген были единицами обложения» [1, с. 315]. Со ссылкой на немецкого автора К. Лампрехта (Lamprecht K.) Н.П. Павлов-Сильванский отмечал: «Гуфа имела двойственное значение: она означала в обеих ее составных частях, двора и земли и в то же время податной участок, совпадающий первоначально с нормальным размером деревни как дворохозяйства. ... Раздробленные части гуф объединяются в одно целое, но не так, как объединялись доли деревни при сов-

падении, а единственно в податном отношении. «Там, где удержалось старое обложение по гуфам, владельцы обрывков гуфы составляли особый самостоятельный податный союз, главой которого был владелец старых дворовых построек гуфы» [1, с. 278]. Другими словами, правовое значение гуфы состояло, в частности, в ее статусе как базового объекта налогообложения. «От разнообразных оброков и доходов, взимаемых по этой системе обложения, отличался особый сбор, взимаемый с очага, или с жилища крестьянина. ... Он был очень незначительным – в размере пфеннига, курицы, печеного хлеба (Herdpfennig – поочажный пфенниг, Rauchhuhn – петух с дыма, Rauchbrot – хлеб с дыма)» [1, с. 316].

Налогообложение совокупного имущества (Gesamtvermogens) также отталкивалось в средневековой Германии от технически легко охватываемого земельного имущества (Grundvermogen). Имперские города взимали с XIII века сначала старый вид налога на землю (Bede, Bittsteuer, Schoss (Zuschuss), Losung (los – Anteil, Opfer) за счет включения в него движимого имущества (Fahrhabe), в том числе скота и ремесленных мастерских (Gewerbe). Затем этот вид налога превратился в единый налог на все имущество (umfassende Vermogensteuer). Территориальные подати как, например, в Бранденбурге (Landbede), в Баварии (Zwanzigste Pfennig) или в Вюртемберге (Schatzungen) развивались также по этому пути с периода позднего средневековья (ausgehenden Mittelalter), равно как и уже упоминавшийся, недолго существовавший имперский налог (Gemeiner Pfennig) XV-XVI века, который по сути представлял собой единый налог на имущество (Vermogensteuer). В XVI-XVIII веках в период широкого распространения акцизов как разновидности косвенного налогообложения единый налог на все имущество (Gesamtvermogensteuern) распался на отдельные налоги на различные виды имущества (Teilvermogensteuern), которые были нацелены главным образом на охват не стоимости имущества (Vermogenssubstanz), а текущего дохода (laufenden Ertrag).

Самостоятельным видом налогообложения в Германии являлся налог на отчуждение земли. Ускорившиеся в X-XI веках процессы феодализации привели к изменениям в отношениях земельной собственности. В X-XI веках «... процесс формирования феодальной системы заметно усилился, что было связано с разложением общины и дроблением крестьянского надела (гуфы). Часть общинных земель переходила в частные владения – аллоды, которые можно было покупать и продавать» [2, с.82]. Упоминание о свободной продаже земельного участка содержится в источнике земского и ленного права Саксонском зеркале XIII века (пар. 1 ст. 8 кн. 1) [3, с. 644]. Образцом для налога на отчуждение земли (Grundstücksverkehr) в Германии может считаться средневековый сбор (Lademium, Abzugsgeld, Aufzugsgeld), который господин как верховный держатель земли (Grungherr) истребовал в качестве разовой подати по случаю смены владельца земельного участка (Besitzwechselabgabe). Сбор взимался помимо текущего налога на землю (Grundzinses) с прежнего или нового владельца. Задаток (Leit-или Aufgeld), который в средневековье также служил для борьбы с злоупотреблениями при покупке зе-

мельного участка, по-видимому, мог быть образцом для налога на приобретение земельного участка (Lutkaufgeld). Он появился как городской налог на приобретение земли (Kaufschlos), первые упоминания о нем относятся к 1374 году в Хильдесхайме (Hildesheim), с 1670 года в Эмдене (Emden), с 1777 года в Данциге (Danzig). На некоторых немецких территориях появились соответствующие торговые сборы (Handwechselabgaben) или акцизы на недвижимость (Liegenschaftsakzisen), которые с конца 17 века взимались в форме штемпельных сборов (Stempelabgeben – Urkundensteuern). Ими облагались скреплявшиеся ведомственными печатями договоры купли-продажи земельных участков (Grundstückskaufverträge).

Другой разновидностью налогообложения имущества является налог, взимавшийся при переходе имущества по наследству, налог на наследство. Первые упоминания о подати, уплачиваемой при посмертной смене владельца имущества, встречаются в Египте и относятся к 117 году до н.э. Налогообложение наследства имело место также в поздний период Римской республики и в Римской империи. На территории Германии оно приобрело распространение в раннем средневековье в виде наследственной десятины (Erbschaftszehnt) у франков. Десятина поступала в королевскую казну при разрешении споров между наследниками; в этот период средневековья взималась также пошлина при принятии наследования дальними родственниками (Verwandtenabgabe). При переходе имущества (Besitzwechselabgabe) уплачивались различные подати, а с конца IX века взимался специальный налог на случай смерти, который уплачивался либо помещику-землевладельцу, либо судье или князю и был известен под различными названиями (Sterbfall, Totenpfund, Totenzins, Totenzoll). Старое право наследования гуфы (Hufergut) – самая ранняя форма права наследования недвижимости (Immobilienerbrechts) – развилось под влиянием притязаний на наследование общины-марки (markgenossischen Erbansprüche) и при исключении (Wegfall) женщин из намного более старинного права наследования и охватило движимое имущество (Fahrhabe). Это право наследования на движимое имущество в дальнейшем во многом стало образцом для права наследования благоприобретенного крестьянского держания (wohlgewonnenes Rottland). Основы подобного права наследования начали проникать также в право наследования гуфы (Huferebcht). Лампрехт выделяет две особенности земельного держания, определяющими для которых являются именно наследственные отношения: 1) гуфа (Hufengut) была изначально изъятой из-под налогообложения добычей (Beute), предоставлявшейся по праву войны. На нее в связи с этим распространялось право наследования, при этом женщины должны были быть исключены из него; 2) поскольку это имущество было частью добычи (Beutelanteil) воюющего отца семейства, право на него имела только семья. Если таковой не было, вступало в силу право (Aurecht) всей общины (Genossenschaft), сотни (Hunderterschaft). С обеих точек зрения возникает следующее право наследования: при бездетных держателях гуфы (Hufenbesitzern), не имело значения, являлись ли они холостяками или женатыми, наследовала сотня (Hunderterschaft) или община марки (Dorfmarkgenossenschaft); если имелись дети, то наследовали только сыновья: по принципу «de terra nulla in muliere hereditas» (L. Sali-

са). Позднее, видимо, стали допускаться также внуки [7, с. 630]. Позднее, где в большей, где в меньшей степени, эти принципы наследования были восприняты, а право наследования общинников (Markgenossen) почти полностью отпало. Основные принципы правопреемства (Sukzession) движимого имущества (Fahrhabe) были почти исключительно основными принципами наследования гуфы (Hufenerbfolge). Таким образом, в истории крестьянского земельного держания (Bauerngutes) право семьи (Familienrecht) одержало победу над публичным правом; напрасно Карл Великий пытался (предположительно только в своих домениальных владениях (Landesteilen) восстановить или сохранить связь между держанием гуфы (Hufengut) и службой за гуфу (Hufendienst) [7, с. 631].

В VI-VIII веках право семьи осталось для держания гуфы (Hufengut), как и для приравненной к нему общественной земли (Rottland) без исключения и обязательно определяющим. Принцип германцев „nullum testamentum“ действует еще почти абсолютно для времени Каролингов. Земля (Grundeigen) принадлежала семье, роду (Geschlecht); отдельные сменявшие друг друга поколения были только пользователями. Эта связь стала медленно утрачиваться только в 10-13 веках (так называемое кайзеровское время – Kaiserzeit), сначала и в пользу определенных привилегированных субъектов, в частности в пользу церкви. Церковь, которая завлекала отдельного индивидуума, давая ему надежду добиться спасения души очень щедрыми жертвами, дарением в том числе земельных участков, не могла соблюдать право семьи (Familienecht), которое еще по-прежнему отрицало право отдельного индивидуума свободно распоряжаться земельным держанием. Однако в XII и XIII веках право обязательного наследования земельного держания (Grundeigen) отпало из-за более высокого уровня жизни, хотя оно продолжало действовать еще и после средневековья в правах многочисленных нисходящих наследников (Retraktrechten nachstastehender Erben) [7, с. 631]. В целом налог на наследство в средневековье не имел существенного значения, поскольку право наследования имели главным образом только самые близкие родственники как наследники по закону [5].

Список литературы

1. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988.
2. Тимошина Т.М. Экономическая история зарубежных стран. Учебное пособие. М., 2002.
3. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. В 2 т. / Отв. ред. д.ю.н. проф. Н.А. Крашенинникова. Том 1. Древний мир и средние века / Сост. О.Л. Лысенко, Е.Н. Трикоз. М., 2003.
4. J. Conrad. Bauerngut und Bauernstand. Statistisch. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Volume 2. Part 2. Jena. 1909. С. 634-652.
5. Fichte, Damian et al. (2013): Bausteine für eine Reform des Steuersystems: Das DSI-Handbuch Steuern, DSI Schrift, Deutsches Steuerzahlerinstitut des Bundes der Steuerzahler e.V., No. 1. Version available at:<http://hdl.handle.net/10419/88138>. Дата обращения: 19.10.2015.
6. Gierke O. Das deutsche Genossenschaftsrecht. Berlin. 1873.
7. K. Lamprecht. Bauerngut und Bauernstand. Historisch-rechtlich. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Volume 2. Part 2. Jena. 1909. С. 628-633.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Исаков И.Н.

доцент кафедры гражданского права и процесса, канд. юрид. наук, доцент,
Северо-Кавказский федеральный университет (филиал в г. Пятигорске),
Россия, г. Пятигорск

В статье рассматриваются вопросы, связанные с разнообразными подходами к существованию и функционированию правовой системы. Приводятся различные взгляды о сущности данного правового явления. Акцентируется внимание на некоторых аспектах воздействия правовой системы на развитие современного общества.

Ключевые слова: правовая система, общество, государство, компоненты правовой системы, правовая жизнь.

Правовая система по своей социальной и юридической природе – явление многообразное, неординарное, включающее в себя множество компонентов, формирующееся многочисленными субъектами и потому требующее постоянного и комплексного исследования.

В самом общем виде, существовавшие в мировой цивилизации правовые системы и существующие ныне, определяются отечественными и зарубежными учеными как феномены, призванные удовлетворять жизненно важные потребности общества. Интересной в этом аспекте представляется точка зрения известного французского правоведа Ж. Карбонье, который определяет правовую систему – как «вместилище, средоточие разнообразных юридических явлений» [2, с. 197].

В этом аспекте правоведами выделяется социально значимый феномен государства и общества, который способен обеспечить все виды юридической деятельности, соединить цели и средства такой деятельности в единое целое, придать им большой потенциал и познавательный смысл. Именно к такому организующему, интегрирующему и познавательному средству они относят категорию «правовая система».

По мнению Н.И. Матузова правовая система включает в себя: право; законодательство; правовые учреждения; судебную и иную юридическую практику; механизм правового регулирования; правореализационный процесс; права, свободы и обязанности граждан; правоотношения; законность и правопорядок; правовую идеологию; систематизирующие связи, обеспечивающие единство, целостность и стабильность правовой системы; иные правовые явления, образующие «инфраструктуру» правовой системы (юридическая ответственность, правосубъектность, правовой статус) [4, с. 25].

Как нам представляется, к этому перечню можно добавить правотворчество – как её ключевое звено, а среди элементов «инфраструктуры» – правосознание.

В целом многие отечественные правоведы склоняются характеризовать правовую систему как комплексную, интегрирующую категорию способную отражать всю правовую организацию общества [3, с. 39]. В зарубежной литературе акцентируется внимание на том, что все юридические феномены, существующие в одно и то же время и на одном пространстве – взаимосвязаны отношениями общности. Потому они объединяются в соответствующую систему [1].

Как видим, понятие «правовая система» имеет высокий уровень абстракции и, не случайно, не только в отечественной, но и зарубежной литературе правовая система характеризуется как достаточно сложное юридическое образование.

В то же время, как важное достижение правовой мысли можно считать и то, что современные правовые системы открывают большой простор региональному, муниципальному, локальному, индивидуальному правовому регулированию, децентрализации правовых усмотрений, развитию договорного права, что, в свою очередь, способствует более полному проявлению активности, инициативы субъектов правовой жизни общества, переходу к дозволительному типу правовой регламентации.

Под таким углом зрения можно дать следующее определение правовой системы. *Правовая система* – это целостный правовой и политико-культурный феномен, включающий совокупность интегрированных, внутренне согласованных и тесно взаимодействующих между собой юридических принципов, средств, методов, механизмов и функций с помощью которых государство осуществляет свои регулятивные, правозащитные и управленческие функции, оказывает организующее и стабилизирующее воздействия на общественные отношения, поведение граждан и деятельность их объединений.

Таким образом, учитывая вышеизложенное, можно утверждать, что правовая система оказывает достаточно значимое воздействие на общественные отношения и развитие современного общества в целом.

Список литературы

1. Давид Р. Основные правовые системы современности: пер. с фр. М., 1988. – 496 с.
2. Карбонье Ж. Юридическая социология: пер. с фр. М., 1986. – 352 с.
3. Матузов Н.И. Возможность и действительность в российской правовой системе / Н.И. Матузов, Н.В. Ушанова. Саратов, 2010. – 392 с.
4. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. – 294 с.
5. Леже Р. Великие правовые системы современности: пер. с фр. М., 2010. – 529 с.

УЧАСТИЕ ПЕДАГОГА И ПСИХОЛОГА В ДОПРОСЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Калугина И.А.

студентка 4 курса Юридического института,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Лукьянчикова Е.Ф.

доцент кафедры уголовного права и процесса, к.ю.н.,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Данная статья посвящена исследованию некоторых проблемных аспектов участия специалиста-психолога при осуществлении допроса несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых. В рамках исследования происходит анализ возможных путей решения поставленной проблемы, их негативные и позитивные аспекты реализации.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, несовершеннолетние, допрос несовершеннолетнего, психолог, педагог.

При производстве любого уголовного дела с участием несовершеннолетнего, наиболее важным следственным действием является допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, в процессе которого подросток дает показания об известных ему событиях. На сегодняшний день порядок допроса несовершеннолетнего регламентируется ст. 425 УПК РФ.

Одной из наиболее специфических особенностей допроса несовершеннолетнего является участие психолога. В частности, согласно ч. 3 ст. 425 УПК РФ «в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно» [1].

Следовательно, законодатель предоставил лицу, осуществляющему расследование, право выбора одного из двух специалистов – психолога или педагога. Однако при этом в УПК РФ отсутствуют положения относительно того, в каких случаях вызывается каждый из специалистов. Другими словами, данный вопрос решается по субъективному мнению лица, осуществляющего расследование по конкретному уголовному делу.

Отметим, что вопрос относительно целесообразности участия не только в допросе, но и в уголовном судопроизводстве в целом психолога и педагога на сегодняшний день является достаточно спорным и дискуссионным. Например, Э.Б. Мельникова считает, что «более полезными при допросе будут специальные познания не педагога, а психолога или врача-психиатра» [4, с. 120]. Помимо прочего, она отмечает, что присутствие подобного специалиста даст возможность обеспечить полноту допроса посредством правильной постановки вопросов несовершеннолетнему. Ее точку зрения разделяет

И.И. Мамайчук, полагающий, что функции педагога как участника рассматриваемого следственного действия «более успешно реализует детский психолог как специалист, который обладает научными познаниями в сфере детской психологии и психологии подростков, а также обладающий соответствующими тактическими навыками общения с данной категорией лиц» [3, с. 77].

Достаточно радикально высказывается С.Г. Любичев, утверждая, что педагог должен быть исключен из перечня лиц, которые принимают участие в допросе несовершеннолетних. «Участие педагога в допросе – это архаизм, – утверждает ученый, – и является рецепцией времени, когда в стране не существовало квалифицированных специалистов в области психологии. На сегодняшний день, когда психология находится в зените своего развития, необходимость привлечения педагогов как таковых отпала» [2, с. 15].

Мы полагаем, что в допросе несовершеннолетнего, бесспорно, обязательно участие психолога, однако не стоит исключать и возможность привлечения к данному следственному действию и педагога альтернативно психологу. Выбор конкретного участника уголовного судопроизводства должен зависеть от конкретных обстоятельств дела и специфики личности допрашиваемого лица. При этом приоритет должен принадлежать, на наш взгляд, все же психологу, так как он более точно и объективно может определить возрастные особенности развития допрашиваемого, его характер и темперамент, и, соответственно, установить с несовершеннолетним психологический контакт и оградить несовершеннолетнего от негативного психологического воздействия допроса. Помимо прочего, мы придерживаемся позиции, что участие психолога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого выступает в качестве одной из процессуальных гарантий его безопасности и учета возвратных и индивидуальных психологических особенностей.

Также нам хотелось бы актуализировать внимание на определении возрастного порога несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, которые допрашиваются с участием педагога или психолога. В частности, ранее упомянутая ч. 3 ст. 425 УПК РФ гласит, что участие педагога или психолога является обязательным только для несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых до достижения ими возраста шестнадцати лет, либо если лицо достигло установленного возраста, однако страдает какими-либо психическими расстройствами или отстающее в психическом развитии.

С нашей точки зрения, не совсем ясно, чем руководствовался законодатель, когда ограничил право здорового (с точки зрения психики и психологии) подростка старше шестнадцати на участие в его допросе психолога или педагога. Полагаем, что обязательность их участия должна распространяться на всех подростков до восемнадцати лет. Полагаем, введение данного изменения в действующее уголовное законодательство позволит более полномерно гарантировать процессуальную безопасность несовершеннолетних и соблюдение их законных прав и интересов. Помимо прочего, достижение подростком шестнадцати лет отнюдь не означает, что его поступки становятся более мотивированными, осознанными и пр., их психика все еще находится в динамическом, нестабильном состоянии, вследствие чего помощь психолога

или педагога будет действительно неопределимой. Кроме того, он может оказать содействие следователю или дознавателю в выборе наиболее оптимальной тактики допроса подозреваемого или обвиняемого несовершеннолетнего, что окажет позитивное влияние на расследование уголовного дела в целом.

Кроме вышеизложенного, в научной литературе неоднократно поднимался вопрос относительно участия педагога или психолога в допросе умственно отсталых подростков, а также тех, кому «свойственны ярко выраженные индивидуально-психологические особенности». Подавляющее большинство ученых вполне обоснованно говорят о том, что в таком случае должен приглашаться психолог. Однако, например А.Н. Попов говорит о том, что «в данном случае представляется обязательным участие врача-психиатра» [5, с. 226]. Аргументирует он свою позицию тем, что именно врач-психиатр является специалистом в сфере психических патологий и различных заболеваний данной категории.

Мы полностью солидарны с мнением ученого и полагаем, что в случае наличия умственного развития допрашиваемого несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, далеко не всегда психолог способен правильно и объективно определить специфику личности подростка, а педагог – и вовсе некомпетентен в данной ситуации. Мы считаем, что в этом случае в допросе должно быть обязательным участие врача-психиатра как лица, которое обладает определенной профессиональной компетенцией в данной области знаний.

Резюмируя вышеизложенное, мы можем констатировать, что на сегодняшний день вопрос относительно участия педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего или обвиняемого является одним из наиболее дискуссионных в науке уголовного процесса. Полагаем, что в целях устранения вышеуказанных и проанализированных проблем, необходимо изложить ч. 3 ст. 425 УПК РФ в следующей редакции: «В допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, участие педагога или психолога обязательно. В случае, если допрашиваемое несовершеннолетнее лицо страдает психическим расстройством или отстает в психическом развитии обязательно участие врача-психиатра».

Таким образом, в новом изложении статья предусматривает обязательное участие педагога и психолога во всех случаях допроса несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого до достижения им совершеннолетия, а также участия врача-психиатра при допросе несовершеннолетнего лица с психическими патологиями.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.11.2016) // Российская газета. – 2001. – 22 декабря.
2. Любичев С.Г. Особенности расследования преступлений несовершеннолетних на современном этапе // Российский следователь. 2015. № 4. С. 12-17.
3. Мамайчук И.И. Экспертиза личности в судебно-следственной практике. М.: Норма, 2013. 249 с.
4. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права и процесса. М.: Проспект, 2014. 268 с.
5. Попов А.Н. Производство по делам о преступлениях несовершеннолетних. М.: Юстицинформ, 2013. 423 с.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ОТ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ

Карабутов А.А.

студент 4 курса Юридического института,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Лукьянчикова Е.Ф.

доцент кафедры уголовного права и процесса, к.ю.н.,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

В статье представлен анализ некоторых проблемных аспектов, посвященных реализации уголовно-правовых средств, направленных на обеспечение безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. Представлены предложения по устранению выявленных проблем в уголовном законодательстве.

Ключевые слова: уголовно-правовая охрана, безопасность, уголовное судопроизводство, преступление.

Эффективное функционирование демократического правового государства, коим является Российская Федерация, возможно только при условии качественной и бесперебойной работы правоохранительных органов и судебной системы.

В нашей стране ежегодно примерно 10 млн. человек выступают в качестве потерпевших и свидетелей в уголовном судопроизводстве, причем каждый пятый из них получает угрозы с требованием изменить показания или вовсе отказаться от них. Нередко потерпевшие под угрозой расправы не обращаются в правоохранительные органы с заявлением о совершенном в отношении них преступном посягательстве. Также очень часто подобные угрозы поступают сотрудникам правоохранительных органов, например, с требованием прекратить уголовное дело или вынести необходимое решение. Таким образом, жизнь, здоровье, имущественное благосостояние всех участников уголовного судопроизводства в той или иной степени находится «под прицелом» преступников, которые пытаются оказать на них давление путем применения насилия или угроз его применения.

Обеспечение безопасности участника уголовного судопроизводства – это приоритетная цель и прямая обязанность государства, однако институт защиты в нашем государстве относительно молод и все еще находится в стадии своего активного формирования и становления.

Продемонстрировать глубину проблемы можно обратившись к статистическим данным. Так, например, проводимый А.Ю. Епихиным в 2014 г. опрос осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, показал

следующие результаты: 11,5% всех заключенных сказали, что считают вполне приемлемым убийство нежелательного свидетеля и готовы пойти на такой шаг; 6,5% респондентов высказали аналогичное мнение, но в отношении следователя [3, с. 27]. Что нам дает эта статистика? Уверенность в том, что ни одна гарантия, закрепленная в законе, не является препятствием для лица, стремящегося обезопасить себя посредством совершения преступления в отношении участника уголовного судопроизводства.

Отметим, что в системе гарантирования безопасности участников уголовного судопроизводства, именно правоохранительные органы являются главным ее гарантом, следовательно, они должны обладать высокой степенью надежности, что на практике действительности не соответствует. Проблема заключается в том, что правоохранительные органы, убеждая свидетеля в том, что ему ничто не угрожает, сами понимают, что они не могут обеспечить защитой на том уровне, на котором дают данное обещание [4, с. 95].

Весьма интересную статистику приводит Ю.И. Плахотнюк, которым был проведен опрос в целях выявления степени доверия граждан правоохранительным органам. По его результатам 60% лиц, ставших жертвами преступления, предпочли не обращаться в соответствующие органы, так как абсолютно уверены в том, что не получают от них защиты. Около 15% меняли свои показания в суде из-за поступивших угроз, а 8% не явились в суд вообще [5, с. 106].

Изложенное обуславливает насущный интерес к проблеме обеспечения гарантий безопасности участников уголовного процесса. Не вдаваясь в дискуссию относительно смыслового содержания категории «гарантии безопасности участника уголовного судопроизводства», за основу возьмем следующее определение. Гарантии безопасности участника уголовного судопроизводства – это совокупность правовых средств, предоставляющих участникам уголовного судопроизводства пользоваться своим правом на создание для них состояния защищенности от внешних посягательств.

Ряд правоведов к числу анализируемых гарантий относят закрепленные в УК РФ нормы, в частности, ст.ст. 295, 296, 302, 309 и 311. Однако, в их содержании имеется ряд недостатков, которые не позволяют говорить о высоком уровне гарантированности безопасности. Приведенная статистика показывает, что для некоторых лиц угроза наступления серьезной уголовной ответственности за посягательство на жизнь участника уголовного судопроизводства не является достаточным основанием для отказа от реализации преступного замысла. Ярким примером служит ст. 295 УК РФ, в диспозиции которой содержится обширный перечень участников, которые могут быть признаны потерпевшими от данного преступного посягательства: судья, присяжный заседатель (или иное лицо, участвующее в отправлении правосудия), прокурор, следователь, дознаватель, защитник, эксперт, специалист, судебный пристав, судебный исполнитель, а также их близкие родственники [1]. При этом в статье не содержится таких важных фигур как свидетель, потер-

певший, заявитель, хотя именно безопасность указанных лиц чаще всего находится под наибольшей угрозой. Законодатель даже не учитывает то факт, что из всех перечисленных лиц, именно свидетель обладает информацией, нередко имеющей решающее значение для расследования уголовного дела, а, значит, обеспечение его безопасности находится в приоритете. Таким образом, ст. 295 УК РФ не может рассматриваться как эффективная гарантия безопасности участников уголовного судопроизводства.

Весьма интересной в данном аспекте является позиция зарубежного законодателя. Так, например, п. 5 ст. 221.4 Уголовного кодекса Франции «убийство свидетеля или потерпевшего, которое совершено в целях предотвращения сообщения ими фактов, подачи жалобы или дачи показаний в суде, наказывается так же, как и убийство магистрата, судьи или любого лица из системы правосудия ... то есть пожизненным заключением» [2]. Таким образом, французский законодатель не только защищает участников производства до возбуждения уголовного дела и после завершения расследования, но и устанавливает наивысшую и безальтернативную меру наказания за совершение указанного преступления.

Мы считаем, что это весьма оптимальный способ обеспечения защиты участника уголовного процесса, и отечественному законодателю было бы разумно «взять на вооружение» опыт зарубежных коллег. Введение подобной нормы в российском законодательстве стало бы одной из наиболее действенных гарантий обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Подводя итог изложенному, отметим, что перед российским законодателем следует ставить вопрос об установлении перечня лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве и нуждающихся в обеспечении их участия гарантиями безопасности, способного охватить всех субъектов. Считаем, что введение в ст. 295 УК РФ такой абстрактной категории как «участник судопроизводства» могло бы обезопасить потерпевшего, заявителя, очевидца и иных лиц, вовлекаемых в производство по уголовному делу.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Российская газета. – 1996, 18 июня.
2. Уголовный кодекс Франции [Электронный ресурс] // Криминальное право: сайт. URL: <http://crimpravo.ru/>
3. Елихин А.Ю. Институт безопасности участников уголовного процесса // Проблемы права. 2013. № 5. С. 25-29.
4. Замылин Е.И. Обеспечение безопасности в уголовном судопроизводстве // Юриспруденция. 2012. № 1. С. 92-97.
5. Плахотнюк Ю.И. Проблемы, возникающие при обеспечении безопасности потерпевших и свидетелей в уголовном процессе // Право: теория и практика. 2013. № 2. С. 104-107.

ОРГАНИЗАЦИЯ МИКРОФИНАНСИРОВАНИЯ В РОССИИ: ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Карагушева А.А.

магистрант, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Россия, г. Саратов

Данная статья раскрывает ключевые особенности развития рынка микрофинансирования, его основные сегменты. Выделены основные факторы, препятствующие его развитию в России.

Ключевые слова: рынок микрофинансирования, микрокредитование, микрофинансовые организации.

Проблемы содействия экономическому росту и снижения дифференциации доходов различных групп граждан актуальны, как и для развивающихся, так и для развитых стран мира. Одним из условий успешного решения этих проблем является обеспечение равного доступа к финансовым услугам всех категорий граждан. Ведь в менее развитых странах ситуация зачастую носит более угрожающий характер: доступа к финансовым услугам не имеют целые регионы. Усилия в деле преодоления закрытости финансового рынка для широких слоев населения направлены на создание необходимой инфраструктуры, которой все чаще становятся микрофинансовые организации.

Вопросу правового регулирования микрофинансовых организаций (далее МФО) сегодня уделяется широкое внимание. Можно сказать, что для Российской Федерации самообразование МФО является достаточно новым явлением, которое берет свое начало в 90-х годах, хотя и получает законодательное оформление только с 2010 года. Но не стоит забывать и об экономическом аспекте рассматриваемой проблематики, так как к способам непосредственного регулирования относится законодательство, образующее правовую среду микрофинансовых организаций (МФО), и финансовые инструменты (налоги, бюджетный кредит, трансферты) [3, с. 131-138].

Несмотря на то, что мировая история современного микрофинансирования насчитывает уже четыре десятилетия, а масштабы индустрии измеряются сотнями миллионов клиентов, в России этот сегмент финансового рынка только вступил в период своего интенсивного роста. По оценкам Национального агентства финансовых исследований (НАФИ), доля граждан, не имеющих доступа к стандартным банковским продуктам, составляет более 25 % взрослого населения страны.

Для начинающих предпринимателей ситуация выглядит еще острее – проблема недостаточности стартового капитала в силу низкого уровня накоплений граждан остается одной из главных нерешенных задач, сдерживающих развитие малого бизнеса [2, с. 50-52]. Особенно значима проблема недофинансирования для малых городов и сельской местности, где проникновение финансовых институтов сопряжено с необходимостью сокращения

их издержек при сохранении достаточной эффективности. В связи с этим развитие микрофинансирования имеет большое значение для решения широкого спектра социально-экономических задач.

Микрофинансирование в России играет важную роль в современной экономике и общественном развитии, содействуя развитию малого бизнеса и повышению уровня жизни малообеспеченного населения. Задачи микрофинансирования – это задачи построения сильной и устойчивой социально ориентированной финансовой системы, в которой каждый предприниматель и каждый гражданин может получить для развития необходимые финансовые ресурсы. Рынок микрофинансирования в России начал свой активный рост с 2010 года, как было уже отмечено ранее, после принятия Федерального закона N 151 – ФЗ «О микрофинансовой деятельности микрофинансовых организаций» [5]. Этот закон стал первым шагом к урегулированию стихийно растущего рынка микрофинансирования, призванного заполнить нишу по возможностям кредитования для физических лиц и малого бизнеса, оказавшегося вне пределов интересов коммерческих банков. По итогам 2015 года рынок микрофинансирования продолжил свой бурный рост, и продолжает расти. Рынок далек от насыщения, игроки активно развиваются, и пока лишь некоторые обладают значительными конкурентными преимуществами (например, ООО «Домашние деньги» Евгения Бернштама, успешно использовавшие свои возможности по привлечению инвестиций и удерживанию лидирующих позиций в своем сегменте). Проанализировать динамику количества МФО в государственном реестре можно на рисунке 1.

Динамика количества МФО в государственном реестре

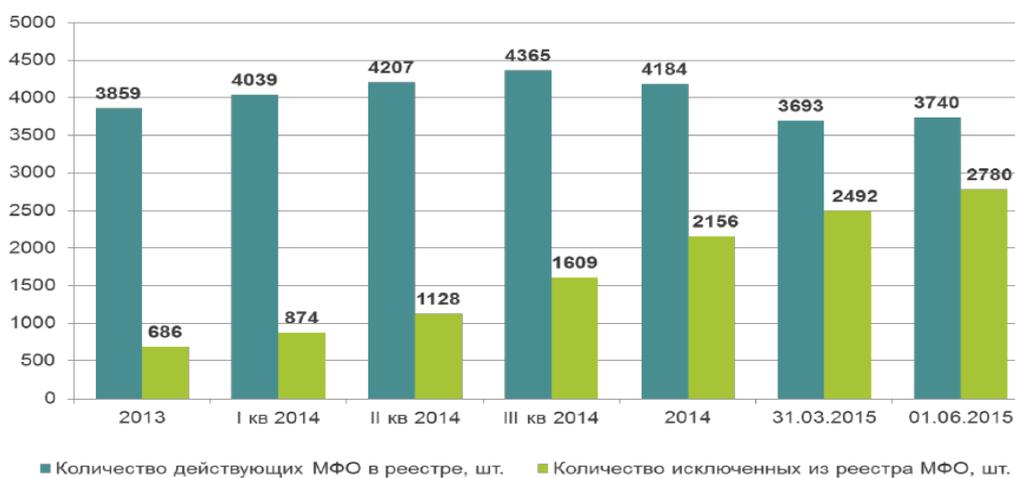

Рис. 1. Динамика количества МФО в государственном реестре

Рынок микрофинансирования можно разделить на 3 основных сегмента, различающихся как по целевой аудитории, так и по объемам, срокам и эффективным ставкам – это кредиты до зарплаты, потребительские займы для физических лиц, и микрозаймы для малого и среднего бизнеса. Общее описание каждого из сегментов представлено на рисунке 2.

Краткий обзор сегментов рынка микрофинансирования в РФ

Сегмент 1. Микрозаймы «до зарплаты» (PDL)	Сегмент 2. Другие потребительские микрозаймы (Installments)	Сегмент 3. Микрозаймы малому и среднему бизнесу (SME)
Объем сегмента млрд. рублей: 7	Объем сегмента млрд. рублей: 26	Объем сегмента млрд. рублей: 20
Доля сегмента: 14%	Доля сегмента: 49%	Доля сегмента: 38%
Рост сегмента, %, 2012-2015: 57%	Рост сегмента, %, 2012-2015: 47%	Рост сегмента, %, 2012-2015: 29%
Задолженность 30 дней: 55%	Задолженность 30 дней: 37%	Задолженность 30 дней: 16%
Прибыльность: 1-4%	Прибыльность: 3-6%	Прибыльность: 5-8%
Доля 5 ведущих компаний: 58%	Доля 5 ведущих компаний: 35%	Доля 5 ведущих компаний: 21%
Ведущие компании: 	Ведущие компании: 	Ведущие компании:

Источник: рейтинговое агентство «Эксперт РА», Roem.ru, Fingooroo, p2pmoney.co.uk, The Economist, Вдолг.ру

Рис. 2. Краткий обзор сегментов рынка микрофинансирования в РФ

Появление и развитие рынка микрофинансирования, безусловно, можно рассматривать как положительное явление в российской экономике. Тем не менее, можно выделить ряд факторов, препятствующих его развитию в России.

Важнейшей проблемой отрасли является неразвитость нормативно-правового регулирования. Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» лишь заложил основу правового поля микрокредита. По-прежнему необходимо снижать существующие законодательные барьеры, препятствующие эффективной деятельности МФО. Необходимо также завершить процесс формирования достаточной нормативной базы функционирования МФО в виде подзаконных актов Минфина России. Одной из веских причин, по которой необходимо пересматривать нормативную базу обеспечения деятельности МФО, является неполное определение сущности микрофинансовой деятельности и ее роли в отечественной кредитной системе, включая договорно-правовые аспекты, учитывающие специфику различных категорий микрофинансовых институтов. До сих пор открытыми остаются вопросы по определению связи «Банк – МФО», единых стандартов классификации активов МФО, отсутствию стандартов реструктуризации и рефинансирования займов МФО, отсутствию требований об обязательной аудиторской проверке МФО и унифицированных форм отчетности [1, с. 820-823]. Не так давно был принят ожидаемый Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка и о внесении изменений в статьи 2 и 6 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Это означает, что в случае членства МФО в рядах саморегулирующихся организаций, будут выдвинуты единые стандарты ведения деятельности. Это в свою очередь позволит наладить связь и создать единую площадку для взаимодействия микрофинансовых организаций и ЦБ РФ, который как мегарегулятор сможет отдать часть функций на уровень участников рынка. Стоит добавить, что на данном этапе крайне важна выра-

ботка мер по стимулированию микрофинансового сектора экономики. В первую очередь это относится к мерам поддержки тех МФО, которые показывают положительную динамику, открытость своей деятельности и соблюдение нормативно-правовых установок. Подобное закрепление положительными мерами в лице государства позволит обеспечить не только дополнительные механизмы контроля над МФО, но и облегчить понимание самими руководителями организаций в необходимости создания благоприятного образа у потребителей.

Другая проблема – нехватка и дороговизна финансовых ресурсов для деятельности самих МФО. В настоящее время МФО не в состоянии в полной мере удовлетворить спрос на финансовые услуги, в том числе по причине низкой ресурсной базы. Самостоятельно МФО могут решить данную задачу за счет увеличения тарифов на оказываемые услуги, что негативно скажется на доступности их услуг и в результате будет препятствовать решению задачи расширения спектра предоставляемых потенциальным клиентам финансовых услуг. На данный момент микрокредитные организации имеют возможность получить финансовые ресурсы через ОАО «МСП Банк». Однако МФО могут прибегать и к другим инструментам фондирования, таким как кредиты международных институтов развития и целевых благотворительных фондов. Такой вид фондирования активно используется африканскими и азиатскими МФО, для России он нехарактерен. Помимо этого, МФО могут прибегать к размещению облигаций на рынке ценных бумаг [4].

Еще одна немаловажная проблема – это доступ на рынок недобросовестных компаний. Для решения данных проблем рассматривается необходимость установления минимального размера уставного капитала, отказ от упрощенной системы налогообложения и проведение обязательного ежегодного аудита МФО по российским и западным стандартам. Также ЦБ предполагает разделить рынок МФО на два типа – компании, работающие с физическими лицами и компании, которые будут работать преимущественно с малым бизнесом. По мнению экспертов ЦБ, это может привести к увеличению доли микрозаймов для малого бизнеса. Недобросовестная деятельность некоторых МФО препятствует распространению финансовых услуг среди населения. Так, граждане, имеющие негативный опыт взаимодействия с финансовыми институтами вообще и с МФО в частности, отказываются от дальнейшего использования их финансовых услуг.

Таким образом, существующие сегодня в России организации, предоставляющие микрофинансовые услуги, должны идти по пути увеличения числа клиентов и повышения собственной прибыльности, предоставления кредитов на условиях, соответствующих рыночным. Только в этом случае рынок микрофинансирования получит должное развитие и в нашей стране, его потенциал будет полностью раскрыт и использован.

Список литературы

1. Моджина Н. В., Семёнова Е. Г. Правовые аспекты регулирования деятельности микрофинансовых организаций // Молодой ученый. – 2016. – №1. – С. 820-823.

2. Ромашкин Т.В. Взаимодействие власти и бизнеса как необходимое условие развития кредитования. Современные исследования экономических проблем: российский и зарубежный опыт. Сборник научных трудов. Выпуск №1(часть 2). Москва: Изд. НИЦ «ИНТЕЛ+». 2016. – С. 50-52 с.

3. Сагымбаева А. М. Некоторые аспекты государственного регулирования и поддержки микрофинансовых организаций // Наука вчера, сегодня, завтра: сб. ст. по матер. XXXV междунар. науч.-практ. конф. № 6(28). – Новосибирск: СибАК, 2016. – С. 131-138.

4. Условия предоставления микрокредитов в банке «Compartamos» // Информационный портал Compartamos Banco. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.compartamos.com.mx/wps/portal/Banco/Inicio>

5. Федеральный закон от 02.07.2010 N 151-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // Справочно-правовая система Консультант Плюс.

ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кардашова И.Б.

профессор кафедры административного и финансового права, д-р юрид. наук,
профессор, Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России), Россия, г. Москва

В статье рассматривается роль правовых мер в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации. Реализация государственной политики в сфере национальной безопасности на основе адекватных правовых мер способствует защите национальных интересов.

Ключевые слова: национальная безопасность, государственная политика, система обеспечения национальной безопасности, правовые меры.

В настоящее время актуальным является исследование механизма обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, который этимологически отождествляется с понятием системы или устройства, определяющего порядок вида деятельности в определенной сфере [3, с. 352]. Поэтому механизм обеспечения национальной безопасности можно представить в виде системы, позволяющей преобразовать принятую государством стратегию в области обеспечения национальной безопасности в скоординированную деятельность государственных органов, общественных объединений и граждан на основе действующего законодательства.

В общей теории национальной безопасности применяется категория «система обеспечения национальной безопасности Российской Федерации»(далее – СОНБ).Определение СОНБ, а также порядок действий и меры по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации представлены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегии), являющейся стратегическим документом в области пла-

нирования развития СОНБ, разрабатываемой Советом Безопасности Российской Федерации и корректируемой каждые шесть лет [6]. СОНБ – это «совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов государственной власти и органов местного самоуправления и находящихся в их распоряжении инструментов» [4].

В Федеральном законе «О безопасности» (далее – законе) отмечается, что основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности, представляющей собой «совокупность скоординированных и объединенных единым замыслом политических, организационных, социально-экономических, военных, правовых, информационных, специальных и иных мер» [5], определяет Президент Российской Федерации. Реализацию государственной политики осуществляют федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления на основе Стратегии и иных концептуальных и доктринальных документов (Военной доктрины, Доктрины информационной безопасности и др.).

На наш взгляд, такое законодательное перечисление мер обеспечения национальной безопасности не отражает приоритетного значения правовых мер, поскольку именно они выступают основным элементом целостной системы правовых средств, включающей все институционные явления правовой действительности (субъективные права, юридические обязанности, юридическая ответственность, правовые ограничения и т.д.). Ядром системы правовых средств выступает правовая норма, определяющая модель правомерного поведения и являющаяся эффективнейшим инструментом решения задач в сфере обеспечения национальной безопасности.

Государство обеспечивает национальную безопасность путем защиты интересов основных объектов национальной безопасности: личности – ее прав и свобод; общества – его материальных и духовных ценностей; государства – его конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности. В соответствии с законом к субъектам обеспечения национальной безопасности (далее – субъектам) относятся федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, Совет Безопасности Российской Федерации. Однако недостатком такого перечисления субъектов является то, что не учитывается роль государственных органов, не входящих ни в одну из ветвей государственной власти (прокуратуры, Следственного комитета Российской Федерации, Центрального Банка и др.), а также общественных объединений и граждан. Вместе с тем, в п.5 ст. 2 закона одним из основных принципов обеспечения безопасности называется принцип «взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, других государственных органов с обще-

ственными объединениями, международными организациями и гражданами в целях обеспечения безопасности».

Разумеется, без правовых мер не может быть реализован механизм обеспечения национальной безопасности, т.к. их недооценка или ошибочное представление неизбежно приводит к нарушениям в реализации субъектами права, а, следовательно, в защите национальных интересов. Как справедливо отмечал С.С. Алексеев, главной чертой правовых средств является возможность их использования субъектами, которая характеризует глубокое взаимодействие с социальной деятельностью [1, с. 216-222].

Национальная безопасность обеспечивается как мерами государственного правового принуждения («силовыми») или угрозой их применения, так и гуманитарно-социальными, экономическими, политико-дипломатическими, профилактическими и другими мерами («несиловыми»). При этом преимущественное применение «несиловых» мер и адекватное ограничение «силовых» мер является важнейшим инструментом решения конфликтных ситуаций при обеспечении национальной безопасности.

В настоящее время среди угроз национальной безопасности обращает на себя внимание административная деликтность, характеризующаяся массовостью и разнообразием административных правонарушений, имеющих общую тенденцию не только к росту, но и создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба интересам личности, общества и государства. Поэтому в современных условиях возрастает роль мер административно-правового принуждения, используемых всеми субъектами как в целях предупреждения и пресечения административных проступков, так и наказания за них.

Таким образом, среди мер обеспечения национальной безопасности приоритетными являются правовые меры, выражающиеся в строгих юридических структурах, конструкциях и реализующиеся в могущественном потенциале права [2, с. 173].

Список литературы

1. Алексеев С.С. Теория права. – М.: Издательство БЕК, 1995. – 320 с.
2. Алексеев С.С. Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей / С.С.Алексеев. 2-е издание, перераб. и допол. – М.: Норма, 2009. – 176 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов, под ред. Шведовой Н.Ю. 23 изд., испр. -М., Русский язык, 1990. – 917 с.
4. Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.
5. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 3990-ФЗ «О безопасности» // Российская газета. 29 декабря 2010 г.
6. ФЗ от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Ст.18 // СЗ РФ. 2014 г. № 26 (часть I). Ст. 3378.

ПАРАМЕТРЫ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА РЕШЕНИЙ МИРОВЫХ СУДЕЙ РФ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Комбарова Е.Л.

доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики, канд. юрид. наук,
ЦФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»,
Россия, г. Воронеж

В статье анализируются критерии оценки качества судебных решений мировых судей в сфере уголовного судопроизводства. Формулируется вывод о необходимости учета различных параметров оценки судебных актов, характеризующих степень реализации целей суда как органа государственной власти; критериев, отражающих реализацию в судебных решениях доктрины верховенства права, принципа законности; исследование судебных решений с позиций соответствия категориям «обоснованность», «мотивированность» и «справедливость».

Ключевые слова: судебное решение, мировой судья, целеполагание судебной деятельности, законность, справедливость, обоснованность, мотивированность.

Качество какого-либо объекта, института – это его способность посредством определенной совокупности свойств и признаков объекта соответствовать своему назначению, реализовывать стоящие перед объектом цели.

Качество осуществления правосудия прежде всего ассоциируется с качеством *судебных решений*.

С каких же позиций надлежит анализировать качество судебного процессуального акта?

1. Прежде всего, необходимо помнить, что *судебное решение* является процессуальным актом органа судебной власти и *должно отражать степень реализации целей, стоящих перед судом как государственным органом, наделенным определенными функциями*.

Согласно ст.18 Конституции РФ смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления определяют права, свободы человека и гражданина и *обеспечиваются правосудием* [1].

Потому общими целями всех судов (в том числе и мировых судей) являются обеспечение, охрана и защита прав и законных интересов граждан, организаций, органов местного самоуправления, федеральных органов государственной власти, что должно найти безусловное отражение в постановляемых судебных решениях. Также, помимо защиты прав и свобод личности, судебные акты должны служить целям воспитания правосознания граждан, превенции преступлений.

Особо следует отметить специальную цель, стоящую именно перед институтом мировых судей.

Применение уголовной ответственности и наказания является наиболее распространенным и вероятным завершением уголовного процесса, однако это не всегда эффективный способ разрешения конкретного уголовно-правового конфликта, прежде всего, когда речь идет о деяниях небольшой

тяжести. Как справедливо отмечает А.Арутюнян, высокий уровень преступности в целом, значительное число преступлений небольшой и средней тяжести, в том числе совершенных несовершеннолетними, недостаточная защищенность интересов потерпевших, необходимость индивидуального подхода к каждому случаю совершения противоправного деяния, – эти и многие другие причины обуславливают потребность в выработке новых, современных и актуальных механизмов разрешения уголовно-правовых конфликтов с использованием компромиссных примирительных процедур [2, с. 2].

Особо актуальной является эта задача для института мировых судей, разрешающих дела о преступлениях небольшой тяжести.

2. Решение суда должно являться обоснованным и мотивированным.

Обоснованность судебного решения характеризует, во-первых, степень исследования фактических обстоятельств происшедшего события и заключается в требовании соответствия сформулированных в решении суда суждений установленным обстоятельствам дела. Во-вторых, категория «обоснованность» может включать в себя понятие «целесообразность» судебного решения, поскольку принятию судебного решения и его формулированию в соответствующем процессуальном акте сопутствует судебское усмотрение, обусловленное как принципом свободы оценки доказательств по внутреннему убеждению, так и значительным разнообразием видов и размеров наказания за преступление в рамках санкции одной статьи. В-третьих, можно трактовать категорию «обоснованность» судебного решения и в наиболее широком значении, включая в ее содержание, помимо вышеизложенных положений, также учет целеполагания и тактической обусловленности судебной деятельности.

Мотивированность же характеризует, прежде всего, степень аргументации мотивов, которыми руководствуется суд при формулировании выводов в рамках судебного решения.

3. Судебное решение должно являться правовым, законным и справедливым.

Мы не случайно разделяем понятия «правовое» и «законное» решение. Обратившись к анализу сущности права, основных концепций правопонимания, отметим, что в настоящее время все большее распространение получает интегральный подход к исследованию феномена права, в рамках которого синтезируются основные положения естественно-правовой и позитивистской концепций правопонимания и делается вывод о разграничении категорий «право» и «закон». Право олицетворяет в себе общечеловеческие ценности – равенство, свободу, справедливость, которые являются фундаментальными правовыми идеями, формирующими положения законов, однако не всегда находящими свое воплощение в санкционированных государством правовых нормах.

Соответственно, анализ качества судебных решений должен включать исследование характера и степени реализации в актах суда основополагающих фундаментальных идей права: равенства, свободы, справедливости, ориентированности правовых норм на защиту естественных прав граждан.

Такой параметр оценки качества судебного решения как *законность* включает в себя исследование судебных актов на предмет их соответствия принципам и положениям Конституции РФ, международным стандартам, закрепляющим и гарантирующим защиту основных неотчуждаемых прав и свобод личности, а также нормам отраслевых законов, регламентирующим материальные основания и процессуальный порядок рассмотрения судебных дел.

Степень законности судебного решения определяется посредством определения наличия (или отсутствия) оснований для его отмены или изменения, предусмотренных УПК РФ.

Также важнейшим параметром оценки качества судебного решения является его *справедливость*. Справедливость решения суда подразумевает: во-первых, необходимость учета в судебном решении частного и публичного интереса в их взаимодействии (*социальная справедливость*); во-вторых, должны иметь место соответствие вида и характера судебного решения (постановление о прекращении уголовного дела по различным основаниям, приговор и т.д.), а также соразмерность вида и размера наказания, назначаемого лицу, совершившему преступление обстоятельствам дела и характеристике личности совершившего уголовно наказуемое деяние лица (*юридическая справедливость*).

4. Судебное решение должно соответствовать *морально-нравственным, этическим воззрениям общества* в конкретный исторический период, поскольку процесс правоприменения осуществляется с большой степенью судебного усмотрения. Результаты правореализационной деятельности суда, формулируемые в судебном решении, также обусловлены высокой степенью усмотрения суда и потому должны оцениваться не только с точки зрения законности, обоснованности и т.д., но и с позиций морали и нравственности.

Список литературы

1. Конституция РФ: принята Всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ). URL: <http://www.consultant.ru>

2. Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2012.

ПРИМАТ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА НАД ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРАВОМ

Копылов П.А., Степанов С.И.

студенты 2 курса, Волгоградский государственный университет,
Россия, г. Волгоград

Научный руководитель – доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского государственного университета, к.ю.н. Абдрашитов В.М.

Данная статья рассматривает вопросы соотношения международного и внутригосударственного права. Особое внимание уделяется примату международного права над

национальным законодательством различных государств. Авторы выделяют две основные концепции: дуалистическую и монистическую.

Ключевые слова: примат, международное право, внутригосударственное право, национальное законодательство, дуалистическая, монистическая.

*«Международное право вместе с внутригосударственными право-
рядами, «которые находят в нем свое основание», образуют единую
систему правоупорядков – «универсальную систему всего права».*

Г. Кельзен (австрийский и американский юрист и философ)

Нормы международного права создаются государствами как основными субъектами в процессе разнообразного сотрудничества посредством обоюдного согласования воли и интересов, заключения договоров и совместной деятельности в рамках международных организаций. Параллельно существует и развивается внутригосударственное право, находящееся в тесной взаимосвязи с международным правом, что объясняется активным процессом глобализации, компьютеризации и интеграции современного общества. Проблема соотношения двух отраслей права, которая в данный момент порождает множество дискуссий в юридической науке, является основой для выделения двух противоположных концепций в теории международного права: монистической и дуалистической [1, с. 155-156]. Последняя основывается на разграничении международного и национального права и их неподчинённости одно другому. Представители дуалистической школы опираются на различия субъектов и источников права, а также объектов регулирования, исходя из параллельного существования двух самостоятельных независимых правовых систем [3, С. 44]. Именно дуалистическая теория нашла свое отражение в работах И.И. Лукашука, Е.Т. Усенко, Н.А. Ушакова, Г.И. Тункина и др.

На другой чаше весов – монистическая концепция, которой придерживались Дж.Д. Мозер, К. Бергбом, М. Венцель, Г. Кельзен, Ш. Руссо и др., разделившись на сторонников примата международного права и примата внутригосударственного права. Основной идеей данной концепции является соединение двух отраслей права в единую систему с верховенством одной над другой. Несмотря на преобладание идей дуализма в российской науке международного права, теория монизма, по нашему мнению, является более корректной в вопросе соотношения примата норм международного права над национальным законодательством и наоборот в современных условиях, в зависимости от правовой системы конкретного государства.

Так, Конституция Российской Федерации 1993 года закрепляет положение: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью её правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотрены законом, то применяются правила международного договора» [7, с. 5]. Из этого следует, что международные принципы, нормы и международные договоры, ратифицированные РФ, являются частью её правовой системы, а положения международного права имеют преимущественную силу в

случае расхождения с внутригосударственным правом, то есть при возникновении юридических коллизий [6]. Противоречивость данной проблемы состоит в том, что 14.07.2015 года Конституционный Суд Российской Федерации провозгласил постановление по делу о применимости решений ЕСПЧ на территории РФ [8], согласно которому решения Страсбургского Суда должны исполняться с учётом Конституции РФ, то есть с одобрения самого Конституционного Суда. Такое постановление объясняется внешнеполитической ситуацией и положением России на международной арене, в условиях которого государство вынуждено соответствующе реагировать на воздействие международного судебного органа, являющегося инструментом давления на Российскую Федерацию со стороны «европейских партнёров».

Данный нормативный акт Конституционного Суда РФ хоть и вступает в некую коллизию с положением Конституции РФ о примате норм международного права, всё же не нарушает основной закон, а является лишь вынужденной защитной реакцией – именно так будет целесообразно объяснить этот факт.

Примат норм международного права в российском законодательстве закреплён не только в Конституции, но и в иных нормативно-правовых актах, таких как Гражданский Кодекс РФ (п.2 Ст.7 «Если международным договором РФ установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены гражданским законодательством, применяются правила международного договора»), ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (п.2 Ст.5 «Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»), Уголовно-процессуальный Кодекс (Ст.1), Трудовой Кодекс (Ст.10), Жилищный Кодекс (Ст.9) и др.

Подтверждением нашему тезису о примате норм международного права над внутригосударственным правом служат такие страны, как: Федеративная Республика Германия ("Общие нормы международного права являются составной частью права Федерации"), Греция (Общепризнанные нормы международного права, а также международные договоры после их ратификации и вступления в силу «являются составной частью внутреннего греческого права»), Республика Болгария (ратифицированные, опубликованные и вступившие в силу международные договоры "являются частью внутреннего права страны"), в основных законах которых также закреплены идентичные положения, лежащие в основе преобладания концепции монизма [5, с. 142-145].

Взаимодействие систем международного и внутригосударственного права складывается из исторической объективности первичного влияния внутригосударственного права на международное в процессе формирования его норм и последующего влияния уже существующих норм международного права на дальнейшее развитие национального законодательства и в целом на состояние права в конкретной стране [1, с. 162]. С другой стороны, международное право оказывает подавляющее влияние на формирование и развитие важнейших принципов внешней политики, отношения личности и государства, основ судопроизводства. Безусловно, рецепция норм международ-

ного права имеет свой положительный эффект, но проблема состоит в сохранении самобытности национальной правовой системы каждого государства, в особенности стран, так называемого, «третьего мира» и развивающихся государств.

Дуалистическая концепция, конечно, позволяет шире рассматривать два взаимосвязанных феномена: международное право и внутригосударственное право с позиции различия их субъектов, объектов и предмета регулирования [4, с. 9]. Но так как наша точка зрения основывается на теории монизма, ярким представителем которой был Г. Кельзен, можем утверждать о правильности её применения современными государствами в нынешних условиях.

Список литературы

1. Бекашев, К.А. Международное публичное право [Текст]: учебник / Бекашев К.А. – М.: Проспект, 2009. – 1008 с.
2. Хохлов, В.А. Международное частное право [Текст]: учебник / В.А. Хохлов, Ю.А. Дорофеева. – М.: Инфра-М, 2013. – 528 с.
3. Мелков, Г.М. Международное право [Текст]: учебник / Г.М. Мелков, Л.П. Ануфриева. – М.: РИОР, 2011. – 720 с.
4. Ушаков, Н.А. Международное право [Текст]: учебник / Н.А. Ушаков – М.: Юристъ, 2000. – 304 с.
5. Игнатенко, Г.В. Международное право [Текст]: учебник / Г.В. Игнатенко. – М.: Норма, 2005. – 624 с.
6. Жадан, В.Н. Международное право в системе российского законодательства [Текст] / В.Н. Жадан // Армия и общество. – 2012. – №2.
7. Конституция Российской Федерации. М., 2015.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ ВЕДЕНИЯ И ПОЛНОМОЧИЙ МЕЖДУ ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Куликова Е.С.

магистрант кафедры государственного и административного права,
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет,
Россия, г. Саранск

В статье исследуется конституционный принцип разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами РФ, раскрывается договорной аспект разграничения полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами, проводится анализ ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». В работе рассматриваются проблемы в данной сфере и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: Конституция РФ, разграничение предметов ведения и полномочий, субъекты Российской Федерации, договор, федеральный закон.

Разграничение предметов ведения между Федерацией и ее субъектами является одним из фундаментальных принципов разделения государственной

власти между центром и составными частями в федеративном государстве [12, с. 228].

Согласно ч. 3 ст. 11 Конституции РФ разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и субъектов Федерации осуществляется Конституцией РФ, федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий. Таким образом, Конституция РФ устанавливает правовые формы разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

Статьи 71 и 72 Конституции РФ устанавливают предметы ведения Российской Федерации и предметы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов.

Частями 2 и 3 ст. 78 Конституции РФ предусмотрено, что органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации по соглашению с федеральными органами исполнительной власти могут передавать им осуществление части своих полномочий. Президент РФ и Правительство РФ обеспечивают в соответствии с Конституцией РФ осуществление полномочий федеральной государственной власти на всей территории Российской Федерации. Помимо этого, Президент РФ может использовать согласительные процедуры для разрешения разногласий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также между органами государственной власти субъектов Российской Федерации. В случае недостижения согласованного решения он может передать разрешение спора на рассмотрение соответствующего суда. Президент РФ вправе приостанавливать действие нормативных актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в случае противоречия этих актов Конституции РФ и федеральным законам, международным обязательствам Российской Федерации или нарушения прав и свобод человека и гражданина до решения этого вопроса соответствующим судом (ч. 1 ст. 85 Конституции РФ) [1].

Таким образом, данный принцип закреплен в Конституции РФ. Однако указанные конституционные нормы носят предельно общий характер и, соответственно, не гарантируют реализацию оптимальной модели разграничения компетенции.

В период с 1993-1999 гг. для реализации конституционных норм стала широко применяться договорная практика разграничения предметов ведения и полномочий посредством заключения соответствующих договоров и соглашений, некоторые положения которых, переработанные и измененные, легли в основу федеральных законов.

Заключение договора всегда предполагает согласование действий и их координацию по всем основополагающим вопросам. Путем заключения данных договоров решался целый комплекс вопросов, направленных на оптимизацию и гармонизацию взаимоотношений Федерации и ее субъектов [11, с. 19].

В договоре о разграничении полномочий устанавливается перечень полномочий федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъекта Российской Федерации, разграничение которых производится иначе, чем это установлено федеральными законами и законами субъекта РФ, определяются условия и порядок осуществления этих полномочий, конкретные права и обязанности сторон, срок действия договора о разграничении полномочий и порядок продления данного срока, а также основания и порядок досрочного расторжения договора о разграничении полномочий [10].

Отсюда следует, что ограничивается сама возможность заключения договора о разграничении предметов ведения и полномочий, а также устанавливается определенный предел регулирования федеративных отношений при заключении такого договора.

Работа по разработке соответствующих договоров велась не только на уровне конкретного субъекта, но и на федеральном уровне. Но данная практика оказалась неэффективной. Как справедливо отмечает Л.А. Тихомирова, поскольку не были разработаны общие принципы разграничения предметов ведения и полномочий, в каждом последующем заключенном договоре необоснованно менялось содержание предметов совместного ведения. В итоге договор становился своего рода политическим рычагом, используемым регионами для получения дополнительных полномочий. Ни один договор не получил должного оформления ни по форме, ни по содержанию и не подвергся всестороннему анализу с точки зрения конституционности и законности. Именно поэтому впоследствии их действие было прекращено [9].

В период действия первых договоров о разграничении предметов ведения и полномочий конституционная база оказалась недостаточной для обеспечения эффективности договорного процесса. Конституционный Суд РФ активно восполнял конституционные пробелы в данной области.

Например, Постановление Конституционного Суда РФ от 9 января 1998 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Лесного кодекса РФ» [4]. По данному делу Суд постановил, что полномочия Российской Федерации и ее субъектов по осуществлению прав владения, пользования и распоряжения лесным фондом в области использования, охраны, защиты лесного фонда и воспроизводства лесов распределены на основе совместного ведения. Решения по вопросам, предусмотренным указанными статьями, принимаются органами государственной власти субъектов Российской Федерации или, по крайней мере, невозможны без согласования с ними. Полномочия Российской Федерации и ее субъектов по вопросам владения, пользования и распоряжения лесным фондом в области использования, охраны, защиты лесного фонда и воспроизводства лесов распределены и осуществляются как находящиеся в совместном ведении, чтобы при принятии соответствующих решений была возможность обеспечить учет и согласование интересов Российской Федерации и ее субъектов.

Базовым для всей федеративной реформы стал Федеральный закон № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представи-

тельных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Однако данный Закон оказался крайне несовершенен. Одной из основных претензий к нему стало несоответствие названия Закона содержащемуся в нем правовому регулированию. Другим существенным недостатком стала излишняя детализация правового регулирования. Наряду с этим перечень так называемых собственных полномочий субъектов РФ игнорируется федеральным законодателем.

Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ конкретизировал конституционные положения, обозначив следующие существенные моменты:

- во-первых, договоры о разграничении предметов ведения и полномочий должны заключаться в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами;

- во-вторых, общие принципы и порядок разграничения предметов ведения и полномочий путем заключения договоров о разграничении предметов ведения и полномочий и принятия федеральных законов устанавливаются указанным законом.

Также ФЗ №184-ФЗ (ст.3) предусматривает право субъектов РФ на опережающее законодательное регулирование в совместной сфере. Закон установил, что субъекты РФ могут в сфере совместного ведения принимать свои правовые акты по конкретным вопросам до принятия соответствующих федеральных законов. Однако если федеральный законодатель принял свой закон, то субъект РФ обязан привести свой акт в соответствие с федеральным законом в трехмесячный срок [3]. Например, данная норма содержится в статье 61 Конституции Республики Мордовия [2].

Первоначально такая возможность была подтверждена Конституционным Судом РФ. Например, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 30 ноября 1995 г. говорится о том, что в отсутствие соответствующего федерального закона по вопросам совместного ведения само по себе не препятствует Калининградской областной Думе принять собственный нормативный акт, что следует из смысла статей 72, 76 (часть 2) и 77 (часть 1) Конституции Российской Федерации и вытекает из природы совместной компетенции. Однако по предметам совместного ведения тот или иной вопрос должен быть решен в соответствии с главой 1 Конституции Российской Федерации, закрепляющей основы конституционного строя, другими положениями Конституции Российской Федерации и базирующейся на них системой федеральных правовых актов, в которых эти положения воспроизводятся и конкретизируются [5].

Другим фактом, заслуживающим внимания в данном федеральном законе, явилось детальное определение в нем основных элементов статуса субъекта Федерации и фактическое лишение субъектов Федерации приоритета в регулировании полномочий по собственным предметам ведения.

Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ определяет конкретный перечень полномочий органов государственной власти субъекта Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемым этими органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта (за исключением

субвенций из федерального бюджета) и виды объектов региональной собственности, подробно определяет систему органов государственной власти, экономическую, бюджетно-финансовую, социальную и организационную основы их деятельности. При этом практически оставляя без внимания собственные полномочия субъектов РФ.

Как справедливо отмечается И.А. Умновой, по уровню детализации данный Федеральный закон напоминает инструкцию, его содержание в определенной мере заменяет не только законы, но и регламенты органов государственной власти субъектов. В итоге субъекты РФ вынуждены повторять в конституциях, уставах и текущих законах положения Федерального закона № 184-ФЗ. Степень их самостоятельности в таких условиях сведена к минимуму [13, с. 50].

Российская схема разграничения предметов ведения и полномочий не имеет механизма определения полномочий субъектов в рамках совместного ведения России и субъектов и критериев пределов федерального регулирования.

Формула ст. 76 Конституции предоставляет ничем не ограниченные возможности для Федерации регламентировать сферы общественных отношений, указанные в ст. 72 Конституции, исчерпывающим образом, лишая субъектов РФ сколько-нибудь значимых законодательных прерогатив.

В качестве недостатка конституционного разграничения полномочий Федерации и ее субъектов Мусалова З.М. называет дублирование некоторых вопросов в перечне круга предметов ведения Российской Федерации и предметов совместного ведения. К примеру, в п. "в" ст. 71 Конституции РФ указано, что "регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина; регулирование и защита прав национальных меньшинств" относятся к предметам ведения Федерации, тогда как в п. "б" ст. 72 "защита прав и свобод человека; защита прав национальных меньшинств" отнесены к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Примером неточности формулировок может служить и упоминание в ст. 75 Конституции РФ об установлении общих принципов налогообложения в федеральном законе и отнесение этого полномочия к предметам совместного ведения в ст. 72 [8, с. 12].

По мнению Крылова Б.С., Теребилиной Т.А., было высказано мнение, что «федеральные законы, принимаемые по предметам совместного ведения, должны устанавливать лишь общие принципы регулируемых отношений, оставляя все конкретное законодательное регулирование органам государственной власти субъектов Федерации» [14, с. 17].

И.И. Шувалов считает, что при такой модели разграничения полномочий, когда субъект Федерации сам определяет объем расходов за счет своего бюджета, становится как никогда актуальной модель бюджета, ориентированного на результат. В обобщенном виде работа с таким бюджетом представляет собой следующую последовательность действий. Отправной точкой является определение приоритетов развития региона. Тем самым населению должно быть дано четкое и доступное объяснение, почему на решение того или иного вопроса тратится больше или меньше бюджетных средств. Для решения приоритетных задач органом государственной власти субъектов РФ

формируются целевые задания, предусматривающие определенный объем финансирования, а затем на основе межведомственных заданий определяются конкретные планы работы органов исполнительной власти [14, с. 18].

По мнению М.В. Глигич-Золотаревой, решение проблемы разграничения предметов ведения и полномочий в Российской Федерации – в четком конституционном закреплении оптимальной модели разграничения компетенции по образцу ФРГ, где полномочия Федерации определяются в зависимости от того, должны они быть урегулированы единообразно для всех земель или целесообразно оставить их регулирование землям в их собственную конституционную сферу, которое выполняло бы в том числе функции барьера на пути произвольного перераспределения финансовой ответственности [6, с. 223].

На мой взгляд, в современных российских условиях является необходимым законодательное закрепление ст. 73 Конституции неисчерпывающий перечень собственных полномочий субъектов РФ, так как «необходима гармонизация правоотношений между Федерацией и ее субъектами, а не максимальная централизация федеральной власти» [7, с. 93].

В противном случае продолжение тенденции концентрации властных полномочий у Федерации, "затягивание гаек" могут обернуться крахом федерализма, поскольку нарушают основу федеративного государства, за счет которой обеспечивается единство страны, – децентрализацию государственной власти на основе разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами [7, с. 93].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Конституция Республики Мордовия от 21 сентября 1995 г. (ред. от 22.12.2015). URL: <http://constitution.garant.ru>. (дата обращения: 26.12.2016).
3. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (ред. от 03.07.2016). URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 26.12.2016).
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 9 января 1998 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 25.12.2016).
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.1995 № 16-П «По делу о проверке конституционности статей 23 и 24 Временного положения об обеспечении деятельности депутатов Калининградской областной Думы, утвержденного Постановлением Калининградской областной Думы от 8 июля 1994 года». URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 25.12.2016).
6. Глигич-Золотарева М.В. Правовые основы федерализма. М.: Юрист, 2006. 422 с.
7. Какителашвили М.М. Некоторые проблемы современного российского федерализма // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 8. С. 89-93.
8. Мусалова З.М. Проблемы разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами: конституционный аспект // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 3. С. 9-13.

9. Тихомирова Л.А. Договорный порядок регулирования отношений Российской Федерации и ее субъектов по предметам ведения и полномочиям. URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 23.12.2016).

10. Тихомирова Л.А. Конституционные основы разграничения предметов ведения и полномочий Российской Федерации и ее субъектов в области охраны окружающей среды: научно-практическое исследование. URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 23.12.2016).

11. Тхабисимов Х.А. Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации как конституционный принцип российского федерализма // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 19-24.

12. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М.: Дело, 1998. 280 с.

13. Умнова И.А. Проблемы дефедерализации и перспективы оптимизации современной российской модели разграничения предметов ведения и полномочий в контексте доктрины субсидиарности // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2. С. 45-55.

14. Чистяков С.А. Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Федерации и органами государственной власти субъектов Федерации // 2005. №1 С. 17-21.

РОЛЬ АДВОКАТА ДОВЕРИТЕЛЯ В ПРОЦЕДУРЕ МЕДИАЦИИ

Лукьянчикова Е.Ф.

доцент кафедры уголовного права и процесса, к.ю.н.,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Титов А.Д.

студент 3 курса Юридического института, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет, Россия, г. Белгород

В статье рассматриваются преимущества альтернативных способов разрешения правовых споров. Медиация позволяет участникам спора принять приемлемое и жизнеспособное решение, направленное на деятельность в будущем. Результатом такого решения будет добровольное выполнение условий соглашения. В статье авторы раскрывают роль адвоката доверителя в урегулировании конфликта мирным путем.

Ключевые слова: адвокат, доверитель, досудебное урегулирование спора, медиация, мировое соглашение.

Медиация как альтернативный способ досудебного урегулирования правового спора между конфликтующими сторонами имеет глубокие исторические корни. Как правовой и социальный институт она зарекомендовала себя во многих развитых зарубежных государствах. Аллаhverдова О.В. рассматривает медиацию как форму разрешения конфликтов, которая представляет собой особый социально-психологический феномен [2, с. 151]. Современные тенденции в мире и потребности российской судебной практики дик-

туют необходимость развития новых усовершенствованных способов разрешения конфликтных ситуаций мирным путем.

Несмотря на то, что процедура медиации в соответствии с Федеральным законом о медиации действует в России достаточно давно, на практике она применяется достаточно редко. Противоречивое отношение к медиации среди ученых-юристов и практических работников обусловлено объективными и субъективными факторами, поэтому вряд ли можно говорить об успешной роли медиатора в процедуре урегулирования споров, хотя позитивные прецеденты на этот счет в практике медиаторов имеются. Считаем целесообразным активно развивать данный институт. Для этого потребуется целый комплекс мер со стороны государства. Заслуживает внимания инициативность судов общей юрисдикции и арбитражных судов в вопросах применения медиации, а также активность ученых по проблемам медиации в качестве темы для научных исследований [3, с. 63].

Среди факторов, тормозящих развитие института медиации, следует назвать, в том числе, негативное отношение к ней адвокатов, оказывающих юридическое сопровождение клиентов в суде. Нередко граждане, не являясь юридически подкованными в своей юридической проблеме, вынуждены обращаться к адвокатам за получением консультаций и юридическим сопровождением гражданского, арбитражного дела, настраиваясь на конкурентную борьбу. Обращаясь к юристу, клиент желает победы в суде любым способом. Зачастую клиент даже не рассматривает вопрос урегулирования спора путем заключения мирового соглашения. Настроенный воинственно доверитель встречает поддержку со стороны своего адвоката, который также считает делом профессиональной чести отстаивать позицию доверителя. Используя в суде прогнозирующий результат как отправную точку, адвокаты с трудом принимают решение начать примирительную процедуру. Это может быть связано с желанием вступить в конструктивный спор с процессуальным оппонентом, отстаивать свою позицию, доказать свою правоту, поскольку умение отстаивать интересы клиента в состязательном процессе является показателем профессионализма и успешности адвоката. Между тем, стремление и умение видеть истинные интересы и потребности клиента, а также желание помочь ему найти альтернативные пути решения проблемы и прийти в итоге к консенсусу с другой стороной, является не меньшим показателем профессионального мастерства адвоката. В этом случае в медиации не будет проигравшей стороны, а обе стороны будут выигравшие, так как их потребности и интересы будут в равной степени удовлетворены.

Учитывая тот факт, что граждане вступают в сложные и противоречивые правоотношения, охватываемые нормами различных отраслей права, без квалифицированной юридической помощи разрешить конфликт вряд ли удастся. Адвокат доверителя, зная более глубоко суть правового спора, позицию доверителя, его психологическое отношение к противоположной стороне, способен оказать помощь в выборе медиатора. Медиатор, оценивая информацию адвоката о характере правового спора и особенностях правоотношений, сможет выбрать правильные и действенные инструменты и методики

медиации, которые будут приемлемы для разрешения конкретного гражданского или арбитражного дела. Сотрудничество адвокатов и медиаторов является залогом успеха в разрешении правового конфликта, к сожалению, такая практика в деятельности адвокатов и медиаторов отсутствует.

Согласно ч.2 ст. 7 Кодекса профессиональной этики адвоката предупреждение судебных споров является составной частью оказываемой адвокатом юридической помощи, поэтому адвокат заботится об устранении всего, что препятствует мировому соглашению. В этой связи адвокату на первоначальном этапе работы с клиентом следует выявить истинные, скрытые мотивы и потребности. Так, например, подача в суд заявления о разводе может свидетельствовать о желании заявителя обратить на себя внимание супруга, заявления о выселении члена семьи из жилого помещения может являться способом выразить обиду, гнев, а иск о восстановлении на работе может быть обусловлен не стремлением вернуться к исполнению прежних должностных обязанностей, а желанием доказать свой профессионализм, компетентность, значимость и получить признание работодателем заслуг работника. Все эти потребности можно и следует удовлетворить в процедуре медиации, тем самым, исключить судебные тяжбы и сократить материальные затраты.

Подобные интересы не всегда удается выявить в ходе первой встречи, клиент не всегда желает раскрывать свои скрытые цели. Во время предварительной беседы у клиента может вызвать раздражение слишком активная роль адвоката в оценке межличностных отношений спорящих сторон, поскольку доверитель обратился за юридической, а не психологической помощью. Поэтому адвокат должен быть предельно деликатен в этом вопросе, а знание основ психологии и конфликтологии должно стать неотъемлемой частью его правовой культуры и способствовать правильной организации работы с клиентом.

Выявление интересов клиента является ключевым фактором, определяющим дальнейшее его поведение. Следует прозондировать содержательные интересы, чтобы узнать приоритеты клиента, выявить, что для него важно. На практике все гораздо сложнее, зачастую сам доверитель может их не осознавать. «Позиция – это то, что вы решили. Интересы – причина этого решения. Позиция, как правило, выражается конкретно и прямо; интересы, лежащие в ее основе, обычно не выражаются открыто, они неосознаны и часто непоследовательны» [4, с. 41]. Адвокату зачастую сложно определить интересы клиента в силу профессиональных убеждений, опыта работы. «Доминирующие в обществе традиции правовой культуры, юридического образования, состязательного судебного процесса, способов компенсации нанесенного ущерба – все это сужает наш взгляд и делает нечувствительными по отношению к истинным интересам человека» [1, с. 157]. Только при выявлении истинных интересов доверителя адвокат сможет выявить его потребности, например, в защите чести и достоинства, уважении и признании достижений и т.д.

Так, клиенту следует разъяснить, что он может быть заинтересован в процедуре, которая дает ему возможность установить контроль над принятием решения и предполагаемым итогом спора; обеспечивает переговоры, ка-

сающиеся не только правовых аспектов спора; способствует сохранению или возобновлению положительных взаимоотношений между сторонами; допускает применение творческих подходов к решению проблемы, не свойственных судебному разбирательству; обеспечивает жизнеспособное решение, экономит время и деньги, предотвращает необоснованные иски в будущем.

Адвокат в суде в отсутствие доверителя отстаивает позицию клиента, зачастую не зная истинных его интересов. Поэтому, как было отмечено выше, следует инициировать диалог клиента с противной стороной и хотя бы попытаться сориентировать его на мировой способ разрешения конфликта. Адвокату следует разъяснить все преимущества медиации и если клиент прислушался к разъяснениям адвоката, то последний приступает к этапу сопровождения клиента в процедуре медиации.

Список литературы

1. Абрамсон Г.Н. Сопровождение сторон в процедуре медиации. Руководство для адвокатов и консультирующих юристов. – М.: Изд-во ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2013. – С. 153.
2. Аллахвердова О.В. Медиация как социально психологический феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.6. – 2007. Вып. 2, Ч.1. – С. 151.
3. Минкина Н.И. Медиация в России: правовые основы становления и развития / Вестник Алтайской Академии экономики и права. Т.1. №32. – 2013. – С. 63.
4. Роджер Фишер и др. Путь к согласию или переговоры без поражения. 2-е изд., 1991. – С. 41.

К ВОПРОСУ О ВИКТИМНОСТИ УЧАСТНИКОВ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Майоров В.И.

профессор кафедры административного и финансового права,
д-р юрид. наук, профессор, Тюменский государственный университет,
Россия, г. Тюмень

Полякова С.В.

старший преподаватель кафедры управления и права, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет),
Россия, г. Челябинск

В статье рассматривается виктимное поведение участников дорожного движения и его последствия. Виктимность участника дорожного движения есть превращение их внутреннего состояния, реализуемое в тех или иных ситуациях посредством действий. Авторы отмечают, что тяжесть последствий ДТП являются своеобразным критерием, позволяющим делить все ДТП на две группы: административные правонарушения и автотранспортные преступления.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, участники дорожного движения, виктимность.

Безопасность дорожного движения правоведами-административистами традиционно исследуется как разновидность общественной безопасности.

«Процесс дорожного движения – определенное социальное явление, и человек, являясь его основным компонентом, главным участником этого явления, выступает в качестве водителя, пешехода и пассажира», так можно охарактеризовать социально-правовую основу безопасности дорожного движения [1, с. 37].

В федеральном законе «О безопасности дорожного движения» [7] под дорожно-транспортным происшествием (ДТП) предлагается понимать «событие, возникшее в процессе движения по дороге транспортного средства и с его участием, при котором погибли или ранены люди, повреждены транспортные средства, сооружения, грузы либо причинен иной материальный ущерб».

Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения в целом по Российской Федерации и по регионам подробно излагаются на сайте ГИБДД, на основе статистических, начиная с 2014 года, составляются аналитические отчеты, способствующие повышению эффективности деятельности МВД в области обеспечения безопасности дорожного движения. В течение последнего десятилетия на повышение качества безопасности в сфере дорожного движения активно направлена и государственная политика РФ, последовательно представленная двумя Федеральными целевыми программами (2006 – 2012 гг., 2013 – 2020 гг.), таким образом, «безопасность дорожного движения имеет для государства социально значимый характер и является одной из актуальных проблем правоохранительной деятельности» [3, с. 85].

Однако существенного снижения ДТП в нашей стране не происходит и «в СМИ постоянно появляются сообщения о новых жертвах ДТП со смертельным исходом (водители не справляются с управлением и врезаются в людей на остановках городского транспорта; женщин с детьми сбивают на пешеходных переходах и т.п.) [5, с. 88]. Решению данной проблемы посвящены научные работы известных ученых административистов, например, Б.В. Россинский в аналитическом исследовании повышения/понижения ДТП за 45 лет, аргументировано приходит к одному из выводов: «колебания общего уровня аварийности на автомобильном транспорте определяются, очевидно более глобальными причинами, может быть, даже не относящимися к сфере дорожного движения, в частности связанными с экономической и политической ситуацией в стране, но скорее всего, – какими-то иными закономерностями» [6, с. 14-15)]. Одной из таких закономерностей на наш взгляд является высокий уровень виктимности участников дорожного движения и этому есть ряд подтверждений.

Виктимность (от лат. *victima* – жертва) – это склонность стать жертвой происшествия/преступления. Понятие виктимности широко употребляется в позитивистской, в том числе российской виктимологии. Один из основоположников позитивистской (интеракционистской), виктимологии, является Б. Мендельсон, который в своей в классической работе «Происхождение доктрины виктимологии» даёт определение понятия «виктимность», как аналога понятия «преступность»: если преступность – это состояние, факт или

свойство быть преступником, то виктимность – это состояние, факт или свойство быть жертвой. Некоторые авторы считают, что виктимность «находится в прямой зависимости от состояния преступности: чем более общество поражено преступностью, тем выше шанс любого индивида оказаться жертвой преступления». При таком подходе виктимность в сфере дорожного движения рассматривается в связи со статистикой ДТП.

Несомненно, что одним из значимых факторов, способствующих совершению ДТП, является виктимное поведение и на этой психологической основе определенные действия потерпевших (водителей, пассажиров, пешеходов). Виктимность участника дорожного движения есть превращение их внутреннего состояния, реализуемое в тех или иных ситуациях посредством действий, то есть в данном случае мы можем рассматривать комплекс социальных и психологических качеств, таких как: социальный статус, образование, социальные установки, уровень правосознания, общая направленность поведения и др.

Из существующих различных видов и форм поведения виктимное поведение, иногда называют «социальным заболеванием» и связывают его с различными формами антиобщественного поведения. Это поведение, при котором участник дорожного движения допускает различные отклонения от социальных норм, совершает проступки, ведет себя неосторожно и даже (в связи с этим) допускает правонарушения. Виктимное поведение жертв автотранспортных происшествий/преступлений – есть своеобразное «опасное поведение», не только для них самих, но и для других участников дорожного движения.

Следует так же отметить, что тяжесть последствий подобных событий являются своеобразным критерием, позволяющим делить все ДТП на две группы: административные правонарушения и автотранспортные преступления. Если попытаться определить границу между административным правонарушением (дорожно-транспортным происшествием) и автотранспортным преступлением, то она будет находиться между нарушением правил дорожного движения, повлекшем механическое повреждение транспортного средства, груза, дорожной инфраструктуры или причинение средней тяжести или легкого вреда здоровью человека, и нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшем причинение тяжкого вреда здоровью человека или летальный исход. Влияние виктимного поведения не всегда одинаково, все зависит от степени виктимности человека. Однако в любом случае этот фактор (виктимное поведение) должен быть включен в сферу защиты участников дорожного движения.

Анализ ДТП показывает, что в подавляющем количестве они совершаются лицами, многократно нарушающими ПДД и создающие аварийные ситуации. Из социально-психологических характеристик таких лиц выделяются следующие: это в основном мужчины, молодого или среднего возраста, с невысоким уровнем образования, без определенного рода занятий, холостяки или разведенные, злоупотребляющие алкоголем и др.

В данном контексте административные правонарушения в области дорожного движения, несомненно, обладают общественной опасностью. В соответствии с этим, необходимо усилить административный ресурс, так как он обладает не только функцией «наказания», но и «превенции»: «контроль и надзор в дорожном движении должны занимать важное место в общей проблематике обеспечения безопасности участников дорожного движения» [2, с. 99].

Вопросы снижения виктимности и повышения безопасности дорожного движения все более активно исследуются в различных сферах научного знания (психология, виктимология, право) и актуализируют дальнейшие научные разработки, так как «высокие темпы экономического развития требуют более эффективного функционирования системы обеспечения безопасности дорожного движения и более пристального внимания к «человеческому фактору» – поведению участников дорожного движения (правовое сознание, дисциплина, личная ответственность)» [4, с. 111].

Список литературы

1. Майоров В.И. Государственно-правовое обеспечение безопасности в сфере дорожного движения: теоретико-прикладные проблемы: монография. – Челябинск: ГОУ ВПО ЧОИ МВД России, 2008. – 223 с.
2. Майоров В.И. Контроль и надзор в сфере дорожного движения // вестник Уральского института экономики, управления и права. 2015. №2. С. 99-109.
3. Майоров В. И. Правовой режим в сфере безопасности дорожного движения // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 22. С. 85-89.
4. Полякова С.В. «Безопасность дорожного движения»: истоки, история, реальность // Проблемы права. 2013. № 2 (40). С. 109-112.
5. Полякова С.В. Стратегические приоритеты обеспечения безопасности участников дорожного движения // Правопорядок: история, теория, право. 2015. № 1. С. 85-89.
6. Россинский Б.В. Административные наказания в сфере дорожного движения и аварийность на автомобильном транспорте // Административное право и процесс. 2014. № 5. С. 8-17.
7. Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» (с изм. от 03.07.2016) // СЗ РФ. – 1995. – N 50. – Ст. 4873.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ

Перепечкина Е.Г.

магистрант, Астраханский государственный университет,
Россия, г. Астрахань

В статье освещаются некоторые аспекты периодизации уголовного права в период Древнерусского государства. Автор статьи приводит и анализирует идеи представителей отечественной историко-правовой науки об основных этапах в развитии древнерусского уголовного права.

Ключевые слова: Русская правда, уголовное право, древнерусское государство, уголовное право Древней Руси.

Для историко-правовой науки важное значение имеют вопросы периодизации, состоящие в установлении хронологически последовательных этапов в развитии тех или иных государственно-правовых институтов. История возникновения и развития уголовного права рассматривается в контексте возникновения и развития права и государства в целом.

Российскими исследователями обобщен значительный по объему историко-правовой материал, связанный с периодами становления и последующего развития древнерусского права, в том числе уголовного.

Одним из первых хронологическую проблему обозначил И. Эверс, по мнению которого, развитие уголовного права связано, прежде всего, с качественными изменениями в системе наказаний, в частности, наказания за убийство и телесные повреждения [4, с.338.]. Эволюцию уголовного права Древнерусского государства он связывал с изменениями в системе наказаний по следующей траектории: неограниченная кровная месть – ее ограничение, введение выкупов денежных вознаграждений пострадавшему – появление уголовных наказаний.

Несколько иной подход обнаруживаем у Н.П. Загоскина, разделившего эпоху средневекового права на «эпоху частного воззрения на преступление и наказание» и «эпоху господства устрашительных наказаний с государственным воззрением на преступление и наказание» [2, с. 30].

Представитель дореволюционной юриспруденции М. Ф. Владимирский-Буданов в работе «Обзор истории русского права» представил генезис отечественного права, начиная с 10 века и выделил следующие этапы эволюции уголовного права: 1) эпоха до Русской Правды (до XI в.) как период господства «мести» и зарождения начал композиции; 2) время действия Русской Правды (XI-XIII вв.), как период «вымирания мести» и господства композиции; 3) эпоха судных грамот (XIV-XV вв.), когда «уголовные кары берут верх над выкупами» [1, с. 363].

В советский период продолжилась разработка проблемы периодизации государственно-правовой истории. Основоположник науки «история государства и права» С.В. Юшков, исследуя этапы формирования уголовного права, в основу периодизации положил мероприятия княжеской власти, которые были направлены на реформирование уголовно-правовой политики: 1) мероприятия кн. Владимира о замене взимания вир смертной казнью и вновь о возвращении к вирам; 2) осуществление кн. Ярославом шагов, направленных на дальнейшее ограничение мести; 3) мероприятия Ярославичей, которые были связаны с установлением ряда новых составов преступлений и утверждением феодального подхода к применению наказаний [6, с. 360-361]. Как отмечал С.В. Юшков, развитие права и отдельных институтов находится в органической связи и в прямой исторической обусловленности с материальными и общественными потребностями той или другой эпохи [5, с. 8].

Существующие подходы к периодизации древнерусского уголовного права обусловлены ролью формирующейся государственной властью в вопросе разрешения социальных конфликтов.

Основываясь на рассмотренных подходах к периодизации развития норм уголовного права в Русской правде, как и уголовного права Древней Руси, обозначим возможную периодизацию.

Первый этап связан с юридическим оформлением Русской правды Краткой редакцией (примерно XI в.). Она отражает древнерусское уголовное право периода становления феодальных отношений. Устанавливалась система наказаний за наиболее часто встречающиеся преступления; вводился ряд новых составов. Такие изменения были обусловлены переходом к феодальному типу государства. Краткая правда содержала нормы уголовного и судебного права, перечень охраняемых объектов недостаточно широк. Это первая ступень в развитии раннефеодального права.

Второй этап развития древнерусского уголовного права хронологически определен XII-XIII в. Правовые нормы, включенные в текст Пространной Правды, установлены в целях защиты уже оформившегося в достаточной степени правопорядка, направленного на охрану, прежде всего, интересов личности и собственности князя и его окружения. Формулирование юридических норм, их письменное закрепление и распространение в обществе исходили от действовавшей государственной власти, которая в процессе развития государственной и правовой жизни Руси законодательной деятельностью регулировала новые гражданские правоотношения, вносила изменения в уголовные правоотношения.

Третий этап развития древнерусского уголовного права приходится на XIV – начало XVII в. На этом этапе Русская правда содержала развернутую систему преступлений и соответствующих видов наказаний.

Правовая система отражает перемены, происходящие в государственной и общественной жизни [3, с. 213]. Становление и развитие древнерусского уголовного права обусловлено процессами государствообразования. Развитие российской правовой системы в целом, и уголовного права, в частности, происходило эволюционным путем.

Список литературы

1. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 800 с.
2. Загоскин, Н.П. Очерк истории смертной казни в России : Речь, чит. 5 ноября 1891 г., в торжеств. годич. собр. Имп. Казан. ун-та ординар. проф. Н.П. Загоскиным. Казань : тип. Имп. ун-та, 1892. – [2], 102, [1] с.
3. Шафигулина С.Р. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. Часть 2. №11 (61). С. 212-214.
4. Эверс И. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. Санкт-Петербург. Тип. Штаба Отд. корп. вн. Стражи. 1835 г. 442 с.
5. Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1949. 546 с.
6. Юшков С.В. История государства и права России (IX-XIX вв.). Ростов н/Д.: «Феникс», 2003. 736 с.

К ВОПРОСУ О РОЛИ АВТОТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Попов Е.А.

магистрант, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Россия, г. Иркутск

В данной статье рассмотрено понятие, цели и виды автотехнической экспертизы. Основное внимание уделено значению автотехнической экспертизы. На основании проведенного анализа значения автотехнической экспертизы, определено и обосновано, что само утверждение об эффективности расследования дорожно-транспортных преступлений находится в прямой зависимости от своевременного назначения автотехнической экспертизы, грамотности вопросов, поставленных перед экспертом, а с его стороны – от полноты и достоверности проведенного исследования.

Ключевые слова: автотехническая экспертиза, виды исследования автотехнической экспертизы, автотранспортные преступления.

Ежедневно в России происходят тысячи дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), в результате которых причиняется значительный материальный ущерб, вред здоровью, и, главное, жизни. ДТП – сложное явление. Ему всегда сопутствует значительное число разнообразных факторов, лишь небольшая часть которых действительно способствовала возникновению и развитию ДТП. Установить эти факторы, причины их появления, степень воздействий на ход происшествия и, наконец, все это соотнести с действиями лиц, участвовавших в ДТП, – задача весьма сложная.

Главный для следователя вопрос, который одновременно является сложным: «Какова в этом виновность конкретного водителя – участника ДТП?». Степень профессионализма следователя и привлеченных специалистов в расследовании ДТП играет весьма существенную роль. Обычно в таких ситуациях следователь прибегает к помощи экспертов-автотехников, которым ставится задача провести профессиональное исследование обстоятельств ДТП. Эксперты в своих изысканиях пользуются отработанными методиками, учитывающими специфику происшествия, всю совокупность имеющихся исходных данных по конкретному ДТП, информацию о особенностях транспортных средств и особые характеристические данные о водителях. В результате экспертного исследования должны быть получены ответы на все поставленные следователем вопросы.

В процессе экспертизы ДТП должен быть решен один из важнейших вопросов – соответствовали ли действия водителя данной дорожно-транспортной обстановке, то есть необходимо выявить, какими требованиями правил дорожного движения (далее – ПДД) водитель должен был руководствоваться и выполнил ли он их.

Установить эти обстоятельства путем допросов участников ДТП и очевидцев происшествия и следственными экспериментами не всегда возможно. Для детального исследования отдельных аспектов ДТП необходимо привле-

каль лиц, обладающих специальными познаниями в области автотехнической экспертизы. Поэтому при расследовании дел данной категории часто возникает потребность в экспертных исследованиях, которые во многом позволяют реконструировать происшествие, проследить его динамику, вскрыть механизм, а установленные экспертами факты способствуют успешному раскрытию ДТП.

Автотехническая экспертиза является одной из самых востребованных экспертиз, проводимых по делам, связанных с дорожно-транспортными происшествиями и неисправностями транспортных средств.

Автотехническая экспертиза (судебная) – род инженерно-транспортной экспертизы, предметом которого являются фактические данные о механизме и обстоятельствах дорожно-транспортных происшествий [8, с. 87].

Судебные и досудебные экспертизы проводятся с применением ГОСТов, технической литературы, постановлений Правительства РФ, Федеральных законов РФ, методических пособий и «Инструкций о производстве экспертиз» в экспертных учреждениях утвержденных, согласованных с Верховным судом, прокуратурой и министерством внутренних дел. Поэтому заключения экспертов – это доказательства, которые приобщаются к материалам гражданского или уголовного дела, и на основании заключения экспертов в большинстве случаев выносится решение судебного заседания.

В соответствии со ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹ (далее – Закон «О судебно-экспертной деятельности») эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме.

Независимая экспертиза требуется в случаях, когда один из участников ДТП привлекается к уголовной или административной ответственности. Процедура требуется для установления реального виновника аварии. В ходе исследования опрашиваются свидетели, изучаются протоколы, схемы ДТП и другие сопроводительные документы.

Помимо перечисленных задач, независимая экспертиза автомобиля проводится при возникновении сомнения в качестве проведенного ремонта или выполнения других работ, сопряженных с изменением конструкции автомобиля, например, установкой дополнительного оборудования. Некачественное выполнение ремонтных работ может послужить причиной аварийной ситуации на дороге, поэтому столь важно, как можно раньше установить данный факт.

Как видно, круг задач, которые решает судебная автотехническая экспертиза, весьма широк и не ограничивается решением вопросов, возникающих при дорожно-транспортных происшествиях. Ее проведение целесообразно, когда решение спора без привлечения специальных автотехнических

¹ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) // СЗ РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2291.

знаний затруднительно или невозможно, а величина материального ущерба или принципиальность пострадавшего не позволяют игнорировать данный спор.

Автотехническую экспертизу также называют автоэкспертизой, экспертизой ДТП, транспортной, дорожно-транспортной экспертизой, причем последнее наименование достаточно хорошо обосновано авторами некоторых научных работ [7, с. 5] и имеет полноценное право к применению в классификации судебных экспертиз, так как объектом исследования является не только автомобиль, но и дорога, дорожные конструкции, технические средства организации дорожного движения, а также действия водителя и других лиц, ответственных за безопасность дорожного движения.

Автотехнические экспертизы принято подразделять на виды, в зависимости от задач экспертизы, объектов и методик исследования:

- экспертиза обстоятельств ДТП;
- экспертиза технического состояния транспортного средства (далее – ТС);
- транспортно-трассологическая экспертиза (экспертиза следов на ТС и месте ДТП);
- экспертиза дорожных условий;
- автотовароведческая (оценка ТС) [4, с. 23].

Так как часто при возникновении тех или иных вопросов, связанных с дорожно-транспортными происшествиями, перед экспертом ставятся вопросы из разных видов автотехнических экспертиз, для предотвращения недопонимания и ошибок в названии экспертиз целесообразнее в определении и постановлении указывать не виды автотехнической экспертизы, а наименование рода «автотехническая экспертиза».

Задачи автотехнической экспертизы:

- установление причинно-следственной связи между неисправностью авто и произошедшей аварией;
- определение обстоятельств ДТП (скорость, с которой двигались участники аварии, тормозной путь, траектория передвижения и т. д.);
- анализ поведенческих факторов: была ли у водителя возможность избежать аварии, смог ли он соблюсти требования правил дорожного движения [6, с. 104-105].

Остальные задачи, которые ставятся перед экспертом, связаны с изучением технического состояния транспортного средства и исследованием дорожных условий.

Заключение основывается на документальных материалах, составленных после ДТП. В дальнейшем оно будет использоваться в качестве доказательства в суде. Поэтому эксперт несет за него ответственность.

Проведение экспертизы с целью получения заключения эксперта является одной из процессуальных форм использования достижений науки и техники при осуществлении производства по делам о дорожно-транспортных (автотранспортных) преступлениях. Процессуальный порядок назначения и производства судебной экспертизы регламентируется нормами Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации, а именно ст.ст. 195-207, 283 (далее – УПК РФ)¹.

Одним из важных вопросов, разрешаемых предварительным следствием, уголовным судопроизводством является вопрос о причинно-следственных связях. Общая причинная связь между действиями участников дорожного движения и наступившим ДТП устанавливается с помощью различных средств доказывания на основе оценки совокупности доказательств, в той числе и заключения эксперта по анализу ДТП о частных причинах и их следствиях, которые могут, например, привести транспортное средство к изменению направления движения, заносу, опрокидыванию и т. д. [11, с. 435].

При совершении ДТП могут иметь место и иные формы связи: функциональные, когда изменение одного из технических параметров ТС вызывает закономерное изменение другого или другие временные, обуславливающие их изменение через определенные промежутки времени, и т. д. При экспертизе ДТП анализируются все формы связей только с технической точки зрения и на этом основании делаются выводы [8, с. 89].

В компетенцию экспертов по анализу ДТП входит разрешение группы вопросов, связанных с установлением отдельных технических параметров дорожной обстановки и ее составляющих, необходимых для выполнения дальнейших исследований. К ним, в частности, относятся:

1. Определение фактических значений расчетных параметров, входящих в зависимость, с помощью которых выполняется инженерный анализ ДТП (коэффициентов сцепления, сопротивления качению и др.);

2. Установление траектории и времени движения транспортных средств в процессе ДТП, если это связано с действием сил или их моментов, возникающих при взаимодействии транспортного средства с дорогой или с другими транспортными средствами;

3. Выявление с места водителя условия обзорности и дальности видимости к моменту и во время ДТП;

4. Выявление обстоятельств дорожной обстановки и ее отдельных составляющих, которые лицо способствовали, либо могли способствовать возникновению или изменению характера ДТП [6, с. 105].

В круг вопросов, разрешаемых с помощью автотехнической экспертизы, входит исследование действий водителей по управлению транспортными средствами. Это означает определение правильности и последовательности применения ими приемов управления автомобилем (действия рычагами, педалями, кнопками, рулевым колесом) и выявление влияния этих приемов на направление, скорость движения и устойчивость транспортного средства. На основании такого исследования можно установить соответствие или несоответствие действий водителя дорожным условиям и фактическим параметрам обстановки и движения (скорости, возможности маневра и т. п.), то есть тех-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

ническую причинно-следственную связь, между действиями водителя и наступившим ДТП, не касаясь при этом правовой оценки действий водителя.

В результате проведения автотехнической экспертизы решается один из важнейших вопросов в расследовании ДТП – имел ли водитель техническую возможность предотвратить ДТП, при этом следствие или суд должны указать с учетом всех обстоятельств происшествия, когда возникла опасная обстановка для водителя, то есть при каком взаимном расположении участников ДТП водитель должен был приступить к действиям, предотвращающим происшествие (в частности, к торможению) и какими именно требованиями правил дорожного движения они предусмотрены?

Определение технической возможности предотвращения ДТП следует производить не только по исходным данным органов, назначивших автотехническую экспертизу, но и по данным, полученным экспертом расчетным путем.

В ряде случаев автотехническую экспертизу рекомендуется производить по нескольким вариантам, вытекающим из материалов дела, что позволяет следствию более обоснованно оценивать ситуацию.

Перед автотехнической экспертизой рекомендуется ставить вопросы о технической достоверности показаний тех или иных участников и очевидцев ДТП. Иногда они не соответствуют фактическим техническим данным, а следователь (судья), не являясь специалистом по техническим вопросам, зачастую не может оценить правильность подобных показаний [10, с. 53].

В настоящее время, следственная практика позволяет констатировать, что назначение и проведение автотехнической экспертизы, чаще всего, связано с рядом факторов, среди которых следующие.

Во-первых, отрицание обвиняемым вины в совершении преступления и оспаривание им обстоятельств ДТП (в 82% случаев).

Во-вторых, это различия в квалификации. Квалификация преступления по делам о преступлениях, квалифицируемых по части 1 статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (далее – УК РФ)¹, автотехническая экспертиза назначается в 28% случаев, по делам о преступлениях, квалифицируемых по части 2 статьи 264 УК РФ, – в 64%, а по делам о преступлениях, квалифицируемых по части 3 статьи 264 УК РФ, – в 100% случаев. В-третьих, объективная сложность выяснения механизма ДТП [7, с. 9].

Для разрешения подобных ситуаций, а главное, для установления истинного хода произошедших событий и необходим эксперт, обладающий узкоспециализированными знаниями в данной области. И хотя степень виновности и размер материального ущерба определяет суд, эксперт помогает установлению истины, дает ответы на ряд допущений и вопросов, а также воссоздает реальную картину случившегося ДТП.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

Так, с целью получения своевременного и полного доказательства по делу путем проведения экспертизы судья или должностное лицо, в производстве которых находится уголовное дело, должны назначить автотехническую экспертизу при наличии следующих обязательных условий:

- 1) потребности в использовании специальных познаний для установления новых обстоятельств по делу;
- 2) невозможности получения новых фактических данных по делу без проведения специального исследования в области судебной автотехники;
- 3) необходимости в целях успешного расследования дела закрепления полученных фактических данных в заключении эксперта как источнике доказательств.

Временные и материальные затраты на проведение автотехнической экспертизы оправдываются наличием только всей совокупности перечисленных условий.

Что касается самого производства автотехнической экспертизы, то она включает в себя проведение подготовительного, основного (исследовательского) и заключительного этапов.

На подготовительном этапе судья или должностное лицо, в производстве которых находится уголовное дело, принимают следующие решения: а) об определении предмета экспертизы и формулировании перечня вопросов, необходимых для разрешения с помощью автотехнической экспертизы; б) о сборе необходимых исходных данных; в) об определении момента назначения экспертизы; г) о выборе места проведения экспертного исследования; д) о выборе эксперта-автотехника.

В зависимости от вида ДТП и обстоятельств дела судья или должностное лицо, в производстве которых находится уголовное дело, должны поставить перед экспертом конкретные вопросы для разрешения. Для того чтобы правильно и грамотно сформулировать вопросы, требующие экспертного разрешения, необходимо иметь представление о возможностях автотехнической экспертизы, которые определяются прежде всего предметом экспертизы. Исходя из этого, установление вида и подвида автотехнической экспертизы, определение компетенции эксперта-автотехника имеют большое практическое значение, позволяя правильно представлять возможности автотехнической экспертизы и более четко формулировать вопросы, выносимые на экспертное исследование.

Необходимо отметить, что в компетенцию судебной автотехнической экспертизы входит решение только специальных технических вопросов. Стоит уточнить, что суды не вправе ставить перед экспертами правовые вопросы, решение которых относится исключительно к компетенции суда, например о степени виновности участника дорожного движения [9, с. 532].

В зависимости от вида автотехнической экспертизы судья или должностное лицо, в производстве которых находится уголовное дело, должны подготовить необходимые исходные данные для ее проведения и объекты экспертного исследования. Заслуживает внимание авторитетное мнение Н. А. Ягольницкого, который отмечает, что «для автотехнической эксперти-

зы вывод эксперта целиком зависит от того, какие данные (о скорости движения транспортных средств и пешеходов) представлены эксперту».

В связи с чем следует учитывать, что определяющими требованиями, предъявляемыми к исходным данным, являются их подлинность, пригодность и полнота. Объем и характер исходных данных зависят от вида автотехнической экспертизы, ее подвида и специфики, разрешаемых с ее помощью задач.

Перед назначением экспертизы в целях сокращения сроков судебных разбирательств рекомендуется убедиться в том, что в материалах дела имеются все необходимые данные. Вовремя произведенные запросы и предоставление эксперту всех необходимых материалов и объектов для проведения исследования поможет сократить сроки производства судебных автотехнических экспертиз, а значит и сроки рассмотрения судебных дел, связанных с дорожно-транспортными происшествиями.

Таким образом, результативность судебной автотехнической экспертизы во многом определяется качеством и полнотой предоставляемых эксперту материалов, к которым в первую очередь, относятся протоколы осмотров места ДТП, подробно иллюстрированные фототаблицами, чертежами и схемами. Кроме того, это могут быть сведения: о состоянии проезжей части дороги, ширине и типе покрытия, наличии тротуаров, обочин, кюветов, наличии и величине ям, выбоин, уклонов и прочее; о техническом состоянии и типе транспортного средства, его загруженности, координатах места ДТП, длине следов колес и их характере; о погодных условиях, видимости и обзорности дороги с места водителя; о применении водителем экстренного торможения и т.д.

Все эти данные предоставляются в тех случаях, когда они могут быть установлены следствием или судом без экспертного исследования.

На основании проведенного анализа значения автотехнической экспертизы, можно сказать, что само утверждение об эффективности расследования дорожно-транспортных преступлений находится в прямой зависимости от своевременного назначения автотехнической экспертизы, грамотности вопросов, поставленных перед экспертом, а с его стороны – от полноты и достоверности проведенного исследования.

Кроме того, можно сделать вывод о важности содержания вопросов, поставленных перед экспертами, суть которых сводится к получению достоверной информации в ходе экспертного исследования, которая необходима следствию или суду для правильного расследования свершившегося факта преступления. За исключением правовой составляющей по таким вопросам, решение которых относится исключительно к компетенции следствия или суда.

Результаты экспертизы являются лишь одним из доказательств и, так же как и остальные доказательства оцениваются с точки зрения их относимости, допустимости и достоверности. Автотехническая экспертиза в конечном итоге способствует принятию правильного и справедливого судебного решения.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

3. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) // СЗ РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2291.

4. Введение в профессиональную деятельность по расследованию и экспертизе ДТП: учебное пособие / под ред. А.Ю. Артемова. Воронеж: ВГЛТА, 2014. 99 с.

5. Бычков В.В. Назначение судебной экспертизы как право дознавателя и следователя // Российский следователь. 2014. № 5. С. 3-7.

6. Власова С.В. Проведение автотехнической экспертизы как способ получения доказательств по делам об автотранспортных преступлениях // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 2(15). С. 103-108.

7. Ефремов И.А. Судебная автотехническая экспертиза: ее производство, назначение дополнительной либо повторной экспертизы, ее оценка как доказательства // Транспортное право. 2011. № 4. С. 2-11.

8. Петрова И.А. Значение автотехнической экспертизы для квалификации преступного нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 2. С. 87-92.

9. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: учебник. 3-е изд., доп. М.: Норма, 2011. 736 с.

10. Судебная автотехническая экспертиза: Пособие для экспертов-автотехников, следователей, судей. Часть 2 / под ред. В.А. Иларионова. М.: ВНИИСЭ, 1980. 163 с.

11. Энциклопедия уголовного права. Т. 24 : Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта. / отв. ред. В.Б. Малинин. СПб. : Изд. проф. Малинина, 2014. 699 с.

АРКТИЧЕСКИЙ РЕГИОН В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Пузиков С.А., Мурадалиев В.А.

студенты 2 курса, Волгоградский государственный университет,
Россия, г. Волгоград

Научный руководитель – доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского государственного университета, к.ю.н. Абдрашитов В.М.

В статье рассматривается место Арктического региона в системе международной безопасности. Автор анализирует глобальные угрозы мировому сообществу, существующие в Арктике. Кроме того, рассматривается деятельность Арктического совета и Международной морской организации по обеспечению безопасности Арктики.

Ключевые слова: международная безопасность, Арктика, Арктический совет, Полярный кодекс.

Арктика стремительно становится точкой пересечения геостратегических и геополитических интересов ряда крупных игроков на мировой арене. Это связано с увеличением навигационного периода по Северному морскому пути, наращиванием военного присутствия арктическими государствами, ак-

тивным освоением минеральных и энергетических богатств Арктического региона. Количество государств, международных организаций и транснациональных корпораций, желающих оказывать влияние или уже вовлеченных в решение проблем Арктики, постоянно увеличивается. Указанные факторы неопровержимо свидетельствуют о постоянно возрастающей роли Арктики для системы международной безопасности [6].

Если обратиться к Уставу ООН, то понятие международной безопасности упоминается уже в ч. 1 ст. 1 указанного документа как цель существования ООН (поддержание международного мира и безопасности)¹. Как видно, Устав ООН связывает в одно целое две категории – мир и безопасность, иными словами, одно без другого невозможно. Как представляется, понятие «безопасность» выходит на международный уровень, когда речь идет о глобальных угрозах, которые опасны не только для одного, но для многих государств: экономический кризис, загрязнение окружающей среды, военные конфликты, терроризм и пр. Чтобы эффективно противодействовать данным угрозам, необходимо приложить усилия на международной арене. Не следует считать, что проблемы Арктики и необходимость обеспечения ее безопасности имеют сугубо региональное значение. Арктику можно назвать комплексным объектом безопасности, поскольку она включает в себя различные аспекты международной безопасности. Так, Арктика играет высокую биосферную роль в формировании климата Земли, поддержании экологического равновесия. Именно в Арктическом регионе формируются глобальные атмосферные процессы, а сам он является своеобразным фильтром для загрязненных потоков воздуха [7].

С открытием в Арктике месторождений полезных ископаемых существенно возрос коммерческий интерес к ней. В шельфе арктических морей имеются богатейшие запасы природных ресурсов, особое значение среди которых имеют углеводороды. По оценкам Геологической службы США, ресурсы Арктики могут содержать около 90 млрд. баррелей сырой нефти и 47 трлн. куб. м газа, что составляет соответственно 13 и 30% всех неразведанных технически извлекаемых запасов нефти и газа в мире [5].

Хорошо известны военно-стратегические характеристики Арктического региона, ведь через Арктику пролегают кратчайшие пути из Европы и Азии в Америку. Речь идет о Северо-Западном проходе (СЗП) и Северном морском пути (СМП), соединяющим Атлантический и Тихий океаны. В связи с этим, СССР (в дальнейшем – Россия) и НАТО стали использовать Арктику для размещения современных видов вооружений, включая ядерное, что выводит угрозу военного конфликта в регионе на глобальный уровень [2].

Значительный геополитический интерес представляет Арктика и для международного морского судоходства. Подсчитано, что использование

¹ Согласно Уставу Организации Объединенных Наций «ООН преследует цели: поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру...». URL: <http://www.un.org/ru/index.html> (дата обращения: 18.12.2016).

СМП, например, вместо существующих маршрутов через Суэцкий канал и Индийский океан, сокращает путь из Гамбурга в Шанхай более чем на 4 тыс. морских миль, экономит неделю пути и в среднем 650 тыс. долл. расходов на топливо для каждого судна при отсутствии рисков пиратских нападений [3].

Рост коммерческой привлекательности арктических судоходных маршрутов стал возможен вследствие того, что глобальное потепление в последние годы существенно сократило покрытые льдом территории. В результате СЗП и СМП стали более проходимыми. Кроме того, увеличилось время навигации по ним. При этом, как отмечается в исследовательской литературе, не только страны, расположенные на арктическом побережье, активно используют его для судоходства. В качестве довольно перспективного для себя направления рассматривают СМП азиатские государства, такие как Китай, Япония, Индия, Южная Корея и Сингапур, которые в мае 2013 г. стали странами-наблюдателями Арктического совета [1, с. 148].

Эти аспекты предполагают активное сотрудничество государств по обеспечению безопасности Арктики. Однако лишь недавно прибрежные государства начали принимать меры, необходимые для решения проблем Арктического региона, в рамках международных конференций и программ по защите окружающей среды. Такое положение обусловлено тем, что территория данного региона, в отличие от Антарктики, в значительной мере разделена между прибрежными государствами (исключительная экономическая зона, континентальный шельф) и именно поэтому не существует международно-правового акта, определяющего статус Арктического региона в целом.

Однако есть межправительственная организация, которая занимается обеспечением безопасности в Арктике – это созданный в 1996 году Арктический совет. Он состоит из России, Канады, США, Норвегии, Дании (из-за острова Гренландия), Финляндии, Исландии и Швеции. Уникальный характер деятельности Совета придает приглашение на все его заседания в качестве полноправных участников объединений коренных народов Арктики – это Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, Совет саамов, Международная ассоциация алеутов, Циркумполярная конференция инуитов, Международный совет гвичинов и Арктический совет атабасканов [8].

До недавнего времени деятельность Арктического совета носила консультативный и рекомендательный характер, основные вопросы, связанные с обеспечением безопасности в Арктическом регионе, решались путем двусторонних соглашений его участников. Однако в 2011 году произошел настоящий прорыв: было подписано Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике. Данное Соглашение – первый юридически обязывающий документ, подготовленный Советом.

Вопросы экологической безопасности Арктики решаются также в рамках международного сотрудничества под эгидой специализированного учреждения ООН – Международной морской организации (ИМО). Важным шагом в деятельности ИМО по решению проблем глобальной безопасности Арктики явилась разработка (начиная с 1998 г.) Международного кодекса

безопасности судов, осуществляющих плавание в полярных водах (Полярный кодекс), который был, наконец, принят в 2015 году и вступит в силу с 1 января 2017 года. Данный документ призван обеспечить безопасность судоходства и предотвратить загрязнение вследствие плавания судов в полярных водах. Во многих положениях Кодекса нашел свое отражение лед как серьезный фактор опасности для судов в полярных условиях [4].

В этой связи, Кодекс предписывает повышенные требования к конструкции судов, которые относятся к полярным классам, обучению экипажей, поисково-спасательным операциям. Кодекс обязателен к применению всеми государствами-участниками Международной конвенции по охране человеческой жизни на море 1974 года.

Вместе с тем, несмотря на такой позитивный сдвиг в деятельности по обеспечению безопасности Арктического региона, остаются неурегулированными вопросы предотвращения морских нефтяных загрязнений с морских надводных и подводных установок, а также подводных трубопроводов в Арктике. Наиболее активно освоение арктического шельфа ведет Норвегия. В свою очередь, Россия первой из всех приарктических государств приступила к освоению морских углеводородных ресурсов Арктики в покрытых льдом районах [9].

Климатические условия Севера, а также физико-химические свойства нефти и газа требуют иные технологии для добычи, которые должны отличаться от используемых в странах с теплым климатом. Так, технологии добычи сланцевых углеводородов, которые предлагаются к реализации в арктических условиях, требуют повышенный расход пресной воды, закачиваемой в недра. При этом загрязненная вода, оказываясь в водоносных слоях, разрушает водоносные горизонты [4, с. 609]. Соответственно, такая техника добычи углеводородов не должна применяться в Арктическом регионе.

Главным международным требованием в сфере предотвращения морских аварий в Арктике является то, что нефтяной транспорт на море должен быть ограничен танкерами с двойным корпусом. Однако исследователями с сожалением констатируется, что в настоящее время на восточном участке СМП это требование не выполняется [2, с. 27]. В связи с изложенным, представляется, что арктические государства в обязательном порядке должны осуществлять строгий контроль за данным требованием, чтобы обеспечить безопасность экосистемы Арктики от аварий.

Ряд требований относительно загрязнения морской среды, содержащихся в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., создает некую правовую базу для охраны и защиты морской среды Арктики. Однако довольно затруднительно напрямую использовать нормы Конвенции для обеспечения экологической безопасности в Арктике, поскольку в данном соглашении отсутствует эффективный институт ответственности за нарушение его норм. Отдельные государства (например, США), не являясь участниками данной конвенции, выступают против применения данных норм. Кроме того, многие предписания Конвенции имеют расплывчатые формулировки: «могут принимать», «по мере необходимости» и т.п.

Таким образом, необходимо принятие полноценного, юридически обязательного международного документа, который бы регулировал вопросы предотвращения загрязнения арктической морской среды вследствие увеличившейся добычи природных ресурсов, в т.ч. разливов нефти (поскольку Полярным кодексом озвученные вопросы не урегулированы). В данном документе должен быть четко прописан механизм ответственности государств и организаций, нарушивших его положения.

Список литературы

1. Гаврилов В.В. Правовой статус Северного морского пути Российской Федерации // Журнал российского права. – 2015. – № 2. – С. 147-157.
2. Кутафин Д.О. Некоторые особенности правового регулирования Северного морского пути // Международное публичное и частное право. – 2015. – № 1. – С. 24-28.
3. Макаров А. Лед тронулся // Власть. – 2013. – № 9. – С. 37.
4. Мотин В.В., Трофимов О.Е. Проблемы обеспечения безопасности на водном транспорте // Административное и муниципальное право. – 2013. – № 6. – С. 607-611.
5. Budzik Ph. Arctic Oil and Natural Gas Potential [Электронный ресурс]. Режим доступа – URL: http://www.eia.gov/oiaf/analysispaper/arctic/pdf/arctic_oil.pdf (дата обращения: 15.12.2016).
6. Подоплёкин А.О. Арктика как объект геополитических интересов неарктических государств: науч. ст. Арх., 2011.
7. Копылов М.Н., Копылов С.М. Экологически безопасная Арктика – гарантия устойчивого развития коренных народов севера и всего человечества: ст. в сб. труд. конф. СПб., 2016.
8. Сахаров А.Г. Развитие Арктического Совета как «института регионального управления»: науч. ст. М., 2015.
9. Павленко В.И., Паничкин И.В. Экономические оценки состояние и перспектив разработки морских нефтегазовых ресурсов Арктики: науч. ст. М., 2012.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В ОТНОШЕНИИ ПОТЕРПЕВШИХ

Русин И.А.

студент 4 курса Юридического института,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Лукьянчикова Е.Ф.

доцент кафедры уголовного права и процесса, к.ю.н.,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

В статье представлены некоторые проблемные аспекты применения мер безопасности в отношении потерпевших в уголовном судопроизводстве. Автор указывает на необходимость более тщательно подходить к проверке сведений об угрозах в адрес лица, ставшего жертвой преступных посягательств, включая случаи, когда потерпевший в силу различных причин не заявляет ходатайство о применении мер безопасности при наличии

реальной угрозы. На основе проведенного исследования автором предложены пути законодательного устранения выявленных проблем.

Ключевые слова: безопасность, потерпевший, подозреваемый, проблемные аспекты.

В отечественной литературе на протяжении длительного периода времени предметом исследований, посвященных обеспечению безопасности, являлись «наиболее угнетенные категории участников уголовного судопроизводства» [5, с. 244]. Это обусловило то, что на сегодняшний день права подозреваемого, обвиняемого и подсудимого регламентированы подробнее и в большем объеме, нежели права потерпевших [4, с. 161]. Отсутствие должного внимания государства и юридической общественности к обозначенной проблеме влечет не только дефицит гарантированности безопасности потерпевшего, но в ряде случаев приводит к плачевным последствиям – его гибели, причинению ему увечий и прочему. Несмотря на то, что российским законодателем предпринимаются некоторые принципиально-важные шаги на пути к совершенствованию системы уголовно-процессуального обеспечения безопасности потерпевшего, их явно не достаточно для достижения целей уголовного судопроизводства.

Правовой основой применения мер безопасности к участникам процесса является УПК РФ. Согласно ч.3 ст. 11 УПК при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные статьями 166 частью девятой, 186 частью второй, 193 частью восьмой, 241 пунктом 4 части второй и 278 частью пятой настоящего Кодекса, а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации [1].

Данное положение конкретизируется в Федеральном законе от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (*далее – ФЗ №119*) [2]. Кроме того, обеспечение безопасности потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства осуществляется посредством разработки и принятия соответствующих программ на федеральном уровне. Так, Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014 – 2018 годы» [3], предусматривает финансовое обеспечение в размере 1405,55 млн. рублей в целях предоставления мер защиты и социальной поддержки свыше 20 тысячам участников уголовного процесса. Вместе с тем, ежегодно в России государственная защита потерпевших и свидетелей обеспечивается около 1-1,5 тыс. человек. Однако, если сравнивать с количеством ежегодно совершаемых пре-

ступлений (например, по данным МВД России в 2016 г. было зарегистрировано 1851,5 тыс. преступлений) [6], данный показатель незначителен.

Изложенное еще раз подтверждает тезис о том, что применение мер безопасности, закрепленных в УПК РФ и ФЗ №119, на практике не отвечает требованиям, диктуемым реалиями современного мира. Причина тому кроется в пробелах законодательного регулирования, а также в противоречивости отдельных положений анализируемых нормативно-правовых актов.

Уделим некоторое внимание процессуальному положению потерпевшего на этапе возбуждения уголовного дела. Анализируя положения уголовно-процессуального законодательства констатируем, что потерпевший как участник уголовного судопроизводства появляется лишь после вынесения постановления о признании потерпевшим. Закон обязывает правоприменителя принимать такое решение незамедлительно после возбуждения уголовного дела. До вынесения указанного юридического акта у лица отсутствует процессуально-правовой статус, соответственно, отсутствует и возможность реализации прав и законных интересов. Вместе с тем, практика изобилует случаями, когда давление на «будущего» потерпевшего оказывается до возбуждения уголовного дела. Возникает вопрос, каким образом обеспечить защиту потерпевших от преступления лиц в подобных ситуациях? Ответ на вопрос можно найти в ФЗ №119, предусматривающем возможность применения мер государственной защиты при отсутствии возбужденного дела в отношении заявителя, очевидца, жертвы преступного воздействия и иных граждан, способствующих предупреждению или раскрытию преступлений.

Кроме того применение положений, закрепленных в ФЗ №119, к потерпевшему решается следователем (дознавателем) по его субъективному усмотрению [4, с. 157]. Иначе говоря, если уполномоченное лицо сочтет, что потерпевшему никакая опасность не угрожает (даже при условии ее реальности), то ни о каких мерах защиты необходимых для применения к нему речи идти не будет. Это актуализирует потребность уделить пристальное внимание к данной проблеме, диктует необходимость «объективизации» процесса принятия решения о применении мер защиты. Считаем целесообразным на этапе проверки сообщения о преступлении, до возбуждения уголовного дела, выяснять у лиц, потерпевших от уголовно-наказуемого деяния, степень реально грозящей им возможной опасности, а также вероятность мести за их обращение и (или) сотрудничество с правоохранительными органами со стороны подозреваемых, обвиняемых, их знакомых и близких родственников. Имеет смысл устанавливать наличие угроз, поступающих в адрес потерпевших лиц, которые могут объективироваться в различных формах, например, в форме анонимного письма, электронного сообщения, телефонного звонка и пр. Иначе говоря, следователь (дознаватель) должен серьезно и основательно подходить к вопросу определения наличия и степени угрозы потерпевшему, и уже от этого «отталкиваться» при принятии решения о необходимости применения мер государственной защиты [5, с. 245]. Чтобы исключить излишний субъективизм следователя в данном аспекте, целесообразно фиксировать все упомянутые элементы в соответствующих протоколах. Изложенное обосновывает предложение о возможности включения в бланк протокола

допроса потерпевшего графу, в которой уполномоченное лицо может указать наличие факта угрозы потерпевшему лицу, а также необходимость обеспечения их безопасности.

Резюмируя изложенное, отметим, наличествующие на сегодняшний день гарантии обеспечения безопасности потерпевшего не реализуют свою функцию в полном объеме. Считаем, что минимизировать выявленные противоречия можно посредством законодательного закрепления за органами, обеспечивающими государственную защиту, обязанности по немедленному реагированию на каждый ставший им известным случай, требующий применения мер безопасности или мер социальной поддержки потерпевшему, в т.ч. и до возбуждения уголовного дела. При этом в случае ненадлежащего исполнения данного требования уполномоченными лицами, повлекшего наступление негативных последствий (например, гибель потерпевшего, причинение вреда его здоровью и пр.), имеются достаточные основания для их привлечения к юридической ответственности.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (УПК РФ) от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
2. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Парламентская газета. 2004, 25 августа.
3. Постановление Правительства РФ от 13.07.2013 № 586 (ред. от 13.08.2015) №Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014 – 2018 годы» // СЗ РФ. 2013. № 29. Ст. 3965.
4. Кравцова О.В. О проблемах и путях совершенствования обеспечения прав и безопасности потерпевшего // Бизнес в законе. 2013. № 1. С. 158-161.
5. Сероглазов Р.Р. Проблемные вопросы применения мер безопасности в отношении потерпевших // Уголовный процесс. 2010. № 2. С. 244-246.
6. Состояние преступности январь – октябрь 2016 года [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации: сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/8922474/>

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ШТРАФА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Сваткова А.А., Филиппова К.Ю.

студентки 4 курса направления «Юриспруденция»,
Ачинский филиал Красноярского государственного аграрного университета,
Россия, г. Ачинск

Авторами проанализирована проблема, которая связана с исполнением штрафа, назначаемого в отношении несовершеннолетних. Затрагиваются актуальные проблемы применения штрафа, назначаемого в отношении несовершеннолетних. В работе предлагаются возможные пути решения данной проблемы.

Ключевые слова: штраф, исполнение наказания, несовершеннолетние, ФЗ об исполнительном производстве, исполнительное производство.

01 октября 2016 года, в силу вступила новая редакция ФЗ «Об исполнительном производстве» № 50 от 03.07.2016. Эта редакция, уточняет, что взыскание штрафа назначенного в качестве наказания за совершение преступления несовершеннолетним, может исполняется как самим несовершеннолетним, так и его родителями или законными представителями. При этом целью исполнительного производства является исполнение исполнительного документа, а также защита нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, и обеспечение исполнения обязательств по международным договорам.

Важно заметить, что штраф – это мера наказания, которая носит имущественный характер и заключается в лишении осужденного материальных благ, принадлежащих ему на праве собственности. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 года № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» указывается, что размер штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления, имущественного положения осужденного и его семьи, а также с учетом возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода (ч. 3 ст. 46 УК РФ).

Сущность штрафа состоит в ущемлении имущественных интересов лица, виновного в совершении преступления. Определить размер штрафа в Российском уголовном законодательстве можно двумя способами:

- 1) в виде определенной денежной суммы;
- 2) в виде заработной платы или иного дохода осужденного за определенный период.

Что касается, несовершеннолетних, то степень вовлечения несовершеннолетних в криминальную среду на сегодняшний день пугающе высок. Особенно вызывает опасение количество рецидивов. Повторно совершают преступления 73,1 % несовершеннолетних [3, с. 9].

Размер штрафа для несовершеннолетних – от одной до пятидесяти тысяч рублей и он может быть назначен независимо от наличия у несовершеннолетнего заработка либо имущества, а также взыскан с родителей несовершеннолетнего, при их согласии.

За несовершеннолетнего, относящегося к обеспеченным слоям населения, штраф будет уплачен родителями. Другому же несовершеннолетнему, родители которого не в состоянии уплатить штраф, может быть назначено другое наказание. Делая вывод о том, что рассматриваемое положение требует дополнительного внимания, выработки позиции по его право применению.

Противники применения штрафа к несовершеннолетним отмечают отсутствие у несовершеннолетнего самостоятельного заработка. Действительно, несовершеннолетние нечасто имеют стабильные доходы, однако к возрасту 14-16 лет, как правило, каждый несовершеннолетний имеет подработку, приносящую ему определенную прибыль. Получают несовершеннолетние и карманные деньги. В связи с этим, объективная возможность для уплаты штрафа у несовершеннолетних имеется. Другой вопрос, который предстоит решить – это сумма штрафа. Суд, с учетом личности осужденного, условий

его жизни и жизни его семьи должен оценить, какую сумму штрафа несовершеннолетнему будет под силу выплатить самостоятельно. Будь это две или три тысячи рублей или двадцать две тысячи рублей с рассрочкой уплаты на год, но необходимость исполнить наказание самостоятельно надолго отобьет у несовершеннолетнего желание повторно совершать преступления.

Таким образом, очевидно, что часть 2 статьи 88 УК РФ требует законодательной редакции, связанной с исключением возможности взыскания штрафа с родителей или законных представителей несовершеннолетнего, поскольку данная ситуация противоречит доктрине уголовного права, а именно нарушает принцип личной ответственности и принцип неотвратимости наказания. Принцип неотвратимости ответственности заключается в том, что всякое лицо, в действии или бездействии которого устанавливается состав преступления, подлежит наказанию либо иным мерам воздействия, предусмотренным уголовным законом, т.е. обязано понести ответственность. А принцип личной ответственности – лицо, совершившее преступление, отвечает лишь за то, что было совершено им лично. Применительно к штрафным санкциям И.А. Исмаилов указывал, что «к уголовной ответственности может быть привлечен только тот, кто совершил преступление. Никто из его близких не может быть подвергнут карательным мерам. Это – один из незыблемых принципов советского уголовного права» [2, с. 115].

Еще одной, очень важной причиной отмены взыскания штрафа с родителей и законных представителей несовершеннолетнего взыскания штрафа является то, что на основании ч. 5 ст. 46 УК РФ, при назначении штрафа в качестве основного наказания, при злостном уклонении от его уплаты он может быть заменен другим видом наказания. Но подобная замена возможна только по отношению к осужденному, но не к лицам, которые с их согласия обязались уплатить штраф за него. Штраф, который был назначен как дополнительное наказание, замене другим наказанием не подлежит. Следовательно, независимо от того, назначен ли штраф в качестве основного или дополнительного наказания, при уклонении от его уплаты родителями либо другими представителями речь может идти только о принудительном взыскании штрафа.

Рассмотрим примеры судебной практики за 2015 год.

Приговором Канавинского районного суда г. Н.Новгорода Нижегородской области от 5 октября 2015 года несовершеннолетний Д. осужден по ч.1 ст.228 УК РФ к наказанию в виде штрафа в размере 15000 руб. С учетом имущественного положения осужденного суд предоставил ему рассрочку выплаты штрафа равными частями по 5000 руб. в течение трех месяцев. Однако, что в мотивировочной части приговора имущественное положение осужденного и необходимость предоставления рассрочки никоим образом не указаны и не мотивированы.

Как отмечалось выше, штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному по решению суда может взыскиваться с законных представителей, например с родителей, усыновителей с их согласия. Это положение закреплено в п.21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О су-

дебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».

Примеры применения указанных положений имеются в практике рассмотрения дел судами. Так, приговором Московского районного суда г. Н.Новгорода Нижегородской области от 30 декабря 2015 года несовершеннолетние Л. и Ш. осуждены по ч.3 ст.30 и п.п. «а,в» ч.2 ст.158 УК РФ к штрафу в размере 10000 руб. каждому.

При этом судом принято решение о взыскании штрафа с законных представителей осужденных, в связи с чем, в ходе судебного разбирательства подробно выяснены данные о материальном положении подростков и их семей, а также мнение законных представителей по поводу уплаты ими штрафа.

Аналогичное решение в части назначения штрафа принято и Кстовским городским судом Нижегородской области по делу в отношении Р. (приговор от 25 мая 2015 года).

Приговором суда несовершеннолетний Р. осужден по п.п. «б,в» ч.2 ст.158 УК РФ к наказанию в виде штрафа в размере 2000 руб., по п. «а» ч.3 ст.158 УК РФ к наказанию в виде 1 года 6 месяцев лишения свободы, без штрафа и без ограничения свободы. На основании ч.3 ст.69 УК РФ путем полного сложения наказаний Р. назначено наказание в виде лишения свободы сроком на один год 6 месяцев лишения свободы, без штрафа и ограничения свободы, и штрафа в размере 2000 рублей в виде основного наказания. Наказание в виде лишения свободы назначено условно с испытательным сроком в 1 год 6 месяцев, наказание в виде штрафа постановлено исполнять самостоятельно[1].

Проанализировав судебную практику, мы пришли к выводу, что суд иногда придерживается принципов уголовного права, и назначает исполнения наказания именно самому несовершеннолетнему с рассрочкой. Но всё равно, остаются моменты, и довольно часто, когда суд более гуманно относится к несовершеннолетнему, и наказание исполняют его законные представители. Также заметим, что судебная практика постепенно стала формироваться по пути усиления влияния решений вышестоящих судебных органов над нижестоящими [4,5]. И это демонстрирует высокую ценность уже имеющихся подходов к судебному решению дел о назначении уголовного наказания в виде штрафа в отношении несовершеннолетних.

Таким образом, для решения данной проблемы мы предлагаем следующую редакцию ч.2 ст. 88 УК РФ: «Штраф назначается несовершеннолетнему при наличии у него самостоятельного заработка имущества, на которое может быть обращено взыскание. Штраф назначается в размере от одной тысячи до пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода несовершеннолетнего осужденного за период от двух недель до шести месяцев».

Список литературы

1. Исмаилов И.А. Штраф как мера уголовного наказания // Правоведение.1972. № 5. С. 114-115.
2. Лелеков В. А., Кошелева Е. В. О некоторых особенностях криминологического рецидива несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции, 2012. – № 4. С. 8-11.

3. Обзор судебной практики назначения судьями Нижегородской области в 2015 году уголовного наказания несовершеннолетним, осужденным за преступления небольшой, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие преступления. URL: <http://oblsudnn.ru/index.php/obzory-sudebnoj-praktiki/1423-obzor-sudebnoj-praktiki-naznacheniya-sudyami-nizhegorodskoj-oblasti-v-2015-godu-ugolovnogo-nakazaniya-nesovershennoletnim-osuzhdennym-za-prestupleniya-nebolshoj-srednej-tyazhesti-tyazhkie-i-osobo-tyazhkie-prestupleniya> (дата обращения 15.10.2016).

4. Тепляшин П.В. Перспективы расширения судебно-правового регулирования уголовно-исполнительных отношений // Российская юстиция. 2010. № 4. С. 60-62.

5. Тепляшин П.В. Перспективы судебного прецедента в сфере исполнения уголовных наказаний // Российский судья. 2010. № 10. С. 22-24.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫМ УЧАСТКОМ

Скрябина Н.В.

магистрант кафедры гражданского права и процесса,
Российский государственный социальный университет, Россия, г. Дедовск

В статье рассматривается актуальный на сегодняшний момент вопрос о доверительном управлении земельным участком. Между кем может быть заключен договор, в какой форме он заключается, какие обязательства возникают после его заключения у сторон сделки? Какие права имеет доверительный управляющий, что может сделать выгодоприобретатель в случае если доверительный управляющий не исполняет свои обязанности по договору и как защитить свои права в соответствии с Гражданским кодексом, на эти и многие другие вопросы автор ответит в настоящей статье.

Ключевые слова: право, доверительный управляющий, выгодоприобретатель, договор, закон, право, обязанности, защита своего права.

«По договору доверительного управления имуществом одна сторона (учредитель управления) передает другой стороне (доверительному управляющему) на определенный срок имущество в доверительное управление, а другая сторона обязуется осуществлять управление этим имуществом в интересах учредителя управления или указанного им лица (выгодоприобретателя)» [1], таким образом в Гражданском кодексе РФ определено юридическое действие, как доверительное управление. Доверительным управляющим может быть только коммерческая организация или индивидуальный предприниматель, а унитарные муниципальные и государственные предприятия не могут выступать доверительным управляющим. Деятельность управляющего связана с постоянным совершением юридических действия, а именно участие в имущественном обороте, ввиду этого не может быть управляющим некоммерческая организация. Управляющий не может быть выгодоприобретателем по данному договору. Доверительный управляющий обязан при совершении сделок указывать буквенное обозначении «Д.У.», при соблюдении этого требования данная сторона становится стороной совершенной сделки, долги,

которые будут по данной совершенной сделке будут погашаться за счет переданного в управление земельного участка, если данного имущества не хватает чтобы покрыть долг, то тогда взыскание будет обращено на имущество управляющего, а при не достаточности и всего перечисленного на имущество учредителя управления, которое не было передано в доверительное управление, данная норма закреплена в п. 3 ст. 1022 ГК РФ, если данного обозначения не было сделано то тогда управляющий по долгам будет отвечать своим имуществом. Предметом договора в данном случае выступает земельный участок. Если в управление передан заложенный земельный участок, то права на данный земельный участок остаются также за залогодателем, но в таком случае управляющий должен быть предупрежден об имеющемся обременении, если о наличии такого обременения не был уведомлен управляющий, то он вправе расторгнуть данный договор доверительного управления в судебном порядке, данная норма закреплена в ст. 1019 ГК РФ. В соответствии со ст. 1026 ГК РФ доверительное управление может быть также учреждено органами опеки и попечительства, на основании завещания в котором назначен исполнитель завещания.

В договоре доверительного управления должно быть указано: точный состав передаваемого имущества в управление, размер земельного участка, его кадастровый номер, адрес место положения земельного участка, вознаграждение по окончании действия договора, но стоит подчеркнуть, что расходы, которые понес управляющий возмещаются за счет доходов, полученных от использования данного земельного участка, данная норма закреплена в ст. 1023 ГК РФ. Договор заключается в письменной форме сроком не более пяти лет, регистрируется в Управлении Росреестра, после окончания пяти лет может быть продлен на тот же срок, если не поступило заявления о прекращении действия данного договора, также в договоре должно быть указано наименование выгодоприобретателя юридического лица либо имя гражданина в пользу которого учреждается управление, данная норма закреплена в ст. 1016 ГК РФ, если данные условия не указаны в договоре то тогда договор признается не заключенным в соответствии со ст. 432 ГК РФ. Также должен быть подписан передаточный акт или иной документ подтверждающий фактическую передачу земельного участка в управление, данная норма закреплена в п. 1 ст. 556 ГК РФ.

Следует отметить, что собственник земельного участка передает управляющему не право собственности, а только право осуществлять его права, как собственника. Управляющий может защищать интересы, связанные с незаконным владением земельным участком, об истребовании земельного участка от добросовестного приобретателя, об устранении препятствий в использовании земельного участка в суде, подавать иски, заявления, в период действия договора к собственнику земельного участка, данная норма предусмотрена п. 3 ст. 1020 ГК РФ.

В ст. 1022 ГК РФ предусмотрена ответственность доверительного управляющего, она заключается в следующем: управляющий не проявил заботливости об интересах выгодоприобретателя, также управляющий должен возместить упущенную выгоду за время управления земельным участком, учредителю управления также возместить упущенную выгоду, по поводу долгов образовавшихся за время управления автор изложил выше, если управляющий превысил свои полномочия или нарушил установленные для него ограничения то обязательства по сделке несет управляющий, если третьи лица не знали и не могли знать, что сделка совершена с превышением полномочий со стороны управляющего то данные обязательства должны быть исполнены управляющим, а учредитель управления может потребовать от управляющего возмещения убытков в данном случае, также договор управления может предусматривать оставление залога в обеспечение возмещения убытков. В соответствии с п. 4 ст. 1020 ГК РФ управляющий обязан предоставлять отчет учредителю управления и выгодоприобретателя о проведенной деятельности в срок и порядке установленным договором.

В ст. 1021 ГК РФ существует понятие, как передача управления имуществом, данное действие может быть совершено с письменного разрешения учредителя или предусмотрено договором, за действия выбранного поверенного управляющий отвечает как за свои действия.

В ст. 1024 ГК РФ изложены положения прекращения договора управления, существуют следующие основания: смерть гражданина или ликвидация юридического лица, именуемых в договоре выгодоприобретателями, также отказ выгодоприобретателя от получения выгоды по договору, если иного не предусмотрено договором, смерть гражданина, который был по договору доверительным управляющим, признание его недееспособным, ограниченно дееспособным, признание его безвестно отсутствующим, а также банкротство индивидуального предпринимателя, признание учредителя (гражданина) банкротом, отказ управляющего или учредителя управления от дальнейшего осуществления доверительного управления, если иное не предусмотрено договором, в данном случае отказа от дальнейшего сотрудничества одна сторона должна уведомить другую за три месяца до прекращения договора. При прекращении договора управления земельный участок, передается учредителю управления, если договором не предусмотрено иное.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.11.2001 N 146-ФЗ п. 1 ст. 1012 (ред. от 09.03.2016) Доступ из справочно-правовой системы СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. N 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г) Доступ из справочно-правовой системы СПС «КонсультантПлюс».

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИПОТЕКИ (ЗАЛОГА) ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА

Скрябина Н.В.

магистрант кафедры гражданского права и процесса,
Российский государственный социальный университет, Россия, г. Дедовск

В настоящей статье автор ответит на следующий ряд вопросов касающихся непосредственно залога имущества, в данном случае денежных средств. Как заключить договор, что обязан сделать залогодержатель и залогодатель, их права и обязанности. Что должно произойти после того как выплачены денежные средства по сумме залога?

Ключевые слова: закон, право, договор, права, обязанности, залогодатель, залогодержатель, земельный участок.

«По договору о залоге недвижимого имущества (договору об ипотеке) одна сторона – залогодержатель, являющийся кредитором по обязательству, обеспеченному ипотекой, имеет право получить удовлетворение своих денежных требований к должнику по этому обязательству из стоимости заложенного недвижимого имущества другой стороны – залогодателя преимущественно перед другими кредиторами залогодателя, за изъятиями, установленными федеральным законом» [1], такое определение данному юридическому действию дает Гражданский кодекс РФ. Договор ипотеки (залога) общие правила о залоге регулируются ГК РФ, а именно главой 23, пунктом 3.

По договору ипотеки (залога) одна сторона залогодатель – это должник по кредитному обязательству, может выступать, как сам собственник земельного участка, так и лицо не участвующее в этом обязательстве третье лицо, о наличии прав у третьего лица на земельный участок залогодатель обязан уведомить вторую сторону в письменном виде, если этого не будет сделано, то земельный участок остается во владении залогодержателя.

Залоговым имуществом может выступать земельный участок, принадлежащий на праве собственности залогодателю или третьему лицу, за исключением земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, а также сельскохозяйственных угодий из состава земель сельскохозяйственных организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств и полевых земельных участков личных подсобных хозяйств, не допускается [2].

Не допускается также ипотека (залог) земельного участка площадью меньше минимального установленного предела. Минимальный размер земельного участка для крестьянского (фермерского) хозяйства это 2,0 га, садоводства – 0,06 га, огородничества – 0,04 га, дачного строительства – 0,06 га [3].

Возникновение ипотеки может быть, на основании договора ипотеки (залога) земельного участка, а именно данный договор заключается с соблюдением правил ГК РФ о заключении договор и ФЗ "Об ипотеке (залоге недвижимости)", должен быть обязательно составлен в письменном виде. В дого-

воре обязательно должен быть указан предмет ипотеки, в данном случае это земельный участок, значит нужно указать кадастровый номер земельного участка, его адрес расположения, прилагается акт согласования границ земельного участка, кадастровый паспорт, категория разрешенного использования, так же должна быть отражена в договоре, для дальнейшей идентификации предмета залога, неотъемлемой частью договора ипотеки (залога, являются цена договора, также должно быть указано право на основании, которого залогодателю принадлежит данный земельный участок и наименование органа государственной регистрации. Если земельный участок находится в аренде, то должны быть указаны сроки аренды. Оценка проводится земельного участка, для определения цены договора, но она не может быть меньше чем кадастровая стоимость. Обязательство должно быть указано в договоре об ипотеке с указанием срока исполнения, цены, основания возникновения, если исполнение договора будет по частям, то указаны должны быть сроки соответствующих платежей и их размер. После составления договора ипотеки (залога) его следует заверить у нотариуса, после подлежит обязательной государственной регистрации в Управлении Росреестра.

Залогодатель имеет право возводить здания и сооружения на земельном участке, но если это не ухудшит состояние земельного участка, не уменьшит его стоимость. Если строительство повлечет ухудшение земельного участка, то залогодержатель имеет право потребовать изменение договора и внести также в договор и возведенное строение, для покрытия уменьшенной суммы земельного участка.

Страхование заложенного имущества происходит за средства залогодателя от риска утраты и повреждения. Страховая выплата будет в том случае если утрата или повреждения произошла по причинам, за которые не отвечает залогодержатель. Если залогодатель грубо нарушает правила пользования заложенным имуществом, также нарушает правила по страхованию земельного участка, то залогодержатель имеет право потребовать досрочного исполнения договора. Если залогодатель не исполнил данное требование, то в установленном договоре сроке, если данный срок не был установлен, то в течении месяца, залогодержатель имеет право обратиться в суд с иском, о взыскании заложенного имущества.

При отчуждении заложенного земельного участка, а именно если залогодатель намерен продать, обменять или внести в качестве вклада земельный участок в хозяйственный кооператив или в качестве паевого взноса в имущество производственного кооператива, залогодатель обязан получить согласие (если иное не предусмотрено договором) согласие от залогодержателя. Договор ипотеки (залога) сохраняет свои положения при переходе предмета залога к другому лицу. Без согласия залогодержателя залогодатель имеет право сдавать в аренду земельный участок, передавать его в безвозмездное временное пользование, также передавать право ограниченного пользования, а именно предоставления сервитута. Все права предоставленные залогодателем прекращают свое действие после вступления в законную силу решения суда о взыскании данного земельного участка у залогодателя.

Обращение взыскания на заложенное имущество происходит если залогодатель несвоевременно исполняет свои обязательства по договору ипотеки (залога), а именно несвоевременно вносит установленную договором сумму ежемесячных платежей, в течении 12 месяцев, было более трех задержек с выплатами, срок задержки не имеет значения, то залогодержатель имеет право обратиться в суд с иском о взыскании заложенного имущества. Суд может отсрочить взыскание на один год, но это не освобождает залогодателя от исполнения его прав и обязанностей, равно как и исполнение прав и обязанностей залогодержателя, данное действие может быть применено если материальное положение залогодержателя от этого не пострадает. Если за время отсрочки залогодатель удовлетворил все требования залогодержателя, стороны пришли к соглашению, то по заявлению залогодержателя суд отменяет решение об обращении взыскания на заложенное имущество.

Стороны могут во время судебного заседания прийти к соглашению о продаже заложенного имущества с публичных торгов, но закон запрещает предусматривать в соглашении покупку заложенного имущества залогодержателем. Публичные торги проводят по месту нахождения земельного участка, более подробно расписано о проведении, реализации имущества путем проведения публичных торгов, правах и обязанностях сторон в Федеральном законе "Об ипотеке (залоге недвижимости)" в ст. 56-58.

Если стороны пришли к соглашению о реализации земельного участка через аукцион то в таком случае, залогодержатель и залогодатель имеют право продать данный земельный участок путем проведения аукциона. В качестве организатора аукциона выступает выбранная организация, которая действует на основании заключенного договора от имени залогодержателя или от своего имени. Аукцион проводится открытым. По истечении пяти дней, после оплаты имущества, лицу, купившему земельный участок, выдается договор купли – продажи, протокол о проведении аукциона, это является основанием для регистрации права собственности на земельный участок в Управлении Росреестра [4].

Автор считает, что банковские отделения злоупотребляют своим правом и не погашают в Управление Росреестра сведения об ипотеке, ввиду того, что нет четкой нормы закона, по которой они должны это делать, а именно не установлен срок. Ввиду чего граждане не могут сразу после погашения продать свой земельный участок, потому что покупателей отпугивает, тот факт, что в кадастровой справке есть отметка об ипотеке, покупатели думают, что продавец не погасил ипотеку и земельный участок в залоге, ввиду чего покупатель несет убытки. Отметка об ипотеке может числиться за земельным участком годами, пока банковское отделение не напишет заявление о снятии данной отметки. Ввиду чего автор считает, что необходимо ввести срок, в течении которого, должно быть написано заявление в Управление Росреестра о снятии обременения. Потому что гражданин выполнил свои обязательства и погасил кредит, а банковское отделение все продолжает обременять физическое лицо, ввиду числившегося за его собственность обременения.

Ввиду чего следует добавить абзац в п. 1 ст. 25 ФЗ от 16 июля 1998 г. №102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», который будет звучать: «срок в течении, которого залогодержатель должен подать в Управление Росреестра сведения о том, что была погашена ипотека (залог) на заложенное имущество, следует установить срок не более двух недель со дня погашения задолженности».

Список литературы

1. Федеральный закон от 16 июля 1998 г. N 102-ФЗ "Об ипотеке (залоге недвижимости)" п. 1 абз. 1 ст. 1 (ред. От 05.10.2015 г.) " Доступ из справочно-правовой системы СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 16 июля 1998 г. N 102-ФЗ "Об ипотеке (залоге недвижимости)" п. 1 ст. 63 (ред. От 05.10.2015 г.) " Доступ из справочно-правовой системы СПС «КонсультантПлюс».
3. Закон Московской области от 17 июня 2003 г. №63/2003-ОЗ «О предельных размерах земельных участков, предоставляемым гражданам в собственность на территории Московской области» абз. 2 ст. 1. Доступ из справочно-правовой системы СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 16 июля 1998 г. N 102-ФЗ "Об ипотеке (залоге недвижимости)" п. 1 ст. 63 ст. 59 (ред. От 05.10.2015 г.) " Доступ из справочно-правовой системы СПС «КонсультантПлюс».

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕНТЫ И ПОЖИЗНЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ С ИЖДИВЕНИЕМ С ОТЧУЖДЕНИЕМ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА

Скрябина Н.В.

магистрант кафедры гражданского права и процесса,
Российский государственный социальный университет, Россия, г. Дедовск

В статье рассматривается в настоящее время набирающий популярность у граждан пенсионного возраста вопрос, как договор ренты и пожизненного содержания с иждивением. Как можно заключить данный договор, как защитить себя от нежелательных негативных последствий, какие права и обязанности возникают у сторон при заключении данного договора, на эти и многие другие вопросы автор ответил в своей статье.

Ключевые слова: получатель ренты, плательщик ренты, рента, иждивение, право, обязанности, закон, договор.

«По договору ренты одна сторона (получатель ренты) передает другой стороне (плательщику ренты) в собственность имущество, а плательщик ренты обязуется в обмен на полученное имущество периодически выплачивать получателю ренту в виде определенной денежной суммы либо предоставления средств на его содержание в иной форме» [1], таким образом в Гражданском кодексе РФ определено юридическое действие, которое происходит по договору ренты. При заключении данного договора возможно установление бессрочной ренты, а именно выплата ренты бессрочно, либо установление

пожизненной ренты, а именно установление выплат на срок жизни получателя ренты. Договор ренты вступает в законную силу с момента передачи земельного участка получателем ренты плательщику ренты, если есть только соглашение о ренте, но земельный участок не передан, то правовых последствий данная сделка не влечет. Данный договор является односторонним, обязательства возникают только у плательщика ренты, ввиду периодической оплаты ренты за переданный ему земельный участок. Договор ренты должен быть составлен в письменной форме и заверен у нотариуса, после его необходимо зарегистрировать в Управлении Росреестра.

Данный договор подразумевает выплату ренты под отчуждение земельного участка, без этих условий данный договор является незаключенным в соответствии со ст. 433 ГК РФ. Если не выполнены обязанности по данному договору, то тогда договор признается недействительным, каждая их сторон обязана вернуть полученную выгоду стороне. В соответствии со ст. 585 ГК РФ в данном случае земельный участок может быть передан плательщику ренты за плату или бесплатно, если передается земельный участок за плату, то данные действия регулируются правилами о договоре купли –продажи указанным в главе 30 ГК РФ, если же земельный участок передается бесплатно, то применяются правила договора дарения, регулирование которого указано в главе 32 ГК РФ. Плательщик ренты, в соответствии со ст. 586 ГК РФ может произвести отчуждение земельного участка, в таком случае обязательства по договору ренты переходят на приобретателя данного земельного участка, но важный момент заключается в том, что субсидиарная ответственность наступает в таком случае в соответствии со ст. 399 ГК РФ, если договором не предусмотрена солидарная ответственность. В ст. 587 ГК РФ предусмотрены гарантии получателя ренты, а именно плательщик ренты, обязан предоставить гарантии исполнения своих обязательств, либо он может застраховать в пользу получателя ренты риск ответственности за неисполнение своих обязательств. Если плательщик ренты не исполняет своих обязательств, то получатель ренты имеет право расторгнуть данный договор, потребовав от плательщика ренты возмещения понесенных им убытков, вызванных расторжением договора. За просрочку выплат плательщик ренты обязан выплатить проценты, которые предусмотрены ст. 395 ГК РФ, данная обязанность плательщика ренты изложена в ст. 588 ГК РФ. Также в ст. 593 отражены права рента получателя на расторжение договора ренты если плательщик ренты в течении года не осуществлял свои обязанности по данному договору, также нарушил положения ст. 587 ГК РФ по гарантии исполнения своих обязательств, плательщик ренты признан неплатежеспособным и т.д.

Получателями постоянной ренты могут быть граждане и некоммерческие организации, если это не противоречит закону и целям их деятельности, также права постоянной ренты могут передавать лицам путем уступки права и по наследству, при реорганизации юридического лица путем правопреемства, данная норма изложена в ст. 589 ГК РФ.

В договоре постоянной ренты может быть отражена выплата в денежном эквиваленте, также может быть отражена выплата посредством оказания услуг, работ, предсоставления вещей, которые соответствуют сумме выплачиваемой ренты, если иное не предусмотрено законом то размер ренты устанавливается в соответствии с величиной прожиточного минимума на душу населения в соответствующем субъекте РФ по месту нахождения имущества, что не мало важно, данная сумма выплаты может возрастать вместе с размером прожиточного минимума, постоянная рента выплачивается в конце каждого календарного квартала, данные нормы указаны в ст. 590-591 ГК РФ.

Плательщик ренты имеет право отказаться от дальнейшей выплаты ренты путем ее выкупа, данное требование должно быть заявлено не позднее чем за три месяца до прекращения выплат ренты. Договором может быть установлено, право на выкуп постоянной ренты неосуществимо при жизни получателя ренты, либо иного срока, не превышающего тридцати лет с момента заключения договора, данные условия отражены в ст. 592 ГК РФ. Выкуп постоянной ренты может быть произведен по цене указанной в договоре, если не указано данное обстоятельство в договоре, то тогда выкуп производится эквивалентной цене годовой выплаты ренты, если имущество передано по договору ренты бесплатно, то в таком случае к годовой выплате еще прибавляется стоимость земельного участка, также если были нарушены права получателя ренты при передаче имущества бесплатно, он имеет право потребовать от плательщика ренты вернуть земельный участок с зачетом его стоимости в счет выкупной цены ренты, данные положения отражены в ст. 594, п. 2 ст. 599 ГК РФ.

В соответствии со ст. 595 ГК РФ при передачи земельного участка, по договору ренты бесплатно риск случайной гибели или повреждения земельного участка несет исключительно плательщик ренты, а если земельный участок передан за плату, то плательщик при вышеперечисленных обстоятельствах имеет право потребовать прекращения действий выплат, либо изменить условия договора.

В случае смерти получателя ренты, при пожизненной ренте, данный договор прекращает свое действие и по наследству она не переходит, получателями пожизненной ренты могут быть только граждане, также если пожизненная рента установлена в отношении нескольких граждан, то тогда после смерти одного его часть переходит пережившему его получателю ренты, а после смерти последнего получателя ренты договор ренты прекращает свое действие, данное обстоятельство отражено в ст. 596 ГК РФ. В договоре пожизненной ренты устанавливается сумма, которую обязан выплачивать плательщик ренты в течении жизни получателя ренты, платежи производятся в конце каждого календарного месяца, размер ренты не может быть менее минимального размера оплаты труда, также если размер минимальной оплаты труда возрастает, то соответственно и выплата по ренте тоже возрастает, данные обязательства отражены в ст. 597 – 598 ГК РФ.

Договор пожизненного содержания с иждивением, это еще один вид пожизненной ренты, в данном случае за пожизненное содержание с иждивением гражданина и указанного им третьего лица, получатель ренты обязуется передать в собственность плательщику ренты земельный участок, к данной сделке применяются правила о пожизненной ренте, данная норма указана в ст. 600 ГК РФ. Данная сделка должна быть составлена в письменной форме, заверена у нотариуса, в дальнейшем зарегистрирована в Управление Росреестра, для внесения сведений в ЕГРП это отражено в ст. 584 ГК РФ. Получателем ренты в данном случае может быть только гражданин, вне зависимости от его трудоспособности и состояния здоровья.

В соответствии со ст. 602 ГК РФ, указаны обязанности плательщика ренты, они заключаются в следующем: предоставление питания, ухода за иждивенцем, удовлетворения потребностей в одежде, осуществлять уход за ним, также оплата плательщиком ренты ритуальных услуг, данные условия могут быть заменены на выплату денежного содержания в соответствии со ст. 603 ГК РФ. В договоре также должна быть указана сумма месячного содержания, но не менее двух размеров прожиточного минимума на душу населения в соответствующем субъекте РФ, если в данном субъекте не предусмотрена такая сумма, то тогда не меньшей суммы по всей Российской Федерации.

Плательщик ренты имеет право сдавать в залог земельный участок или иным способом обременять земельный участок, только с предварительного согласия получателя ренты, также плательщик ренты обязан поддерживать земельный участок в надлежащем состоянии чтобы его стоимость не снижалась, данная норма отражена в ст. 604 ГК РФ.

Прекращение пожизненного содержания с иждивением прекращается смертью получателя ренты. Если плательщик ренты существенно нарушил свои обязательства по договору пожизненного содержания, то получатель ренты имеет право расторгнуть договор, при этом плательщик ренты обязан вернуть земельный участок и понесенные им расходы за время действия договора не будут возвращены (ст. 605 ГК РФ).

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 26.11.2001 N 146-ФЗ п. 1 ст. 583 (ред. от 09.03.2016) " Доступ из справочно-правовой системы СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 09.03.2016) " Доступ из справочно-правовой системы СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 г. N 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г) " Доступ из справочно-правовой системы СПС «КонсультантПлюс».

О СООТНОШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

Требух М.А.

студентка 2 курса Юридического института,
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

Казановская Ю.А.

доцент кафедры конституционного и международного права, к.ю.н.,
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

В статье рассматривается соотношение международного и национального уголовного права России, их взаимосвязь и влияние развития одного на другое, противоречия и отличительные особенности.

Ключевые слова: международное уголовное право, национальное уголовное право, соотношение.

Сформированы два вида правовых систем – международное право и внутреннее право (национальное право) конкретного государства. Являясь самостоятельными юридическими явлениями, существующими независимо друг от друга, все же, они состоят в непрерывном взаимодействии. Международное и национальное право обладают общими чертами, присущими им как системам права – каждое из них обладает совокупностью юридических принципов и норм, обязательных для участников отношений правил поведения, и реализация которых обеспечивается, в том числе принудительно [1, с. 73].

Национальное право призвано, в первую очередь, регулировать отношения между его субъектами внутри конкретного государства. Данные отношения на практике претерпевают ограничения пределами самого государства (его территории) и рамками внутренней компетенции. Международное право, в свою очередь, предусматривает и закрепляет отношения между субъектами международного права – это и государства, и международные организации, государственно-подобные образования, физические лица. Тем не менее, «концепция господства права предусматривает признание всеми государствами верховенства международного права в общей системе права» [2, с. 88].

Международное уголовное право устанавливает порядок реализации норм, которые относятся к Общей части уголовного права, формирует состав преступления, деятельность международного уголовного суда. Тем не менее, международное уголовное право вовсе не способно существовать без уголовно-процессуальных норм, потому оно определяется соединением в одну целую отрасль норм уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права. В.Э. Грабарь считает, что преимущество до XX века отдавалось процессуальному праву и как правило пространственному действию уголовного закона и обоюдной помощи государств в проведении ими своих полицейских функций, зачастую, посредством реализации принципа выдачи преступников и принципов правосудия.

Также отличительной чертой выступает наделение обратной силой целого ряда норм международного уголовного права (Нюрнбергский и Токийский международные военные трибуналы), что не согласуется с большинством внутригосударственных уголовных законов.

Одной из отличительных особенностей международного уголовного права выступает субъект преступления – им выступает как государство, так и государственно-подобные образования, юридические лица (к примеру, организаторами и исполнителями ядерных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки были признаны США, президент США, высшие американские военачальники и военные летчики) и физические лица. Международное уголовное право не определяет круг всех вопросов уголовной ответственности физических лиц (это компетенция внутригосударственного законодательства).

Проблема соотношения международного и внутригосударственного права имеет принципиальное значение как с точки зрения укрепления международной законности, так и с точки зрения международного сотрудничества и решения многих внутригосударственных вопросов [3, с. 253].

Анализ воздействия международных соглашений в сфере международного уголовного права на национальное, в первую очередь, уголовное право дает возможность сделать заключение о том, что в результате противоречия нормы международного соглашения, вступившего в законную силу, и нормы национального закона на территории государства применяется международная норма, об этом не двояко указано в Конституции России.

Абсолютно точно, что и внутригосударственное законодательство придает положительное воздействие на создание, формирование, развитие и функционирование международных договоров и соглашений по борьбе с преступностью.

Данное воздействие, во-первых, находит выражение в формировании правосознания представителей государств при разработке международного договора, в позиции государства на переговорах, применении правовых категорий внутригосударственного уголовного права при создании тех или других норм международного соглашения; во-вторых, международные суды, в том числе и арбитражные, и третейские, разрешают дела с использованием норм национального права в роли юридических фактов как дополнительного средства для определения действия международно-правовых норм, нужных для вынесения решения по делу.

Список литературы

1. Бирюков П.Н. Международное право: Учебное пособие. 2е изд., перераб. и доп. – Воронеж, 1996.
2. Блищенко И.П., Каламкарян Р.А., Карпец И.И. Международное уголовное право. – М., 1995.
3. Казановская Ю.А. Уголовное наказание и общественное правосознание как выражение отношения субъектов к основным ценностям общества / В сборнике: Проблемы правовой культуры молодежи Северо-Кавказского федерального округа: история и современность: материалы международной научно-практической конференции. 2012.

К ВОПРОСУ О СООТВЕТСТВИИ ЧАСТИ 3 СТАТЬИ 32 КОНСТИТУЦИИ РФ ПРИНЦИПАМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Удодова А.С., Обмачевская И.А.

Волгоградский государственный университет, Россия, г. Волгоград

В статье изучен случай поднятия вопроса о лишении заключенных избирательных прав; проанализирована система избирательного права; на основании проведенного исследования сделаны определенные выводы о соответствии российского законодательства и международно-правовых норм.

Ключевые слова: избирательное право, права заключенных, международные нормы.

Каждый гражданин РФ имеет право голосовать на выборах. Если гражданин по каким-либо причинам был признан виновным и отбывает свое наказание в местах лишения свободы, став заключенным, он не перестает быть гражданином, и значит, должен иметь право избирать власть в государстве. Согласно Конституции РФ, в ч. 3 ст. 32 указано, что не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. Однако, Европейский суд по правам человека в ходе рассмотрения дела «Анчугов и Гладков против России» (Anchugov and Gladkov v. Russia, жалобы NN 11157/04 и 15162/05) постановил, что лишение российских заключенных избирательных прав является несправедливым. В постановлении Страсбургского суда говорится, что положения части 3 статьи 32 Конституции РФ, согласно которым граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда, не имеют права избирать органы государственной власти, нарушает статью 3 Протокола № 1 к Европейской конвенции, гарантирующую право на свободные выборы. ЕСПЧ указал на презумпцию избирательного права, которая должна действовать в демократическом государстве; право избирать – это не привилегия, отмечается в постановлении Страсбурга. При этом Суд по правам человека признал, что власти могут наложить запрет на участие в голосовании, но в исключительных случаях. По мнению Евросуда, автоматическое лишение права на голосование при заключении на любой срок соразмерным не является. Также суд указал, что 734 300 человек, отбывающих наказание в России и затронутых ограничением на голосование, – это значительное число. Однако право голоса, предоставления которого заключенным требует от России ЕСПЧ, не так широко распространено в мире. Среди стран, где осужденные могут голосовать – Австралия, Канада и ЮАР. При изучении данного вопроса поверхностно, возникает мнение о том, что Конституция Российской Федерации ограничивает права и свободы граждан, но впоследствии, при подробном анализе мы обнаруживаем, что, ограничивая данную категорию лиц, государство оберегает остальную часть населения и это вынужденная мера. В процессе исследования мы выявили ряд проблем на пути осуществления избирательных прав заключенных:

1. Постановления мировых организаций является второстепенным по сравнению с Конституцией. В части 3 статьи 32 Конституции РФ прописано, что заключенные лишаются право голоса. Значит, на территории РФ постановления мировых организаций не могут быть признаны правомерными, ибо это противоречит основному источнику права РФ. Следовательно, для того чтобы заключенные смогли проголосовать, необходимо внести поправки к Конституции.

2. Проведение выборов в местах лишения свободы будет затруднено. Это будет разлагать дисциплину. Суэта, посторонние люди, непривыкшие к распорядку данных мест и сосредоточенность на процессе голосования могут стать причиной побегов, мятежей и иных волнений, опасных для общественности.

3. Закрытое учреждение. Заключенные не могут быть достаточно информированными и располагать информацией, достаточной для обдуманного решения.

4. Отсутствие предвыборной агитации. Само по себе право выбирать при отсутствии свободного доступа к информации о политической системе, сведениям о кандидатах и партиях, их избирательным программам, общественной предвыборной дискуссии – не только бессмысленно, но и опасно для общества.

5. При проведении выборов не может полностью соблюдаться такой принцип, как тайна голосования, так как данная категория лиц является зависимой от сотрудников учреждения, осуществляющих за ними контроль. Заинтересованные лица с легкостью смогут манипулировать заключенными для продвижения своих целей или извлечения какой-либо выгоды.

6. Существует мнения специалистов, что при ограничении избирательных прав заключенных, которые были осуждены на незначительные сроки, при выходе на свободу, они живут при власти, которую не избирали.

Благодаря проведенному исследованию, можно заключить, что ч. 3 ст. 32 Конституции РФ правомерно ограничивает избирательное право, лиц, находящихся в местах лишения свободы, не нарушая этим международные нормы и принципы. Этот вопрос был и останется спорным, но при данном развитии права в Российской Федерации предоставление заключенным права голосовать, на наш взгляд, является преждевременным и неактуальным.

Список литературы

1. ЕСПЧ. Anchugov and Gladkov v. Russia, nos. 1157/04, 15162/05, judgment of 4 July 2013.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 27.05.2004 N 177-О.
3. Ч. 3 ст. 32 Конституции РФ.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СУДЕБНО-БАЛЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ, ТРЕБУЮЩИЕ РАЗРАБОТКИ НОВЫХ МЕТОДИК ИССЛЕДОВАНИЯ

Хахалова Н.В.

магистрант, Иркутский институт (филиал) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции», Россия, г. Иркутск

В данной статье рассмотрены проблемы, связанные с совершенствованием и разработкой новых методик исследования огнестрельного оружия и идентификации снарядов и гильз в судебно-баллистической экспертизе. Анализ экспертной практики показал, что с появлением ранее не известных баллистических объектов требуется совершенствование и разработка новых методик исследования. Определено и обосновано, что перспектива решения проблем, связанных с разработкой соответствующих методик исследования объектов судебно-баллистической экспертизы позволит поднять на более высокую ступень качество решаемых судебно-баллистической экспертизой вопросов и в целом оказать существенную помощь правоохранительным органам в раскрытии и расследовании преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия.

Ключевые слова: судебно-баллистическая экспертиза, огнестрельное оружие, пуля, снаряд, гильза, идентификация, методика исследования.

В соответствии со ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹ (далее – Закон «О судебно-экспертной деятельности») эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме.

В качестве известной гарантии соблюдения специальных принципов, предусмотренных данной статьей, содержится требование, состоящее в том, что заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов. Механизм же соблюдения этих принципов экспертного исследования обеспечивается той научно-методической основой, которая образует профессиональную базу знаний эксперта и отражается в учебных и методических пособиях, методических письмах, методических рекомендациях, методических схемах и методиках, которым эксперт должен следовать.

В государственных судебно-экспертных учреждениях нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти установлен порядок, согласно которому все разрабатываемые методы и методики производства экспертизы проходят обязательную проверку, апробацию, прежде чем будут рекомендованы к внедрению в экспертную практику. Функционируют специальные научно-методические советы, организующие апробацию новых методов, методик и их внедрение в практику производства экспертиз.

¹ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) // СЗ РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2291.

На уровне межведомственной координации судебно-экспертной деятельности вырабатываются единые методические подходы к предметным экспертным исследованиям, проводится инвентаризация и стандартизация методик экспертных исследований, что предусмотрено «Положением о Федеральном межведомственном координационно-методическом совете по проблемам экспертных исследований», утвержденным заместителем министра юстиции РФ 7 июня 1996 г., заместителем министра внутренних дел РФ 3 июня 1996 г., согласованным с заместителем Председателя Верховного Суда РФ 26 июня 1996 г. и заместителем Генерального прокурора 17 июня 1996 г. [5].

Судебно-экспертная методика – это научно разработанная и детально регламентированная программа действий судебного эксперта (система алгоритмов, предписаний), направленная на решение экспертной задачи путем анализа и оценки свойств, признаков объектов судебной экспертизы с помощью специальных знаний и посредством применения в определенной последовательности рекомендуемых методов познания и специальных технических средств [10].

В настоящее время при производстве судебно-баллистических экспертиз экспертно-криминалистические учреждения РФ пользуются 48 методиками, паспортизированными и рекомендованными для использования в практической деятельности Федеральным межведомственным координационно-методическим советом по проблемам экспертных исследований. При выполнении конкретной судебно-баллистической экспертизы эксперт самостоятельно выбирает необходимую методику, при этом в первую очередь используются не разрушающие методы, а в случае невозможности получить результат без применения разрушающих методов, делает запрос инициатору назначения экспертизы, и при положительном ответе проводит исследование в полном объеме.

Наиболее разработанными, часто используемыми при производстве судебно-баллистических экспертиз являются следующие методики:

1. Методика идентификации нарезного огнестрельного оружия по следам на пулях.
2. Методика отождествления огнестрельного оружия по следам на гильзах.
3. Методика определения направления выстрела и места нахождения стрелявшего.
4. Методика решения вопроса о пригодности огнестрельного оружия к производству выстрелов.
5. Методика решения вопроса об относимости изъятых патронов к категории боеприпасов огнестрельного оружия.
6. Методика идентификации гладкоствольного огнестрельного оружия по следам на дроби (картечи).
7. Методика решения вопроса об относимости изъятого предмета к категории огнестрельного оружия.

Только последняя из указанных методик сертифицирована. На это потребовалось более двух лет работы. Легко подсчитать, сколько лет потребуются на сертификацию всех судебно-баллистических методик, однако в перспективе такая работа должна быть выполнена.

Развитие судебно-баллистической экспертизы в последние годы характеризовалось разработкой крупных проблем, имеющих непосредственное практическое значение для ее дальнейшего перспективного развития и совершенствования. Остановимся на основных, перспективных направлениях развития судебно-баллистической экспертизы, требующих разработки новых методик исследования. По мере развития этой экспертизы расширяется количественно и изменяется качественно круг объектов ее исследования. Это наглядно прослеживается на примере развития и совершенствования стрелкового оружия как одного из основных ее объектов.

В последние годы создаются принципиально новые виды оружия, а также существенно модернизируется ручное огнестрельное оружие, требующее от экспертов знания его материальной части, особенностей образования им следов на гильзах, пулях и т.д. В частности, к новым образцам отечественного огнестрельного оружия относятся пистолеты-пулеметы: «Бизон», «Вереск», «Витязь», «Клин», «Кипарис», «Кедр», «Каштан», автоматы: «Вал», «Вихрь», «Никонова», пистолеты: «Багира», «Бердыш», «Варяг», «Викинг», «Скиф», «Эфа», револьверы: «Гном», «Кобальт», «Носорог» и многие другие.

Наряду с активным появлением (модернизацией) новых моделей и образцов стрелкового оружия и соответственно модернизацией существующих методик исследования оружия перед названной экспертизой стоит и ряд других проблем.

Успехи в экспертно-криминалистическом исследовании общего технического состояния оружия поставили перед экспертами-криминалистами задачу установления с помощью тензометрических датчиков действительных (количественных) ударных нагрузок, испытываемых оружием при падениях, ударах и т. п. Здесь перспективными являются методы теоретической механики, благодаря использованию которых станет возможным научное обоснование вывода о возможности выстрела из оружия без воздействия на спусковой крючок. Для этого необходимо создать банк технических данных о механизмах оружия, что позволит разработать общую диагностическую методику исследования их ударно-спусковых механизмов.

В экспертной практике стали широко использоваться профилографы-профилометры. Полученная со следа профилограмма позволяет выразить каждую отдельную деталь в количественных характеристиках, а след в целом – формализовать. Для этого используется также цифровая обработка изображения. Это создает предпосылки использования математического анализа для доказывания тождества. Так, с применением ЭВМ в принципе возможна автоматизация экспертной идентификации следов на пулях и гильзах. Изображение сравниваемых следов выводится на экран с последующим автоматизи-

ческим сравнением (автоматизированная баллистическая идентификационная система «Арсенал», «Таис» и др.) [7].

Продолжаются работы по совершенствованию методики идентификации охотничьих ружей по следам на дробе. Однако процесс отождествления остается трудоемким.

Особенно сложной является оценка результатов сравнения. Трудность идентификации вообще, и гладкоствольных ружей в особенности, заключается в том, что, располагая относительно небольшим количеством признаков, необходимо установить, в чем именно состоит индивидуальный характер следа на отдельной дроби, а затем определить, к какому участку следа на экспериментальном образце относится изучаемый след. При этом нужно решить очень важную задачу: где находится начало или окончание следа?

Понятно, что в такой исследовательской ситуации не исключены ошибки субъективного порядка [1].

В настоящее время накоплен значительный объем различных справочных сведений, относящихся к материальной части оружия и патронов к нему, маркировочным обозначениям, размерным данным нарезной части канала ствола отечественного и зарубежного оружия, взаиморасположению его частей, образующих следы на гильзах, и т. д. Однако разрозненность справочных сведений отрицательно влияет на оперативность решения экспертных задач, особенно когда исследованию подлежат объекты (оружие, пули, гильзы, патроны) зарубежного производства. Для оперативности решения экспертных задач требуется централизация в единый банк всех справочных данных с соответствующей их кодировкой и введением в ЭВМ. Например, на базе накопленных справочных данных создаются информационные поисковые системы по патронам и нарезному огнестрельному оружию и по определению модели и системы оружия по следам на выстрелянных пулях и стреляных гильзах [4].

Решаются вопросы создания информационных фондов следов близкого выстрела, необходимых для установления расстояния выстрела из оружия различных видов.

Проблемы создания такого фонда очень сложны, поскольку еще не решены вопросы перевода качественных оценочных характеристик в количественные характеристики. От быстрого и научно обоснованного решения этих задач будет зависеть создание фонда следов близкого выстрела в ближайшее время. Хранение и поиск нужной для экспертов информации будет осуществляться с помощью ЭВМ.

Одной из сложно решаемых задач является определение расстояния дальнего выстрела при стрельбе из нарезного оружия. Анализ экспертной практики показывает, что дальнейшее исследование в направлении решения проблем расстояния выстрела должны быть связаны с изучением всех особенностей развития газо-пороховой струи на различных расстояниях от дульного среза оружия. Перспективными представляются работы по определению расстояния дальнего выстрела по морфологическим особенностям деформации и разрушения преграды [8].

Требует дальнейшей разработки и проблема точного определения расстояния выстрела из охотничьего ружья по размерным характеристикам осыпи дроби. На сегодняшний день абсолютно точно решить эту задачу не представляется возможным. Расстояние выстрела может иметь любое значение в пределах интервала дистанций (не ближе и не дальше), установленных экспериментальной стрельбой.

Проблема установления давности производства выстрела из огнестрельного оружия также остается наиболее сложной из всех задач, связанных с установлением обстоятельств выстрела. Ее сложность обусловлена необходимостью выбора тех или иных инструментальных методов для изучения продуктов выстрела разных сроков давности.

Практическую значимость имеет необходимость разработки методик идентификации пуль, выстрелянных из огнестрельного оружия, снабженного прибором беззвучной стрельбы (глушителем).

Исследования, проводимые в последние годы экспертами-практиками, позволили решить ряд вопросов судебно-баллистических исследований, связанных с исследованием пуль и гильз, стреляных из оружия не заводской сборки или переделанного оружия [3; 6], а также с проведением идентификации по деформированным пулям [9].

По нашему мнению, перспектива решения вышеуказанных проблем с разработкой соответствующих методик исследования объектов судебно-баллистической экспертизы может произойти в течение 10-15 лет, что позволит поднять на более высокую ступень качество решаемых судебно-баллистической экспертизой вопросов и в целом оказать существенную помощь правоохранительным органам в раскрытии и расследовании преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия.

Список литературы

1. Бахтадзе Г.Э. Криминалистическое исследование пуль гладкоствольного оружия, их комплектующих элементов и компонентов снаряжения // Вектор науки Томского государственного университета. 2012. № 3. С. 124-131.
2. Дильдин Ю.М. Методические рекомендации по идентификации нарезного огнестрельного оружия по следам на выстрелянных пулях // Судебная экспертиза. 2007. № 3. С. 18-24.
3. Зайцев В.Ф. Определение примененного огнестрельного оружия, переделанного из современных образцов газо-шумового, по его следам на гильзах, пулях и преградах // Экспертиза на службе следствия: тезисы докладов науч.-практ. конф. / Волгогр. юрид. ин-т МВД РФ. Волгоград, 1998. С. 97-100.
4. Кокин А.В. О необходимости формирования современных концептуальных основ криминалистического исследования нарезного огнестрельного оружия по следам на пулях // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 5-2. С. 37-42.
5. Комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (постатейный) / Смушкин А.Б. Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2015. 246 с.
6. Латышов И.В. Некоторые особенности в следах на пулях и гильзах, стреляных в 5,45 мм автоматах АКС-74У не заводской сборки // Вестник криминалистики. 2002. Вып. 2. С. 42-46.

7. Латышов И.В. Применение сканеров при производстве судебно- баллистических экспертиз и исследований // Судебная экспертиза. 2008. № 1. С. 41-48.

8. Ручкин В.А. О тенденциях развития криминалистической экспертизы оружия и следов его применения // Ученые-криминалисты и их роль в совершенствовании научных основ уголовного судопроизводства: материалы вузовской юбилейной науч.- практ. конф., посвященной 85-летию со дня рождения проф. Р. С. Белкина и юбилеям его учеников, 25-26 октября 2007 г. М., 2007. Ч. 1. С. 363-369.

9. Федоренко В.А. Особенности исследования следов на деформированных пулях при идентификации огнестрельного оружия // Судебная экспертиза. 2009. № 2. С. 37-48.

10. Чулков И.А. Кримнавигатор. Основные термины и понятия криминалистической техники и судебной экспертизы. Серия 6 «Судебная баллистика». Саратов, 2005. 86 с.

СОХРАНЕНИЕ ТАЙНЫ ИСПОВЕДИ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕМ: ЮРИДИЧЕСКАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

Хоборова К.Р.

студентка 3 курса Юридического института,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Лукьянчикова Е.Ф.

доцент кафедры уголовного права и процесса, к.ю.н.,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

В статье рассматриваются нравственно-этические проблемы соотношения норм религии и права, содержащих запрет на допрос священнослужителя об информации, ставшей ему известной из исповеди, и о возможности разглашения тайны исповеди в целях предупреждения и раскрытия преступления, предотвращения возможного вреда. В работе представляются различные мнения ученых по этому вопросу. Осуществлен поиск наиболее нравственного, благоразумного выхода из данной ситуации, предлагаются меры законодательного характера, в частности, автором обосновывается возможность разглашения тайны исповеди в исключительных случаях.

Ключевые слова: тайна исповеди, свидетельский иммунитет священнослужителя, отказ от дачи показаний.

«Конкурирующие ценности должны быть уравновешены на основе стандарта разумности».

Барак Аарон

Вопросы религии и права в контексте государства являются одними из наиболее сложных вне зависимости от времени. Регулирование общественных отношений, в которых участвуют священнослужители, на разных этапах развития общества предопределялось отношением светской власти к власти церковной. И хотя вопросы о религии и вероисповедании являются догматическими, тем не менее, связь религии, морали и права вынуждает законодательно устанавливать и регулировать складывающиеся связи.

Учитывая вышеуказанные особенности, в Российской Федерации был принят федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. Цель принятия данного закона сформулирована в преамбуле следующим образом: «Федеральное Собрание Российской Федерации, подтверждая право каждого на свободу совести и свободу вероисповедания, ... , основываясь на том, что Российская Федерация является светским государством, признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России, считая важным содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания, принимает настоящий Федеральный закон» [9, преамбула]. Таким образом, законодатель определил особую важность и необходимость религии как части исторического наследия народов и создание условий для поддержания и функционирования данного вида наследия.

Особый интерес представляет норма, закреплённая в ч. 7 ст. 3 вышеуказанного закона. В ней законодатель установил охрану тайны исповеди, которая запрещает привлекать к ответственности священнослужителя за отказ от дачи показаний об обстоятельствах, которые ему стали известны из исповеди. Подобного рода норма была внесена и в Уголовно-процессуальный кодекс, в ч. 3 ст. 56 которого обозначается запрет на допрос священнослужителя об обстоятельствах, которые ему стали известны из исповеди.

Вопрос о наделении священнослужителя правом свидетельского иммунитета и исключении его из числа лиц, которые могут быть допрошены в качестве свидетелей по уголовному делу, вызывает большое количество разногласий и споров. История этого вопроса напрямую связана с историей развития христианства. Уже в VI веке церковь установила строжайшее правило для священнослужителей об обязательном соблюдении молчания обо всех обстоятельствах, которые стали ему известны на исповеди. «Номоканон при требнике 1662 года запрещал разглашать сведения, оглашенные при исповеди» [7, с. 334]. Положение о сохранности тайны исповеди изменилось во время правления Петра I. В «Наставлении о должностях пресвитеров приходских» (1765-1775 г.) было установлено, что тайна исповеди не подлежит разглашению ни перед каким-либо лицом. Однако же положения, содержащиеся в ст. 11 и 12 Духовного Регламента, а также в ст. 828 Устава евангелическо-лютеранской церкви, согласно которому священник не только не допускал ко святому причастию лицо, но и обязан был сообщить в соответствующие структуры о грозящей опасности монарху, императорскому дому или государству. Тайна исповеди нашла свое отражение также и в более современных процессуальных нормах. Статья 371 Устава уголовного судопроизводства России запрещала допрашивать священника об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди. Таким образом, с самого начала развития христианства церковь придерживалась строгого правила о запрете разглашения тайны исповеди. Это правило закреплялось в нормативных правовых источниках и

подлежало обязательному применению вне зависимости от принадлежности церкви государству.

Вопрос о предоставлении права отказаться от дачи показания ввиду запрета на разглашение тайны исповеди весьма актуален и требует большой внимательности и осторожности при его разрешении. В современном мире участились события, связанные с совершением таких тяжких преступлений как террористические акты, бандитизм, захват заложников, которые угрожают общественному порядку и безопасности. По этой причине возникает резонный вопрос: сохранить норму о тайне исповеди и допустить гибель людей или предотвратить совершение преступления, о котором узнал священнослужитель из исповеди? С вопросами по данной проблеме сталкивается не только законодатель, но также и священнослужитель. Какой выбор надлежит сделать ему при столкновении интересов между его профессиональным и гражданским долгом? С одной стороны – церковные каноны, запрещающие ему разглашать тайну исповеди, а с другой – внутренние нравственные побуждения, требующие уведомить общественность о злодеянии. Какие меры он может предпринять, чтобы восстановить справедливость, нарушенную преступлением или спасти чью-то жизнь?

В юриспруденции на этот счёт имеются различные мнения. В основном, существуют три концепции: 1) допускается разглашение тайны исповеди, 2) исключается возможность разглашения этих сведений и 3) допускается разглашение только в особых, исключительных случаях.

В поддержку разглашения тайны исповеди имеются следующие мнения. Д. Татьяна и Л. Закирова полагают, что если «священник может и готов способствовать раскрытию преступлений, следует сделать исключение, позволяющее раскрывать тайну исповеди в интересах уголовного процесса. В интересах государства создать условия для священников, чтобы он мог безбоязненно сообщать информацию, ставшую ему известной из исповеди, касающейся преступления, без опасения наказания со стороны церкви» [8, с. 141]. Раскрывая далее свою позицию, авторы предлагают наделить священнослужителя также «иммунитетом от наказания по каноническому праву за разглашение тайны исповеди». Ими указывается, что «целесообразно внести поправки и дополнения в УПК РФ таким образом, чтобы у священника была гарантия, что при сотрудничестве с правоохранительными органами церковь его не накажет» [8, с. 141]. С одной стороны данная позиция кажется весьма подходящим решением для установленной проблемы, но все-таки она абсолютно противоречит «профессиональным» основам и этике священнослужителя. Потому как миссия священнослужителя, принимающего исповедь, да и само понятие исповеди априори противоречат какому-либо вообще разглашению, даже «в интересах содействия следствию».

Подобные предположения не раз встречались в теории уголовно-процессуального права. Так, Г.Н. Королев предлагает священнослужителю убедить человека, пришедшего исповедоваться признаться в совершенном им преступлении, или, если такой вариант невозможен «отказаться от своего сана и как полноправный гражданин изобличить преступника» [4, с. 30]. Тем

не менее, такой подход вряд ли можно считать верным. «Исповедь и услышанные в этот период сведения имеют место во время действия сана священнослужителя, даже лишившись которого, он не имеет права разглашать полученную информацию» [1, с. 17]. Это можно подкрепить аргументом о самом значении слова «таинство», из которого ясно прослеживается однокоренное слово «тайна», то есть недоступность и недопустимость вмешательства кого-либо в совершение данного деяния. Для людей верующих обращение к таинствам церкви является священнодействием. Этот смысл был положен в основу законодательных норм, регулирующих отношение государства к церкви.

Помимо этого, существует позиция, изложенная В.Е. Евсеенко, которая основывается на постановлениях и определениях Конституционного Суда РФ. Указанные акты рассматривают свидетельский иммунитет адвокатов и возможность отказа от него при согласии на разглашение таких сведений со стороны подзащитного и на священнослужителя при получении соответствующего согласия на это со стороны лица исповедовавшегося [2, с. 191-192]. Однако недопустимо применять предписания по аналогии, поскольку отношения между священнослужителем и исповедуемым имеют свои специфические особенности ввиду религиозного смысла. Помимо этого, даже при наличии согласия исповедавшегося, священнослужитель не имеет права разглашать эти сведения ввиду канонических запретов. Эти предписания не только уважаются людьми верующими, «религиозные обряды имеют значение священной ценности» для них [5, с. 614]. Учитывая вышеизложенное, запрет на допрос священнослужителя является одним из показателей уважительного отношения к религиозным чувствам верующих.

Что касается позиции запрета на разглашение тайны исповеди, то здесь высказываются следующие мнения. А.Ф. Кони указывает: «Здесь возможность раскрытия преступного дела и установления вины приносится в жертву необходимости сохранить высокое и просветляющее значение исповеди. И закон тысячу раз прав, не допуская искажения таинства покаяния обращением его во временное и случайное орудие исследования преступления! Прав он и в том, что проводит свое запрещение допрашивать священника о тайне исповеди последовательно и неуклонно, не соблазняясь возможностью лукаво предоставить ему лишь отказываться отвечать на такой допрос» [3, с. 53-54]. Таким образом, А.Ф. Кони возводит значение сохранения тайны исповеди выше интересов следствия, поддерживая положение о том, что исповедь – это не средство раскрытия преступления. И, действительно, с этим нельзя не согласиться, поскольку нравственный аспект тайны исповеди одинаково важен как для уголовно-процессуального, так и для канонического права.

На нравственную составляющую тайны исповеди указывала также и З.В. Макарова [5, с. 41], полагая, что в отношении между священнослужителем и исповедуемым не должно быть каких-либо ограничений и исключений, и посягать на эти отношения не допустимо.

Третья концепция нашла наиболее полное отражение в разделе IX Основ социальной концепции Русской Православной Церкви, содержащих сле-

дующее положение: «Даже в целях помощи правоохранительным органам священнослужитель не может нарушать тайну исповеди. Священнослужитель призван проявлять особую пастырскую чуткость в случаях, когда на исповеди ему становится известно о готовящемся преступлении. Без исключений и при любых обстоятельствах свято сохраняя тайну исповеди, пастырь одновременно обязан предпринять все возможные усилия для того, чтобы преступный умысел не осуществился. В первую очередь это касается опасности человекоубийства, особенно массовых жертв, возможных в случае совершения террористического акта или исполнения преступного приказа во время войны. Помня об одинаковой ценности души потенциального преступника и намеченной им жертвы, священнослужитель должен призвать исповедуемого к истинному покаянию, то есть к отречению от злого намерения. Если этот призыв не возымеет действия, пастырь может, заботясь о сохранности тайны имени исповедующегося и других обстоятельств, способных открыть его личность, предупредить тех, чьей жизни угрожает опасность. В трудных случаях священнослужителю надлежит обращаться к епархиальному архиерею» [6, с. 52, 53]. На наш взгляд, данное положение наиболее полно даёт ответы на поставленные нами вопросы и предлагает комплексное, разностороннее их разрешение.

Таким образом, канонические предписания Русской Православной Церкви только в порядке исключения всё – таки допускают возможность раскрытия тайны исповеди, но только в определённых случаях. Тогда, возможно, уголовно – процессуальные нормы не должны так строго ограничивать волю священнослужителя в стремлении выполнить свой гражданский долг? Согласно требованиям пункта 2 ст. 4 и статьи 15 Закона "О свободе совести и о религиозных объединениях" государство уважает внутренние установления религиозных объединений, не вмешивается в их деятельность, если она не противоречит закону. Может быть, разумнее было бы наделить священнослужителя *правом* свидетельствовать, а не ограничивать строгой *обязанностью* к неразглашению? Государство не должно себя ограничивать в вопросе о возможности допроса священнослужителя в качестве свидетеля, если в *особых случаях*, не нарушая канонических предписаний, он готов это сделать добровольно. На наш взгляд разглашение тайны будет возможно исключительно на такой основе.

В связи с этим обоснованной представляется возможность изменить норму пункта 4 части 2 статьи 56 УПК РФ, о возможности допроса священнослужителя и наделении его *правом* разглашения тайны исповеди, исключительно при особых, чрезвычайных обстоятельствах и только в случае его самостоятельного волеизъявления.

В заключение отметим, что данный вопрос требует большой осторожности, последовательности и наличия чрезвычайных мер, поскольку отношения между священнослужителем и исповедующимся основаны исключительно на доверии и религиозной связи. Ни в коем случае нельзя допустить злоупотребления разглашением тайны исповеди, потому что это попросту лишит доверия к этой религиозной процедуре.

Список литературы

1. Будников В.Л. Иммунитет свидетеля в уголовном процессе [Текст]: лекция / В.Л. Будников. – Волгоград: Из-во Волгоград. гос. ун-та, 1998.
2. Евсеенко В.Е. Тайна исповеди в российском уголовном судопроизводстве. / Международный научно-практический журнал «Общество и право». 2014. № 2.
3. Кони А.Ф. Собр. соч.: в 8 т. – М., 1967. – Т. 4.
4. Королев Г.Н. Тайна исповеди в уголовном процессе // Российская юстиция. 1995. № 2.
5. Макарова З. В. Гласность уголовного процесса: Концепция и проблемы развития: автореф. дисс. д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1996.
6. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Информационный бюллетень. Отдел внешних церковных связей Московского патриархата. 2000. N 8. С. 52, 53.
7. Российское законодательство X-XX веков: в 9-ти томах / под ред. Б.В. Виленского. – М.: Юрид. литр., 1991. – Т. 6.
8. Татьяна Д., Закирова Л. Проблемы тайны исповеди в уголовном процессе России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3.
9. Федеральный закон "О свободе совести и о религиозных объединениях" от 26.09.1997 N 125-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

УПРАЗДНЕНИЕ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РФ: ВОЗМОЖНО ЛИ ЭТО?

Черных В.А.

студент 4 курса Юридического института,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Лукьянчикова Е.Ф.

доцент кафедры уголовного права и процесса, к.ю.н.,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

В статье осуществляется анализ теории, в соответствии с которой стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе уже изжила себя и требует своей ликвидации. В рамках исследования рассматриваются место и значение данной стадии в уголовном судопроизводстве, а также осуществляется прогноз возможных последствий в случае ее упразднения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, возбуждение уголовного дела, упразднение стадии уголовного процесса.

Возбуждение уголовного дела – это первоначальная стадия уголовного процесса, основной задачей которой является установление наличия правовых оснований для начала уголовного судопроизводства и осуществления процессуальных действий. Таким образом, факт возбуждения уголовного дела выступает в качестве основания для принятия всех последующих процессуальных решений и организации и производства следственных действий. На

сегодняшний день общеизвестно, что без возбуждения уголовного дела невозможно ни осуществление допроса, ни применения мер процессуального принуждения. Более того, если уголовное дело не было возбуждено, то все сведения лишаются своей доказательственной силы.

Несмотря на очевидную, на наш взгляд, важность данной стадии уголовного процесса, в науке ведутся активные дискуссии относительно целесообразности ее существования и дальнейшего сохранения, при этом мнения разнятся в весьма широком диапазоне. Например, А.И. Макаркин придерживается точки зрения, что стадия возбуждения уголовного дела «изжила себя и не представляет практической значимости, вследствие чего нуждается в своей ликвидации» [3, с. 46]. С.П. Сереброва высказывалась несколько иначе, указывая, что «определение жесткого места института возбуждения уголовного дела и рассмотрение его в качестве самостоятельной стадии уголовного процесса вполне разумно и целесообразно» [4, с. 126]. А вот В.М. Быков отметил, что стадия возбуждения уголовного дела нередко является помехой для быстрого реагирования на преступления в силу запретов проведения некоторых следственных действий [2, с. 186].

Мы не можем согласиться с утверждением, что стадию возбуждения уголовного дела необходимо исключить из уголовного процесса. Аргументируем свою позицию следующими доводами.

Во-первых, несмотря на «громкие» заявления некоторых ученых (в частности, того же А.М. Макаркина) относительно несамостоятельности рассматриваемой стадии, мы абсолютно уверены, что таковой она является. Объясняем это тем, что возбуждение уголовного дела обладает всеми признаками самостоятельной стадии уголовного процесса: обладает начальным моментом, ограничена процессуальными сроками, имеет особый круг участников, свои задачи, а также имеет момент завершения предусмотренными в УПК РФ решениями.

Во-вторых, эта стадия предназначена, прежде всего, для защиты лица от незаконного применения к нему мер процессуального принуждения. Полагаем, что упразднение института возбуждения уголовного дела, осуществляемого в отношении определенного лица, «откинет» правоприменителя к ситуации, существовавшей до 2001 года, когда следователь, лишь предполагая, что конкретное лицо причастно к совершению преступления, был вынужден его допрашивать как свидетеля в силу того, что закон не предусматривал иного порядка [1, с. 26]. На наш взгляд, именно возбуждение уголовного дела в процессуальном порядке дало возможность преодолеть указанную проблему, а также обеспечить право на защиту и охрану законных интересов подозреваемого лица.

В-третьих, отказ от стадии возбуждения уголовного дела как от этапа, на котором происходит выявление оснований для начала осуществления активной деятельности, не лучшим образом скажется на уровне законности, так как возникнет реальная возможность осуществлять любые следственные действия, которые сопряжены с применением мер принуждения без установления фактических данных о преступлении или лице, которое его совершило.

Другими словами, для осуществления абсолютно любого следственного действия будет достаточно «минимума» информации, например заявления о преступлении. Полагаем, что это не только существенно усложнит работу органов следствия, но также и «перегрузит» ее лишними и неоправданными действиями сотрудников данных структур, особенно если впоследствии выяснится, что оснований для возбуждения уголовного дела нет. Более того, отмена стадии возбуждения уголовного дела приведет к нарушению принципа экономии времени и средств в процессе осуществления расследования, что недопустимо в работе правоохранительных органов.

В завершение следует отметить, что в современном законодательстве в случае возникновения таких ситуаций, когда наличие признаков преступления не вызывает у следователя (или дознавателя) сомнений, то проверка может и не проводиться. Например, по сообщению, которое было передано по телефонной связи, следственно-оперативная группа прибыла на место обнаружения трупа с явными криминальными повреждениями. В данном случае проверка обстоятельств дела сведется к осмотру места происшествия и трупа и вынесению постановления о возбуждении уголовного дела по факту насильственного причинения смерти [5, с. 35].

Резюмируя вышеизложенное, мы можем с уверенностью констатировать, что упразднение стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе – это неразумно и заведомо нецелесообразно. Ликвидация данного этапа приведет к бессистемности уголовного судопроизводства в целом, путанице в сроках осуществления расследования, увеличению количества нарушений прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также к бессмысленной трате времени сотрудниками правоохранительных органов на реализацию следственных действий. Таким образом, мы пришли к выводу, что возбуждение уголовного дела – это неотъемлемая стадия уголовного судопроизводства, которая обладает огромной значимостью и не может быть упразднена ни при каких обстоятельствах.

Список литературы

1. Александров А.С. Стадия возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя оставить // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 5. С. 25-29.
2. Быков В.М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Казань: Юрайт, 2008. 369 с.
3. Макаркин А.И. Состязательность на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. 194 с.
4. Сереброва С.П. Проблемы рационализации досудебного производства. М.: Статут, 2003. 495 с.
5. Тарзиманов В.М. Целесообразен ли отказ от стадии возбуждения уголовного дела // Право. 2013. № 1. С. 33-42.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ЖЕНЩИН, ЛИЦ С СЕМЕЙНЫМИ ОБЯЗАННОСТЯМИ

Шахбанова Ю.А.

доцент кафедры гражданского права и процесса, канд. юрид. наук,
Московский государственный гуманитарно-экономический университет,
Россия, г. Москва

Данная статья посвящена актуальной теме в трудовом праве – особенностям правового регулирования трудовых отношений женщин и лиц с семейными обязанностями. В рамках работы проводится анализ положений трудового и социального законодательства, регулирующих условия труда для данной категории лиц, которые обязательны для выполнения всеми работодателями.

Ключевые слова: трудовой договор, женский труд, лица с семейными обязанностями, неполное рабочее время.

Общеизвестно, что семья является основной ячейкой общества, именно поэтому политика нашего государства должна быть направлена на охрану и помощь как при ее образовании, так и в процессе воспитания детей.

В соответствии со ст. 19 Конституции РФ женщины имеют равные с мужчинами права и свободы, а также равные возможности для их реализации.

В области трудовых отношений равноправие женщин обеспечивается предоставлением равных с мужчинами прав и возможностей в получении профессиональной подготовки, в труде, вознаграждении за него и продвижении на работе.

В целях обеспечения фактического равенства с учетом особенностей женского организма, трудовым и социальным законодательством предусмотрены льготы и поощрения.

Рассмотрим понятие лиц с семейными обязанностями, исследуя положения международных конвенций и постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Согласно ст. 1 Конвенции МОТ № 156 «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями» (1981 г.) к работникам с семейными обязанностями относятся работники – мужчины и женщины, имеющие семейные обязанности. Под семейными обязанностями понимаются обязанности, связывающие членов социальной группы, основанной на браке или другом юридическом факте, объединенных общностью жизни. При этом учитываются семейные обязанности работников, возникающие по отношению:

- к детям, находящимся на иждивении (детям, моложе возраста обязательного школьного образования или моложе 15 лет, или ребенку, страдающему хроническим заболеванием или являющемуся инвалидом, до достижения им возраста 18 лет);

- к другим ближайшим родственникам – членам семьи (супругу, родителям, братьям и сестрам, внукам), нуждающимся в уходе или помощи [1, с. 11-15].

В соответствии с п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 N 1 "О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних" к лицам с семейными обязанностями может быть отнесен работник, имеющий обязанности по воспитанию и развитию ребенка в соответствии с семейным и иным законодательством (родитель, усыновитель, лицо, наделенное правами и обязанностями опекуна или попечителя); другой родственник ребенка, фактически осуществляющий уход за ним, в случаях, прямо предусмотренных законом (часть вторая статьи 256 ТК РФ); работник, имеющий обязанности в отношении других членов своей семьи, нуждающихся в установленных случаях в уходе или помощи.

Так традиционно сложилось в обществе, что почти все семейные заботы лежат на плечах женщин, поэтому большинство льгот адресовано исключительно им. Физиологические особенности женщины, ее детородная функция не могут не наложить отпечатка на объем ее прав в процессе осуществления трудовой деятельности. С этим связаны ограничения при выполнении тяжелых работ, подъеме тяжестей и другие льготы и поощрения, предоставляемые нашим трудовым и социальным законодательством [9].

Особая охрана труда женщин начинается уже с момента приема на работу. Так, запрещается применение труда женщин на тяжелых работах и на работах с вредными и опасными условиями труда. Перечень таких работ утверждается Правительством РФ [4]. На уровне субъектов РФ он может дополняться.

Запрещается также применение женского труда на подземных работах в горнодобывающей промышленности и на строительстве подземных сооружений, за исключением нефизических работ. На этих работах женщины могут занимать руководящие должности, заниматься санитарно-бытовым обслуживанием.

Запрещено обучение и прием на работу женщин в качестве трактористок, машинистов, водителей грузовых автомобилей, а также привлечение женщин детородного возраста (до 35 лет) к выполнению операций в растениеводстве, животноводстве, птицеводстве, связанных с применением ядохимикатов, пестицидов и дезинфицирующих средств (было введено постановлением Верховного Совета РСФСР от 1 ноября 1990 г. «О неотложных мерах по улучшению положения женщин, семьи, охраны материнства и детства на селе») [10, с.29].

Постановлением Правительства РФ от 6 февраля 1993 г. «О новых нормах предельно допустимых нагрузок для женщин при подъеме и перемещении тяжестей вручную» [5] для женщин установлены предельные нормы перемещения и подъема тяжестей – 10 кг при чередовании с другой работой, а если работа связана с постоянным в течение смены подъемом и перемещением тяжестей – 7 кг, а также установлены предельные нормы динамической

работы и перемещения грузов на тележках или контейнерах.

При приеме на работу по соглашению с женщиной заключается трудовой договор. Трудовым законодательством предусмотрены гарантии при приеме на работу беременных женщин и женщин, имеющих несовершеннолетних детей.

Запрещается отказ от заключения трудового договора с женщинами по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей. По ст. 64 ТК РФ, не допускается прямое либо косвенное ограничение прав или установление преимуществ в зависимости от пола, расы и других признаков.

Согласно статье 93 ТК РФ неполный рабочий день (смена) или неполная рабочая неделя устанавливается беременным женщинам, одному из родителей (опекуну, попечителю), имеющему ребенка в возрасте до четырнадцати лет (ребенка-инвалида в возрасте до восемнадцати лет), лицу, осуществляющему уход за больным членом семьи в соответствии с медицинским заключением. Предоставление такой продолжительности рабочего времени осуществляется на основании заявления указанных лиц и является обязанностью работодателя. Данное правило распространяется и на других лиц, воспитывающих детей в возрасте до четырнадцати лет (ребенка-инвалида в возрасте до восемнадцати лет) без матери. Оплата труда в таком случае производится пропорционально отработанному времени или в зависимости от выполненного объема работ.

Следует учитывать, что направление в служебные командировки, привлечение к сверхурочной работе, работе в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни беременных женщин запрещается.

Женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет, работники, имеющие детей-инвалидов, а также работники, осуществляющие уход за больными членами своих семей в соответствии с медицинским заключением, матери и отцы, воспитывающие без супруга (супруги) детей в возрасте до пяти лет, а также опекуны детей указанного возраста могут направляться в служебные командировки, привлекаться к сверхурочной работе, работе в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни только с их письменного согласия и при условии, что такая работа не запрещена им по состоянию здоровья в соответствии с медицинским заключением. Данное правило распространяется и на других лиц, воспитывающих детей в возрасте до пяти лет без матери. Названные работники должны быть в письменной форме ознакомлены со своим правом отказаться от указанной работы. Такой отказ не считается дисциплинарным проступком, в связи с чем эти работники не могут быть привлечены к дисциплинарной ответственности. Отказ от работы в ночное время является правомерным и в том случае, когда на ее выполнение была затрачена лишь часть ночного времени.

Работающим женщинам, имеющим детей в возрасте до полутора лет, предоставляются помимо перерыва для отдыха и питания дополнительные перерывы для кормления ребенка (детей) не реже чем через каждые три часа непрерывной работы продолжительностью не менее 30 мин. каждый.

При наличии у работающей женщины двух и более детей в возрасте до

полутора лет продолжительность перерыва для кормления устанавливается не менее одного часа.

По заявлению женщины перерывы для кормления ребенка (детей) присоединяются к перерыву для отдыха и питания либо в суммированном виде переносятся как на начало, так и на конец рабочего дня (рабочей смены) с соответствующим его (ее) сокращением.

Перерывы для кормления ребенка (детей) включаются в рабочее время и подлежат оплате в размере среднего заработка (ст. 258 ТК РФ).

Беременным женщинам в соответствии с медицинским заключением и по их заявлению снижаются нормы выработки, нормы обслуживания, либо эти женщины переводятся на другую работу, исключающую воздействие неблагоприятных производственных факторов, с сохранением среднего заработка по прежней работе.

В соответствии с положениями Гигиенических рекомендаций к рациональному трудоустройству беременных женщин (утв. Госкомсанэпиднадзором РФ от 21.12.1993, Минздравом России от 23.12.1993) беременным работницам устанавливается дифференцированная норма выработки со снижением в среднем до 40% от постоянной нормы с сохранением среднего заработка по прежней работе [6].

Если сразу предоставить работу, исключающую воздействие неблагоприятных производственных факторов невозможно, то до предоставления беременной женщине другой работы она подлежит освобождению от трудовой деятельности с сохранением среднего заработка за все пропущенные вследствие этого рабочие дни за счет средств работодателя.

Женщины, имеющие детей в возрасте до 1,5 лет, в случае невозможности выполнения прежней работы по их заявлению переводятся на другую работу с оплатой труда не ниже среднего заработка на прежнем месте до достижения ребенком возраста 1,5 лет.

По заявлению женщины ей предоставляется отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет. Порядок и сроки выплаты пособия по государственному социальному страхованию в период указанного отпуска определяются федеральным законом [3].

Отпуска по уходу за ребенком могут быть использованы полностью или по частям также отцом ребенка, бабушкой, дедом, другим родственником или опекуном, фактически осуществляющим уход за ребенком.

По заявлению женщины или указанных лиц во время нахождения в отпусках по уходу за ребенком они могут работать на условиях неполного рабочего времени или на дому с сохранением права на получение пособия по государственному социальному страхованию.

На период отпуска по уходу за ребенком за работником сохраняется место работы (должность).

Определенные особенности для данной категории лиц установлены законом и при прекращении трудовых отношений. В частности, статья 261 ТК РФ гласит, что в случае истечения срочного трудового договора в период беременности женщины работодатель обязан по ее письменному заявлению и

при предоставлении медицинской справки, подтверждающей состояние беременности, продлить срок действия трудового договора до окончания беременности, а при предоставлении ей в установленном порядке отпуска по беременности и родам – до окончания такого отпуска. Женщина, срок действия трудового договора с которой был продлен до окончания беременности, обязана по запросу работодателя, но не чаще чем один раз в три месяца, предоставлять медицинскую справку, подтверждающую состояние беременности. Если при этом женщина фактически продолжает работать после окончания беременности, то работодатель имеет право расторгнуть трудовой договор с ней в связи с истечением срока его действия в течение недели со дня, когда работодатель узнал или должен был узнать о факте окончания беременности [2].

Однако при определенных обстоятельствах увольнение беременных женщин все-таки допускается. Она может быть уволена в связи с истечением срока трудового договора в период ее беременности, если трудовой договор был заключен на время исполнения обязанностей отсутствующего работника и невозможно с ее письменного согласия перевести до окончания беременности на другую имеющуюся у работодателя работу (как вакантную должность или работу, соответствующую квалификации женщины, так и вакантную нижестоящую должность или нижеоплачиваемую работу), которую женщина может выполнять с учетом ее состояния здоровья. При этом работодатель обязан предлагать ей все отвечающие указанным требованиям вакансии, имеющиеся у него в данной местности. Предлагать вакансии в других местностях работодатель обязан, если это предусмотрено коллективным договором, соглашениями, трудовым договором [7].

Расторжение трудового договора с женщинами, имеющими детей в возрасте до трех лет, одинокими матерями, воспитывающими ребенка в возрасте до четырнадцати лет (ребенка-инвалида до восемнадцати лет), другими лицами, воспитывающими указанных детей без матери, по инициативе работодателя не допускается, за исключением следующих случаев, предусмотренных в ст. 261 ТК РФ: при банкротстве предприятия и последующей ликвидации; при наличии нескольких выговоров, за многочисленное неисполнение вмененных обязанностей; за прогул; за появление на территории учреждения в состоянии опьянения; за разглашение коммерческой либо государственной тайны; за совершение хищения либо растраты имущества компании; за нарушение техники безопасности, что привело к значительному ущербу либо создало угрозу жизни для работников компании; за предоставление подложных документов либо недостоверных данных; за совершение аморального поступка лицом, выполняющим воспитательные функции.

В заключении необходимо отметить, что в соответствии с Конвенцией МОТ №156 «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин, трудящихся с семейными обязанностями», ратифицированной Россией в 1997 году, определенные гарантии предоставляются также лицам, воспитывающим детей без матери. Речь идет об отцах, воспитывающих детей без матери, в том числе в случае расторжения брака между родителями ребенка; мужчинах, воспитывающих без матери усыновленных им

детей; опекунах и попечителях, отчимов и приемных отцов. Им в соответствии с трудовым законодательством предоставляются, например, следующие гарантии и льготы: запрет отказа в заключение трудового договора по мотивам, связанным с наличием ребенка (ст. 64), ограничение работы в ночное время (ст. 96, 259 ТК РФ), гарантии при установлении очередности отпусков (ст. 260 ТК) и другие.

Рассмотренные льготы для женщин и лиц с семейными обязанностями должны предоставляться всеми работодателями независимо от того, на основе какой формы собственности (частной, государственной, муниципальной, а также собственности общественных объединений или организаций) они созданы.

В настоящее время политика государства направлена на поддержку материнства, отцовства, детства, здоровья женщин во время беременности, родов и после них; предоставляет больше гарантий и возможностей на работе. Ведь для духовного и экономического возрождения общества необходимо уделять большое внимание будущему поколению, от которого в значительной степени зависит развитие нашей страны.

Список литературы

1. Конвенция N 156 Международной организации труда "О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями" (принята в г. Женеве 23.06.1981 на 67-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // "Бюллетень международных договоров". 2004. N 10. С. 11-15.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // "Российская газета", N 256, 31.12.2001.
3. Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 18.
4. Постановление Правительства РФ от 25.02.2000 г. № 162 «Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными и опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин» // Собрание законодательства. 2000. № 10. Ст. 1130.
5. Постановлением Правительства РФ от 6 февраля 1993 г. «О новых нормах предельно допустимых нагрузок для женщин при подъеме и перемещении тяжестей вручную» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 7. Ст. 566.
6. Гигиенические рекомендации к рациональному трудоустройству беременных женщин (утв. Госкомсанэпиднадзором России 21.12.1993, Минздравом России 23.12.1993) // СПС КонсультантПлюс.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 N 1 "О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних" // "Российская газета", N 27, 07.02.2014.
8. Воробьев В.В. Трудовой договор. М., 2015. С. 241-243.
9. Мерцалова Г.В. Проблемы правового регулирования труда женщин в СССР. М., 1991.
10. Петров А. Я. Трудовой договор. М.: Издательство Юрайт, 2013. С. 29.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО РОЗЫСКА ДОЛЖНИКА

Шорохова С.В., Ковалёва С.Ю.

студентки 4 курса кафедры «Уголовного права и криминологии»,
Ачинский филиал Красноярского государственного аграрного университета,
Россия, г. Ачинск

В статье затрагиваются актуальные вопросы проблематики исполнительного розыска должника, а также перспективы развития данного рода деятельности.

Ключевые слова: должник, исполнительный розыск, приставы, перспективы.

Гарантией фактического исполнения требований исполнительных документов, несомненно, является эффективное осуществление розыска должников. Именно поэтому данное направление деятельности Федеральной службы судебных приставов, сегодня одно из наиболее перспективных и динамично развивающихся.

В связи с пробелами правового регулирования длительное время розыск должников, а так же розыск ребенка осуществляется недостаточно эффективно. А все потому что, функция по розыску должников возложена на органы внутренних дел.

В системе законодательства, отсутствуют органы, которые бы осуществляли розыск должников. А также, сами сотрудники службы приставов по розыску должников, не имеют права проводить оперативно-розыскные мероприятия при розыске. Это ведет к тому, что возложенные на сотрудников требования, ведут препятствиям и полному качественному осуществлению полномочий.

В связи с этим 23 сентября 2011 года Президент Российской Федерации подписал Указ № 1240 «О внесении изменений в Положение о Федеральной службе судебных приставов, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1316». Изменения, внесенные отмеченным указом, вступили в законную силу с 1 января 2012 года.

Благодаря внесенным изменениям в Закон об исполнительном производстве, законодатель разъяснил характер розыска, осуществляемого в отношении ребенка и предусмотренного в вышеотмеченном указе.

При этом нужно отметить, что и до вступления в силу поправок, внесенных Указом и Законом о внесении изменений, судебные приставы-исполнители обладали правом реализовывать самостоятельно или с помощью органов внутренних дел розыск должника.

Всего за 2015 год разыскано 75,7 тыс. должников-граждан, из них 54,4 тыс. – должники по алиментам. Разыскано 113 детей, в том числе установлено место нахождения 55 детей, разыскиваемых по запросам Минобрнауки России. Сумма разысканного имущества превысила 2,7 млрд. руб. В сравнении с 2014 годом с 276,1 тыс. до 326,4 тыс. возросло количество арестов в,

наложенных на имущество должников в рамках исполнительных производств суммой задолженности свыше 3 тыс. руб. [4].

Несмотря на то, что ФССП России достигнуты неплохие результаты в основном общие положения, касающиеся оснований и порядка объявления розыска, последствий отыскания должника, не определяя при этом, какой комплекс мер может применяться судебным приставом-исполнителем при производстве розыска.

Похожие проблемы, возникают при применении других мер, направленных на установление лиц, объявленных в розыск. Так, определив, что разыскиваемый ребенок или гражданин-ответчик находится в помещении, судебный пристав-исполнитель не вправе войти в это помещение и произвести его осмотр, поскольку сегодня полномочие судебного пристава-исполнителя распространяется только на вход в помещения и хранилища, занимаемые должниками или принадлежащие им.

Стоит, особое внимание обратить, на такую проблему, как, розыск иногородних должников-граждан. Ведь на сегодняшний день, розыск производится, только по адресу должника, указанному в постановлении судебного пристава-исполнителя, а при получении информации, о его перемещении направляются бесконечные поручения коллегам в другие территориальные органы службы судебных приставов. Самостоятельное расширение ограничения места розыска недопустимо, так как при этом нарушаются территориальные полномочия судебного пристава.

С целью повышения эффективности розыска должника, его имущества, – ответчика по гражданскому делу, осуществляемого самостоятельно ФССП России, необходимо внести в законодательство изменения, определяющие розыскной инструментарий судебного пристава-исполнителя, и дополнить его такими мерами, как опрос, наведение справок, исследование предметов и документов, отождествление личности, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности. Это стандартные меры, без которых нормальный розыск просто невозможен.

Учитывая затраты бюджета на производство розыска должника, его имущества, розыска ребенка, полагаем целесообразным внести изменения в ст. 65 Закона об исполнительном производстве, предусматривающие, что розыск по исполнительным документам, содержащим требования о защите интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, будет осуществляться в тех случаях, когда сумма требований по исполнительному документу в отношении должника превышает определенную сумму, например, уже закрепленную в ст. 65 Закона об исполнительном производстве по отношению к другим категориям исполнительных документов, содержащих требования имущественного характера, – 10 тыс. руб. При этом указанное положение не должно распространяться на случаи взыскания с должников административных и уголовных штрафов.

Внесение всех полномочий по розыску в рамках исполнительного производства в пределах одного органа исполнительной власти благотворно сказывается на эффективности исполнения судебных решений. Это отражает

существующие особенности правоприменительной и судебной практики, что сказывается на особенностях правового регулирования соответствующих общественных отношений и дает возможность повышать эффективность деятельности судебных приставов-исполнителей. При этом, как отмечают специалисты, судебная практика стала приобретать несколько иное содержание, формируемое в силу тенденции усиления влияния решений вышестоящих судебных органов над нижестоящими [5].

На данном этапе ФССП России выделяется очень мало плюсов, а что касается минусов, то их достаточно много, но законодательство, пытается это исправить, создавая огромное количество поправок в законе.

В данное время, на рассмотрении, находится законопроект о судебных приставах, если его одобрят, то приставы получают право применять оружие, меры физического воздействия, и будет произведена реформа, по улучшению физической формы сотрудников. А в работе ФССП России будет выделяться меньше отрицательных факторов работы.

Исходя из изложенного выше, можно сделать вывод о том, что, все, таки, необходимо внести изменения и дополнения в нормативно-правовые акты, которые регулируют данную сферу деятельности судебных приставов.

А также, рационально определить понятие и содержание розыска в исполнительном производстве, закрепить статус должника, его обязанности и что, касается вопроса, о розыске должника и его имущества, то он нуждается в скорейшем подробном урегулировании. Имеет смысл установить более гибкие механизмы погашения различных видов задолженностей, так, как, очень часто происходят затруднения при исполнении исполнительных документов, таких, как: отсутствие имущества и работы у должников, места постоянного жительства, отсутствие истинных механизмов наказания лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов.

Особого внимания требует вопрос о возможности принудительного направления должников для выполнения социально существенной работы для погашения задолженности перед взыскателем. Нужно продолжать работу по укреплению специальных служб розыска имущества и должников, наделив эти службы правом свободного использования методов оперативно-розыскной деятельности; повысить эффективность взаимодействия службы судебных приставов и органов внутренних дел.

Таким образом, решения проблем розыска должников и их имущества является необходимым условием правомерного решения имущественного спора, а это уже будет содействовать вытеснению криминала из бытовых отношений, а также увеличению ответственности граждан друг, перед другом.

Список литературы

1. Губанов М.Н. Право судебных приставов на оперативно-розыскную деятельность // Юридическая наука – 2011. – № 4 – С. 71-72.
2. Гуреев В.А., Гуцин В.В. исполнительное производство: учебник. -М.: Эксмо, 2009. – 93 с.
3. Морозова И.Б., Треушников А.М. Исполнительное производство: учебное пособие. – Городец, изд. 3. 2004. – 328 с.

4. Статистика ФССП России [Электронный ресурс]. URL: http://fssprus.ru/files/fssp/db/files/201603/doklad_fssp_2015_201632939.pdf (дата обращения: 11.12.2016).

5. Тепляшин П.В. Перспективы расширения судебно-правового регулирования уголовно-исполнительных отношений // Российская юстиция. 2010. № 4. С. 60-62.

6. Тепляшин П.В. Перспективы судебного прецедента в сфере исполнения уголовных наказаний // Российский судья. 2010. № 10. С. 22-24.

Подписано в печать 12.01.2017. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 8,83. Тираж 100 экз. Заказ № 9
ООО «ЭПИЦЕНТР»
308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1
ИП Ткачева Е.П., 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а